

*МНЕ ВЕСНА НАВОРОЖИЛА...
Воспоминания друзей о Валерии Миляеве.*

Участники проекта:

Байчер Владимир, Болотовский Борис, Ванин Анатолий, Замятнин Александр, Гальцов Дмитрий, Геллер Борис, Грачев Владимир, Гусев Гера, Зубова Ирина, Егорова Ирина, Кандидов Валерий, Лейбович Дмитрий, Недорезов Володя, Некрасова Мила, Приходько Лидия, Прохоров Анатолий, Рыжкина Татьяна, Рукавишников Валерий, Рылов Станислав, Селезнева Наталья, Смирнов Сергей, Сокольская Ирина, Тиме Наталия, Трунковский Евгений, Рылов Станислав, Семенов Сергей, Фиштик Елена, Фридман Виктор, Харламов Андрей, Чекалин Сергей, Шарапов Валерий, Щеголькова Светлана.

В сборнике использованы отрывки из выступлений и публикаций авторов (из архивов А.Харламова и С.Щегольковой):

Захаров Владимир, Гапонов Юрий, Ковалева Светлана, Канер Валерий, Кессених Александр, Миляев Иван, Тонеев Слава, Никитин Сергей, Крылов Сергей, Комберг Борис.

В подготовке книги к печати принимали активное участие - *С.Щеголькова, А.Харламов.*

Редактор — *В.Недорезов*

Верстка макета — *Н.Нольде*

Обработка текстов с диктофона — *А.Харламов, Е.Тихонова*

На обложке - фотографии из архива *Славы Рылова и Сергея Чекалина*

Корректор – *Е.Тихонова*

Формат 70#100/16

Бумага мелованная

Гарнитура NewtonС

Печать офсетная

Объем.... стр.

Усл. печ. л. ??

Тираж 200 экз. ?

Изд-во ?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Физфак.	6
ФИАН- ИОФАН.....	35
Архимед.....	50
Театр.....	126
О личном.....	150
Авторы о себе	198

Предисловие

Идея написать сборник воспоминаний о Валерии Миляеве появилась сразу после выхода в свет книги «Вернуть былое» [1] о Валерии Канере в 2015 году. По меткому выражению Д. Гальцова, одного из авторов этого сборника, после появления оперы «Архимед», сочетание «Канер и Миляев» стало устойчивым, как Ильф и Петров. О них уже написано много общих воспоминаний. Это – книга самого В. Миляева [2], Л. Ивановой [3,4], В. Канера [5,6], С. Ковалевой [7], фотолетопись В. Шарапова [8] и др. Однако, очень многое осталось «за кадром», о чем свидетельствует большой состав авторов настоящей книги. Цель настоящего сборника - представить воспоминания друзей, которые иногда звучали на разных встречах, но все-таки мало кому знакомы. Таким образом, настоящий сборник не претендует на полноту изложения, но дополняет то, что опубликовано ранее. При этом большинство воспоминаний публикуется впервые. Особо следует отметить материалы из рукописной трехтомной книги «Всеобщая история Архимеда», любезно предоставленные А. Харламовым. Можно добавить, что на эту тему стали появляться большие монографии с попытками научного анализа событий в студенческой среде 60-х годов прошлого века, которые тоже использованы в настоящем сборнике [9].

Воспоминания некоторых авторов, например, Б.Болотовского на первый взгляд могут показаться не имеющими прямого отношения к личности В. Миляева, но они несомненно позволяют лучше понять атмосферу былых времен и среду, в которой вращался Валера Миляев. А с другой стороны, какие еще нужны обоснования для включения этих материалов в книгу, если каждое выступление «Архимеда» заканчивалось пением «Дубинушки»? И потом, мы старались избежать таких воспоминаний, которые похожи на поминальные речи, когда все говорят одно и то же и в итоге не говорят ничего.

Личность такого масштаба как Миляев притягивала и объединяла множество самых разных людей, включая как «физиков, так и лириков». С легкой руки поэта Бориса Слуцкого тема «Физики и лирики» активно, начиная с 60-х годов, стала популярной в широкой печати. Однако, до сих пор эта тема представлена однобоко, если не сказать предвзято. Прочитируем выдержку из Википедии (<https://ru.wikipedia.org/>): «Если «лирики» в основном увлекались поэзией и живописью, то «физики» держали руку на пульсе научно-технического прогресса, занимаясь изобретательством. В их среде Альберт Эйнштейн и Лев Ландау были культовыми фигурами». Такой подход в принципе представляется неправильным, потому что противопоставляет физиков и лириков, представляя их антиподами, а не объединяет их. Доказательством этому служит в том

числе жизнь Валерия Александровича Миляева, который объяснил и сформулировал, говоря научным языком, объективную причину этого явления. По его мнению, основа понятия «физики и лирики» базируется на том, что формулы в математике и стихи в литературе позволяют наиболее точно выразить суть описываемого предмета. Поэтому у физиков и лириков есть много общего, у них одинаковый менталитет. Поэтому физики способны писать хорошие стихи и могут успешно заниматься искусством, хотя лирикам для занятия наукой, как правило, не хватает образования. Этот подход не является новым, но сейчас он стал массовым. Его основателем можно, наверно, считать М.В. Ломоносова, известного естествоиспытателя и поэта. В нашей стране стихи пишут многие. Достаточно сказать, что в Интернете на сайте «стихи.ру» представлено более 36 миллионов стихотворений от 720 тысяч авторов, которые не являются профессионалами. Так что это явление носит массовый характер.

Особое место в воспоминаниях о Валере Миляеве занимает физфак МГУ, который создал понятие «физическое искусство» и из которого вышло много замечательных физиков и лириков. Воспоминания о научной деятельности Миляева составляют в книге малую часть от общего объема, а в основном все участники проекта вспоминают о художественном творчестве Валеры. И это понятно, так как описание научного творчества потребовало бы другого формата книги и другой аудитории читателей.

Как отмечал Иван Миляев, когда создавалась эта книга, многие из друзей захотели написать свои личные воспоминания о Валерии Александровиче. Мы выполняем их просьбу. Опубликованные ранее воспоминания тоже присутствуют, но представлены минимально, чтобы связать содержание книги, по возможности, в единое целое. При этом воспоминания авторов приводятся практически без редактирования, несмотря на несовершенство стиля, использование жаргона и другие авторские особенности. Однако, также как и в книге «Вернуть былое» про Канера, они разбиты по главам, чтобы избежать повторов и придать изложению цельный характер. Редакторские вставки помечены курсивом.

В заключении приведены краткие автобиографии, написанные о себе друзьями В. Миляева, пожелавшими участвовать в настоящем проекте. Степень их участия разная, но предоставление личных архивных материалов не менее ценно, чем личные воспоминания. Кстати, это – единственная часть книги, которая подверглась некоторому сокращению и редактированию.

Ред. совет: И. Миляев, В. Недорезов, С. Щеголькова

Глава 1. Физфак.

С. Щеголькова: Студенческие годы.

Мы с Валерой однокурсники. Наша юность пришлась на очень динамичное и интересное время. В 1955 году мы поступили на физический факультет МГУ. Нам очень повезло, потому что в 1953 году физический факультет переехал в новое здание на Ленинских горах. Но самое главное, что как раз к этому времени пришлось серьезные изменения в профессорско-преподавательском составе факультета. Большую роль в этом сыграла IV-я отчетно-выборная комсомольская конференция физфака, направившая после очень длинных дебатов, сопротивления руководства и парткома факультета, письмо в ЦК КПСС, в котором говорилось о необходимости улучшения учебного процесса на физфаке.

Ю.В. Гапонов, д.ф.-м.н., профессор, будучи уже сотрудником РИЦ «Курчатовский институт», участник тех событий, рассказал: комсомольцы физфака с помощью сотрудников Курчатовского института (бывшими студентами физфака) обратились непосредственно к Курчатову И.В. с просьбой поддержать решение конференции.

Курчатов И.В. лично обратился в ЦК КПСС. Основной аргумент: ему нужны хорошо подготовленные кадры. Была создана комиссия под председательством министра среднего машиностроения В.А. Малышева. В нее входили сотрудники ЦК, И.В. Курчатов, А.Н. Несмеянов, И.Г. Петровский, М.В. Келдыш. В результате 5 августа 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению подготовки кадров физиков в Московском государственном университете». Деканом утверждался В.С. Фурсов, к чтению лекций были привлечены академики И.Е. Тамм, М.Л. Леонтович, Л.А. Арцимович, И.К. Кикоин, Л.Д. Ландау, профессор С.Ю. Лукьянов. Нам удалось прослушать курсы лекций по теоретической физике Л.Д. Ландау, М.Л. Леонтовича, факультативно лекции по теории плазмы Л.А. Арцимовича. А как замечательно читал лекции по математике доцент Э.Г. Позняк.

Мы студенты, группа 117, пишем лекции, ходим на семинары и постепенно знакомимся. В этом году на физфак приняли девушек больше, чем обычно. В группе 8 девушек и 17 юношей. Первый наш Новый год встречаем группой. Нас человек 15, остальные готовятся к экзаменам. Собрались у меня (М. Колхозная пл., 6), смежные комнаты 15 и 9 кв.м казались хоромами, поскольку в то время многие москвичи жили в маленьких комнатах коммунальных квартир. Мы были молоды, веселы, дружны. Первого января отправились в кинотеатр «Форум» на фильм «Карнавальная ночь»! А на следующий день экзамен по химии! Все сдали. Уже настоящие студенты!

Валера всегда с нами. Блондин с большими выразительными глазами, спортивного телосложения. Скромн, тактичен, но не зажат, любознателен, дружелюбен, обладает хорошим чувством юмора, шутит с девушками.

Студенческая жизнь нравилась Валере, у него появилось много друзей, он часто после лекций шел с друзьями в общежитие. Дружеское общение, дебаты, гитара, песни. В эти годы общественная жизнь студентов кипела, что было, конечно, обусловлено ветром перемен, и нам казалось, что мы можем влиять на принятие различных решений. Активность нашего курса была через край.

В 1956 году студенты одной из групп (211) вывесили в холле центральной физической аудитории газету «Навстречу жизни». Одна из статей подняла вопрос о кибернетике, которая в кратком энциклопедическом словаре называлась лженаукой. Особое внимание привлекла статья, утверждающая, что комсомол в существующей форме себя изжил. Следом появилась еще одна газета другой группы с дискуссией на эту и другие темы. Газеты сняли, отнесли в партком, но на следующий день газеты опять появились. Начались разборки, вызовы в партком.

В школе мы были, как правило, единодушны в своих убеждениях. Наше раннее детство пришлось на годы войны, победа пришла в 1945-ом. Моя школа была очень хорошая, замечательные учителя. Дисциплина была строгая, а дискуссии не выходили за пределы литературных тем. Мальчики и девочки учились отдельно. Теперь, став студентами, мы чувствовали себя взрослыми, свободными и формировали и отстаивали свои убеждения.

На следующий год опять на отчетно-выборной конференции курса начались бурные дебаты. Например, студент Женя Максимов (в будущем доктор наук, сотрудник Троицкого филиала ФИАНа) заявил: «Что мы все время цитируем Ленина? Ленин жил давно и многие его высказывания устарели» (из воспоминаний Ю.Владимирова). Не все прошло безболезненно. Некоторые наши сокурсники были исключены из университета. Вадим Пакин и Женя Мясоедов, отслужив в армии, смогли доучиться на физфаке и успешно работать (В. Пакин в Новосибирском научном центре, Ж.Мясоедов в НИИЯФ МГУ). Дмитрий Ненароков смог поступить в МИФИ, Володя Поспелов на другой факультет МГУ, а Володя Денисик, отслужив в армии, поступил в институт нефти и газа.

Активность также проявлялась в организации различных творческих коллективов. Валера никогда не был инициатором каких-либо начинаний, но всегда был активным участником. Это конкурсы художественной самодеятельности, фестивали бардовской песни, выступления поэтов в Политехническом институте. Участие Валеры не было формальным, бездушным. Он ко всему подходил творчески, находя интересные

неординарные решения. Если это была физическая работа, то «вкалывал» в полную силу, но в то же время искал варианты наилучшего решения проблемы.

Уже окончив университет, он поехал на стройку липецкой ГЭС, где участвовал и в создании агитбригады. Как и всегда в любом коллективе Валера держался скромно, доброжелательно, готовый оказать любую помощь, при этом обладал прекрасным чувством юмора и любил шутить.

Т. Рыжкина (Шеваль) с фотографиями В. Миляева в составе 117 группы:

Осень 1955 года. Волею судеб и приемной комиссии мы студенты 117 группы физфака. С Валерой мы встретились именно в этой группе, и здесь завязались первые дружеские контакты, которые, как оказалось в дальнейшем, сохранились на долгие годы. Вот одна из первых совместных поездок за город в Ленинские горки.

Март 1956. Это одна из первых коллективных поездок нашей 117 группы (Горки Ленинские).

Празднуем 1 мая 1956 года в общежитии.

26 ноября 1958. Мой день рождения у меня дома.

А вот мы уже бывалые студенты. Третий курс, у нас появился один свободный день в неделю, именуемый в деканате днем "самостоятельной работы. Мы его проводим вот так.

Осень 1957.

Отмечаем где-то за городом свободный учебный день (день самостоятельной работы).

Татьяна Шеваль и Валерий Миляев.

Осень – 1957 г.

*Март 1958. У Жени Губочкиной на дне рождения.
Встреча бывшей 117 группы у меня дома.*

А вот мы уже прощаемся с физфаком.

Февраль 1961. Последняя студенческая встреча бывшей 117 группы.

С. Щеголькова. Ранние стихи В. Миляева:

Я б жизнь отдал за этот взгляд,
Я б залпом выпил этот яд.
И этот зной могучих глаз
Меня б спалил, как керогаз.

Увы, на свете нет таких
Зубастых, знойных, молодых
И кровь мою сосешь не ты,
И нету в жизни красоты.

«Знойная женщина»- мечта поэта».-
Кому не известна фраза эта.
Так взгляни же на этот портрет
В нем всей женской красы секрет.

Л. Приходько:

Не меньше, чем фотографии, вызывают ностальгию сохранившиеся у меня студенческие стихи Валерия Миляева. История этих стихотворений такая.

После распределения по кафедрам на 3-м курсе мы с ВМ оказались в одной группе на кафедре физики колебаний. Зав.кафедрой был В.В. Мигулин (будущий академик), а "простыми" доцентами были будущие Р.В. Хохлов и В.Б. Брагинский (и много других прекрасных преподавателей). К слову, в нашей группе были Сухоруков А.П. (будущий декан физфака) и Толя Широков. Тем не менее Валерий выбрал ФИАН для выполнения дипломной работы, и начиная с 4-го курса появлялся на факультете довольно редко (свободное посещение!). Были, конечно, и обязательные посещения, главное из которых - спецподготовка на военной кафедре. Так случилось (говорят, это было два раза в истории физфака), на нашем курсе спецподготовку на военной кафедре проходили и девушки, и уж в этот день Валерий приезжал на факультет (вернее, в главное здание навоенную кафедру) обязательно (по вторникам). На этих занятиях мы с ним и познакомились, (а до этого только здоровались - группа большая, около 40 человек, к тому же все сохранили дружеские связи с первыми группами). Иногда он приносил стихи на листочках, некоторые из сохранившихся я и высылаю. Еще не было Архимеда и "Приходит время" (правда, помню, мне очень понравилось его «Сено на подоконнике», и как он читал его у окна); словом, как говорит Щеголькова, тренировался на нас...

Итак, вот эти стихи, без комментариев:

Почему только раз в неделю
Я горю в зеленом огне? / по вторникам /
Ничего я такого не делал
Что так мало мучит вас мне
Почему только раз в неделю?

Я горю в зеленом огне
И на это сумасшедшему мне
Кто-то в черных зрачках-капюшках
Надо мной безразлично смеётся
Я горю в зеленом огне.

Ничего я такого не делал
Неизвестный совсем поэт
И меня ни славы, ни денег
Ваме чужа кудрявого нет
Ничего я такого не делал

Чтоб так мало мучит вас мне
Мучит было б на свет не мучит вас
Мучит было б мучтан нарядит вас
И массама на высокой стене
Зем так мало мучит вас мне.

Почему только раз в неделю
Я мочу на тебя смотреть? -
Ничего я такого не делал.
И в зеленом огне гореть
Не хочу только раз в неделю.

Ты читаешь внимательно книгу
И пишешь описания книги
И теперь - я не уверена уверена
Перебрана быть временем, уткам.

И не знаешь, не знаешь, права и ты
Только именем тихого, Тировамбай
И андрей безумно, нетошно
Каблуканни Флан Катондано.

Только я не рблцу, жасомно
Вам модне тебе злуро, занойно
Вам оураеи заи-то жавай дие
Воркано менз на жаждане.

И жасом кау сабай, вимучиван
Станко Странних Станка я вимучиван
Станко Белан с нудовним нудан
Станко нем я тебе наме нудан.

Нудовно, жакрыто, небезно
Почему ты ни слово не верена
И старриван улюбви рассеивать
Не по всей ли оураиман
Рассеивать?

В далёком, сказочном, счастливым, невозможном
Ты ждёшь меня, а я всё не иду
Не знаешь ты, какими неизмеримо огромными
Иду к тебе путем, но вернись — я приду.

А мне — мне столько жад ещё за это все сражались
И, умирая, звали тебя в бреду
И слова воспарялись и с песней к солнцу рвались...
Ты ждёшь меня, ты вернись — я приду.

Нет у меня ничего
~~Жизни~~ жизни одна
Только на тебе она
И не достать ~~никогда~~ до неё
Нет у меня ~~никого~~.

Нет у меня никого
Мираж, ты лишь одна
Только без тебя — у неё
Жизнь моя только одна
Нет у меня никого.

Странный я сон увидал
Утром над тихой рекой
Селки я прогал рывом
Любви твой человек.

Странный я сон увидал. W
M

Тюше смерти нам стоят
Вот — на "Т", а я на "М" —
почти это рядом

W
M

Маленькая мушка.

Луга! Знаешь ли
у мушки за сутки
Вырастает 15-метровая берега.
За год из маленькой мухи-мушки
Откармливается огромная слониха-ерунда.

Мне с этой слонихой никак не справиться,
Види хоть горла, хоть бока в том.
Кравится это мне или не кравится —
Обматывает и душит своими ужасными хоботом.
Куда ни беги — На Таймир, в Тибет

Х братцы и сестры, что живут в Камчатке
— Фомас и мурас, что думаю о тебе
Темко и разучо, о тебе вспоминаю.

Я не умею про любовь думать,
Како мой клас и како вы мне...

Что тебе за дело до нечастного человека,
Никого не видевшего Зеленой Ватеринии?

Под солнцем ледник за тысячу лет
Растает, а следом урезав сушу...

Какою агкою мамеи свет
Способен растонить
Тибет
Замеденевшю
Зушу?

А. Ванин.

Я был знаком с Валерой Миляевым с 1-го сентября 1955 года – с момента, когда мы оказались в 117 группе 2-го потока нашего курса на физфаке МГУ. Через 2,5 курса мы разбрелись по разным кафедрам факультета и только здоровались потом, встречаясь на физфаке или каком-то другом месте. Я мало что помню, связанное в это время с Валерой, но помню его первые стихи, очень тёплые и простые в словесном выражении. Они были полным его отражением – человека безхитростного, независтливого, радующегося успехам окружающих его друзей.

Более близкое наше знакомство состоялось уже через 40-50 лет после окончания физфака, когда мы – бывшие студенты нашей 117 группы начали встречаться по инициативе Светы Щегольковой, Тани Шеваль и самого Валеры, в основном, на его даче. Я не знаю, собирались таким же образом другие «первокурсные» группы нашего курса, но понять нашу тягу к этому сборищу нетрудно – оно было обусловлено нашим желанием вернуться в молодость, реализовать (правда, без всяких «фазовых переходов») то, что так хорошо выразил Валера в своём опусе «Когда я снова буду молодым.....». И это возвращение, действительно, осязалось.

Валера подарил мне свою замечательную книжку «Ласкающийся ёж» - с набором его стихов, воспоминаний и рассуждений. Особенно любопытными были его попытки подвести общую теорию не только под физический мир, но и под поэзию. Из этих попыток с очевидностью следовало, что Валера был не просто поэтом, а поэтом – физиком, поэтом - исследователем окружающего его мира.

В последние годы у Валеры пробудился интерес к живым системам, влиянию на них маленьких молекул – O₃, CO, NO, уровень которых в этих системах можно было определить физическими методами. Это интерес способствовал нашему сближению, поскольку (так оказалось), что я всю свою научную жизнь был связан с физико-химией и биологией монооксида азота - NO, важное биологическое предназначение которого стало сейчас общепризнанным.

Начались разговоры по этой теме. Валера даже организовал семинар на бывшем «Капишнике» в Институте Физпроблем по роли указанных маленьких молекул в биопроцессах и методах обнаружения этих молекул в клетках и тканях животных и человека. Особенно его интересовало действие озона. Как-то однажды он сказал мне – «Знаешь, мы занимаемся вроде бы разными молекулами, а ведь наверняка должно быть нечто общее в механизме их биологического действия, должен быть общий для озона и монооксида азота знаменатель». Кажется, он был прав. Размышления над его словами привели нас к предположению, что озон, как мощный прооксидант, должен инициировать

синтез в организме животных и человека индуцибельную форму NO- синтазы – фермента, катализирующего образование из L-аргинина значительного количества NO. Я уверен, что так оно и будет. Сейчас мы получаем в наше распоряжение генератор озона и гипотеза будет проверена в самое ближайшее время. Я уверен, что в соответствии с общим предположением Валеры мы сможем сказать, что озонотерапия, широко используемая сейчас в медицине, в реальности, представляет собой NO-терапию, т.е. общим знаменателем для O₃ и NO является последний.

В. Шарапов:

С Валерием Миляевым мы были знакомы ещё со студенческих лет, когда учились на физическом факультете МГУ. Но он был на три курса старше, и знакомство наше тогда было на уровне "Привет! Как дела? Что нового?" Миляев вместе со своим другом Валерием Канером (с ним мы были однокурсниками) были организаторами и участниками многих культурных мероприятий на факультете, и были они людьми известными и популярными. В них весьма гармонично сочеталась любовь к физике с увлечением поэзией. Ещё в студенческие годы их стихи и песни были популярны не только у студентов физфака, но и на других факультетах МГУ, а потом благодаря талантливому исполнению их Татьяной и Сергеем Никитиными стали широко известны во всей стране. Но главным их совместным произведением стала сейчас уже легендарная опера "Архимед".

Эта любовь к искусству у них осталась на всю жизнь.

С. Тонеев: (из книги Л.Ивановой «Когда я буду снова молодым»).

Я хочу рассказать об одном и возможно малоизвестном эпизоде, который повлиял на понимание страны, где мы живем, и не только лично на меня, но и на всех участников. Летом 1961 года физики МГУ высадили десант в Липецке, где помогали строить домну. Работы было многовато, да и состав агитбригады в Липецке был далеко не полный, поэтому мы договорились, что приедем к ним на ноябрьские праздники. Мы сдержали своё обещание, и приехали на 7 ноября в Липецк, где среди прочих концертов нас попросили выступить на праздничном открытии нового клуба Липецкого комбината. Это был большой сюрприз для нас. Клуб вмещал около тысячи человек, и мы студенты были представлены как «артисты из Москвы».

В Липецке во время вечерних посиделок у костра Ольгой Зубковой была высказана идея, что было бы неплохо концерты нашей агитбригады сопровождать какими-то выступлениями для детей. Сошлись во мнении, что надо организовать кукольный театр и

даже стали обсуждать его возможный репертуар. Ольга оказалась очень деятельным человеком и по возвращению в Москву она связалась с мастерами-кукольниками, которые помогли нам в изготовлении кукол. В результате уже в зимние студенческие каникулы в концертную поездку по Можайскому району Московской области мы смогли взять и наш кукольный театр. Наряду с участием в концерте Валерий традиционно открывал все наши выступления рассказом об Университете, о студенческих буднях и о жизни вообще. Он удивительно легко находил контакт как со взрослой аудиторией, так и с детьми.

Если реакция публики на наши концерты была в определённой степени предсказуема, то восприятие нашего кукольного спектакля детьми явилось для нас неожиданностью. Ничего подобного эти дети ранее не видели, телевидение ещё не добралось до этой московской глухомани. Происходящее на кукольной сцене действие воспринималось как реальность, а все куклы – как живые действующие лица. Следует заметить, что все участники бригады с удовольствием участвовали и подыгрывали по ходу спектакля, иногда впадая в детство. Обычно на ширме работало 2-3 кукловода, которые полностью отдавались своим героям, и действием, и голосом, и даже мимикой, так что со стороны могло показаться, что люди просто валяют дурака. В это время остальные свободные участники бригады, усевшись рядком за ширмой, имитировали звуковые эффекты: топот коня, тяжелую поступь медведя, вой волков, шум ветра и т.п. Но особенно этих наблюдателей интересовали всякие необычные ситуации и накладки, которые обычно возникали. Так, пример, в спектакле должен был появиться заяц с розовым бантом, на что кот реагировал вопросом: «А что за розовая капуста у тебя на голове?», но тут он замечает, что розовый бант зайцу не успели приколоть и продолжает после небольшой паузы «...была...». Далее идет чистой воды импровизация, которая позволяла свести действие к нужной знакомой сцене, что вызывало сдавленный хохот и трудно скрываемое удовольствие у наблюдателей.

После спектакля артисты с надетыми на руку куклами, держа их как младенцев на руках, выходили к детской публике. Их горящие заинтересованные глаза надо было видеть! Стремление хотя бы прикоснуться к симпатичной и как бы живой зверушке сочеталось в них с немым вопросом, а как бы вдруг чего-нибудь не случилось. Но дети довольно быстро привыкали и начинали нежно гладить кукол.

Фактически во всех населенных пунктах Можайского района, где мы выступали, единственной связью с внешним миром было радио, да и то не везде. Концертные бригады не добирались до этих богом забытых мест, расположенных лишь в сотне километров от Москвы. В школах, как правило, не было никаких музыкальных инструментов, но уроки пения были. На уроке школьники пели под хлопки и счёт

учителя. У нас с собой был аккордеон и хороший аккордеонист (кстати, Валерий, иногда выступал в этой роли), учителя очень просили нас поиграть на аккордеоне и попеть с детьми под аккордеон, поскольку те никогда не слышали живой музыки. Конечно, мы не могли им отказать в этом, и наш детский спектакль заканчивался музыкальным часом. Обычно на вопрос, что они хотели бы спеть, дети называли песни, которые они разучивали в школе. Звучал аккордеон, вступали детские голоса, но их пение производило на нас удручающее впечатление. Привыкшие к конкретному отсчету ритма учителем, дети не слышали музыки, их пение постоянно расходилось с мелодией аккордеона, несмотря на попытки аккордеониста подстроиться. У присутствующих членов нашей агитбригады это вызывало слезы на глазах и невольный вопрос: если это так в самом центре России, что же творится в более отдалённых местах?

К сожалению, наша история с кукольным театром длилась недолго. Вскоре при одном из гастрольных переездов чемодан с куклами был забыт в электричке. На этом кукольные дела завершились.

Б. Болотовский: Вспоминая наши годы молодые.

Сейчас трудно вспомнить в деталях происходившее сорок пять лет назад, тем более что тогда я мало придавал значения тому, о чем собираюсь рассказать, а никаких письменных материалов, архивных документов и других бумаг с того времени не осталось, да и не могло остаться. Тем не менее попытаюсь восстановить в памяти события тех далеких лет.

В 1946 г. я учился на втором курсе физического факультета Московского государственного университета. Курс у нас был большой - триста человек. За полтора года мы успели перезнакомиться друг с другом и, как говорится, сдружиться по интересам, которые, конечно, не ограничивались чисто учебными делами, хотя учеба, постижение нового нас тоже очень увлекали. Свободное время мы проводили в дружеском общении, в разговорах по душам (иногда - не без этого - с предварительной выпивкой), в походах по окрестностям Москвы. Все мы тогда много читали, не пропускали литературных новинок, обсуждали прочитанное и много спорили.

Вспоминаю, как каждый месяц в день выдачи стипендии мы выстаивали длинную шумную очередь к окошку под лестницей, где медлительный и невозмутимый старик отслюнивал наши двести сорок рублей. Несмотря на свою невозмутимость, время от времени он выглядывал из окошка и просил: "Тише! Мешаете работать". Мы ненадолго замолкали, но потом шум возобновлялся. Старый кассир считал так медленно, что

казалось, будто он брал студентов на измор. Возникало желание, не дожидаясь, пока он выдаст все положенное, взять то, что он уже отсчитал, и уйти.

День выдачи стипендии связан у меня еще с одним воспоминанием. В этот день у нас сколачивалась компания из одних и тех же студентов: Вити Белого, Миши Белоусова и меня. Получив деньги, мы втроем шли в магазин "Вина Азербайджана", который находился недалеко от университета, в самом начале улицы Горького. Там мы брали бутылку муската. Это было недорого, и на каждого приходилось по двести пятьдесят грамм великолепного ароматного вина. Купленную бутылку мы распивали тут же, в магазинчике это не запрещалось, желающим беспрепятственно давали стаканы и откупоривали бутылку. Пили мы мускат сосредоточенно, молча, смакуя каждый глоток, и вино того стоило. Осушив бутылку, мы шли обратно в университет. Наше настроение улучшалось, нам казалось, что день стал светлее, а встречные люди - добрее и дружелюбнее, все девушки превращались в красавиц, а Москва поворачивалась к нам самыми прекрасными фасадами.

Эта наша традиция - бутылка муската в день стипендии - продержалась пару лет и закончилась, если не ошибаюсь, закрытием магазина "Вина Азербайджана". Никто из нас не стал алкоголиком, так что твердокаменные члены общества борьбы за трезвость не должны нас сурово осуждать, тем более, что я и сам теперь состою членом этого общества.

Мы шли на лекцию по линейной алгебре, которую читал прекрасный лектор, великолепный математик и хороший человек Сергей Васильевич Фомин. Мы как раз успевали к началу. Звенел звонок, мы рассаживались по местам, и в аудиторию (Ленинскую) входил Сергей Васильевич, молодой, неторопливый, в офицерском кителе без погон. Он был участником Отечественной войны, вернулся в университет после победы и несколько лет потом проходил в своей офицерской форме, не имея возможность купить штатский костюм - недоставало денег.

Сергей Васильевич читал замечательно интересно, ясно и так, что мы успевали все записать. Но выпитый стакан муската все же иногда давал о себе знать. Я задумывался о чем-то постороннем, переставал записывать за Фоминым и, глядя на склоненные над конспектами головы моих товарищей и ничего не видя, уносился мыслями неведомо куда.

В один из таких моментов у меня возникла мысль, что хорошо бы сочинить такую песню, которую бы пели студенты-физики и которая бы их всех объединяла. Я немного подумал, а потом увидел, что отстал, и бросился быстро списывать формулы с доски, чтобы наверстать упущенное. Про песню для студентов-физиков я тогда уже

больше не вспоминал. Но ровно через месяц при тех же обстоятельствах пришла ко мне снова и снова пропала. И так было несколько раз.

В конце декабря наш курс устраивал новогодний вечер. И вот тут, когда я узнал о нем, мысль написать такую песню опять захватила меня и уже больше не отпускала. Я решил, хорошо ли, плохо ли, а попробовать. Хотелось придумать веселую песню, которая могла бы поднять настроение. Конечно, никакого опыта у меня не было, а была только самонадеянность, присущая юности.

Я решил написать песню на мотив “Дубинушки”. Я часто слышал по радио, как эту песню поет Шаляпин, она мне очень нравилась в его исполнении. Его могучий бас удивительно соответствовал смыслу этой песни.

За работу я засел в день перед новогодним вечером. Мне хотелось, чтобы “Дубинушка” была не бурлацкая, а студенческая. Написал я ее за несколько часов. Вот что получилось:

Тот, кто физиком стал,
Тот грустить перестал,
На физфаке не жизнь, а малина,
Только физика - соль,
Остальное все - ноль,
А филолог и медик - дубина.

Припев:

Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!

Котелок не варит,
И бедняга зубрит,
Над конспектами гнет свою спину.
Сто экзаменов сдал,
Сто зачетов страдал,
А закончил - дубиной дубина.

Припев.

Мы зачеты сдаем,
Интегралы берем,
Мы квантуем моменты и спины,
А как станет невмочь,
Все учебники прочь
И затайем родную “Дубину”.

Припев.

Листочек со словом я сунул в карман и пошел на новогодний вечер. Мы собрались на Моховой, в здании, где располагались механико-математический и исторический факультеты. Выпили, закусили, потанцевали, а потом я сказал, что у меня есть новая песня студентов-физиков. Заинтересовались этой песней немногие - всего человек пятнадцать из более двухсот присутствовавших (курс был, как я уже сказал,

большой - триста человек). Мы нашли пустую аудиторию, и там я влез на стол и спел песню. Слушали меня одни ребята, ни одной девушки не было: им было неинтересно. Припев спели хором. Песня понравилась, и слушатели потребовали повторить. Я не упирался. Затем меня стали качать - несколько раз подбросили и, слава Богу, столько же раз поймали. Потом я кому-то отдал листочек со словами...

Я смутно помню, что в последующие три года учебы мы раз или два пели эту песню всем курсом - были какие-то праздничные сборища. А на пятом курсе я узнал, что “Дубинушку” поют студенты-физики еще в одном университете - Саратовском. Один мой приятель начал учебу на физическом факультете МГУ, но затем по семейным обстоятельствам перевелся в Саратовский университет. Мы не виделись с ним года два, а потом, когда он приехал в Москву, встретились. Поговорили обо всем, и вдруг он произносит: “Ты извини, я там, в Саратове, сказал ребятам, что это я написал “Гимн физиков”. Не обижайся”. Я не обиделся. Мне было приятно, что эту песню поют студенты-физики и в Саратове и что она называется “Гимн физиков”.

Борис Болотовский и Юрий Гапонов поют «Дубинушку» на сцене ДК МГУ после представления оперы «Архимед» в 2000 году.

С тех пор прошло более сорока лет. Студенческая “Дубинушка” не умерла - она жива, ее поют физики по разным случаям, и я несколько раз видел, как ее поют стоя. За эти годы “Дубинушка” изменилась, теперь ее слова существенно отличаются от тех, которые я привел здесь, добавился даже целый куплет, но я не знаю, кому принадлежат внесенные изменения. Тем не менее, у меня есть все основания радоваться тому, что приложил к этому делу свою руку.

Д. Гальцов:

Я познакомился с Валерием Миляевым в агитбригаде физического факультета, которая была одной из важнейших форм общественной жизни МГУ в то время. Физики и лирики - это в значительной степени оттуда. (Недавно увидел на физфаке плакат «Физики и лирики» - ну думаю и сейчас это живо. Подошел поближе – увы, изображена танцующая пара - время изменилось). Я поступил на физфак в 1959 г., а Валера в 1961 г его окончил. Руководила агитбригадой Оля Зубкова. Она, как и я, была еще и ученицей Ундины Михайловны Дубовой-Сергеевой - замечательного музыканта и педагога и человека, одаренного редким талантом человеческого общения и теплоты.

Ундина Михайловна создала в МГУ особое сообщество - «фортепианный класс МГУ», состав которого изменялся с уходом одних и приходом других, и которое существует и поныне, спустя 30 лет после ее ухода. Игра на рояле - это такое занятие, которое побуждает вас непрерывно совершенствоваться, и это становится самоцелью (что не так уж и плохо, как мне сейчас кажется), хотя и понимаешь, что достичь высот, уже покоренных многими поколениями музыкантов, тебе вряд ли удастся. Я только входил в это сообщество, а тут Оля Зубкова мне поведала, что есть и другое сообщество, в котором собрались поэты, музыканты и вообще творческие личности, и там очень здорово, а к тому же есть потребность в пианистах. Тогда в бригаде были Валерий Канер, Сергей Крылов, Геннадий Иванов. Поэты были главным стержнем – и не случайно: поэзия в эпоху оттепели обрела не меньшее значение, чем физика. Центром этой солнечной системы довольно быстро стал Канер – для него поэзия была формой существования. Канер иногда смотрел каким-то особым взглядом — и становилось понятно, что сейчас заговорит рифмами. И чаще всего в издевательском тоне.

Миляев был постарше и считался уже мэтром, хотя соперничать с Канером в говорении стихами, конечно не мог никто. Между тем, дух соперничества был силен, и состязания поэтов в остроумии были постоянной нормой общения. Миляев занимал свою нишу: он был склонен в модернизму и белым стихам, и мог сочинить что-то очень умное, в чем мне поначалу было трудно разобраться, например, понять каких крокодилов, размножающихся поеданием птичек, он имел в виду. Это казалось фрондой, и было конечно фрондой для тех времен. Как и его частушки: «Я пойду газировочки напьюсь, я теперь Зубковой не боюсь», которые пели хором с большим энтузиазмом как песню протеста (Оля слыла диктатором: поддерживать дисциплину в таком собрании творческих личностей было непросто, но она, хотя и не говорила стихами, могла так сказать прозой, что самые отважные смирялись).

Когда появился «Архимед», сочетание «Канер и Миляев» стало устойчивым как Ильф и Петров. Сочинение стихов для меня в то время было непостижимой тайной и вызывало поклонение, поэтому они были для меня как соратники - прямо как на портретах на Калужской площади во время праздников, мимо которых я в детстве проезжал на четвертом троллейбусе в музыкальную школу и которые крепко засели в памяти. Теперь думаю, что в агитбригаде соратники возникли не только на творческой почве – наверное и отвечать перед парткомом было легче.

Вторым важнейшим явлением в агитбригаде была гитара. И звук гитар, но не одной, а сразу нескольких. Он раздавался из разных углов, отчего начинало щемить сердце. И сейчас щемит, когда слышу или вспоминаю. Правда, когда начинал играть кто-то один, иногда резало ухо, по-настоящему хорошо играл только Толя Черепашук. Хотя это не было главным — ведь смог же Высоцкий превратить сам фальшивый звук гитары в средство выразительности. Но и музыкальное несовершенство вскоре исчезло, и сменилось самым полным совершенством, когда появился Сергей Никитин. Тут поэты поняли, что иногда стоит разделить стихи и музыку между разными авторами. Из чисто авторских песен, написанных одним человеком, для меня безусловными были две: «Желтый цыпленок» Сергея Крылова и «Приходит время» Валеры. Музыка этой последней песни мне всегда казалась неправдоподобно профессиональной. Наверное, Валера был в экстазе, когда создавал ее.

Б. Геллер:

Мы учились на одном курсе физфака МГУ, были в составе агитбригады, и довольно скоро организовали квартет физиков. Песня "Зимняя сказка" ("Желтый цыпленок") Сергея Крылова была визитной карточкой квартета образца 1964 года.

Квартет физфака образца 1964 года (из архива Д.Геллера и С.Смирнова). Слева направо - Сергей Смирнов, Алексей Монахов, Борис Геллер, Сергей Никитин.

С.Чекалин.

На самом деле все учились на разных курсах. Леха Монахов - со мной в одной группе, остальные позже.

С.Смирнов.

В школе любимым предметом была физика, и я, как полагается золотому медалисту, занимал первые места на городских олимпиадах по физике, математике, и даже по шахматам держал первое место. Не говоря уже о том, что я был чемпионом города по боксу и чемпионом области в спортивном обществе «Трудовые резервы». Передо мной встала дилемма – идти дальше учиться музыке, или пойти в физику. Я рассудил, что если пойду в физику, то и музыке место найдется, а если в музыку, то физика мне будет недоступна. Поступив на физический факультет МГУ, я, на свое счастье, обнаружил, что там существовала уже легендарная тогда агитбригада, во главе которой стояли известные поэты-физики Сергей Крылов (Желтый цыпленок), Валерий Миляев (Вот идет по свету человек-чудак), Геннадий Иванов (Я смотрю на Москву через призму поэзии), Валерий Канер (А все кончается, кончается, кончается).

Я со своим аккордеоном оказался там как нельзя кстати, так как в поездках по стране нужна была музыка для сценических танцев. Сергей Никитин, поступивший на физфак в том же году, пришел в агитбригаду со своей гитарой и организовал квартет, в состав которого вошел и я. И вот наша четверка – Сергей Никитин, Борис Геллер, Алексей Монахов и я – оказались в гуще бардовского движения 60-х годов. Мы пели песни наших любимых авторов - Дулова, Визбора, Кима, Туриянского, Крылова, самого Никитина, и мне захотелось самому тоже что-то сочинить. И вот Юра Колесников, гитарист с мехмата и сам прекрасный автор знаменитой песни о Москве на стихи Гены Иванова, дал мне свои стихи и я сочинил свою первую песню «Дороги-дороги», которую впоследствии даже опубликовал журнал «Турист». А дальше пошло-поехало. Песня «Я сегодня – дождь» на стихи Виктора Гончарова стала, пожалуй, самой известной из моих песен, написанных в начале моего песенного пути.

Сережа Никитин обучил меня игре на своей необычной 7-струнной гитаре с минорным цыганским строем, и я стал выступать самостоятельно. Пел все подряд, без остановки, в любую погоду и в любых условиях по многу часов. И вот на одном из весенних слетов МИФИ я пел всю ночь и мне не давали друзья уходить, пока на гитаре не полопались струны. Наутро ко мне подошли незнакомые ребята и сказали: - А не хочешь ли поехать с нами на Камчатку? Я чуть не задохнулся от радости – всю жизнь мечтал там побывать. Будучи на Сахалине, я любил рассматривать большую карту Советского Союза,

висевшую над моей кроватью, и видел над Сахалином этот притягательный полуостров с красными звездочками, обозначающими вулканы, и не мог себе представить, что когда-то там окажусь. Ребята оказались молодыми учеными из Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, и с руководителем экспедиций – Николаем Бондаревым – мы навсегда стали друзьями. Мы получили командировки от ЦК ВЛКСМ, оформили разрешение на пребывание в погранзоне от КГБ, взяли путевки от общества «Знание». Ребята читали лекции об атомной науке и технике, показывали фильмы о своей работе, а затем выходили на сцену мы с гитарами и пели песни, которые зал зачастую охотно подхватывал.

В первой поездке мы – это я и Ада Якушева, а в последующих поездках к нам присоединились Вадим Егоров, Игорь Михалев, Борис Рысев, Сергей Чесноков. Четыре поездки на Дальний Восток – Камчатка, Сахалин, Курилы, Приморье – их нельзя забыть. Врезалась особенно в память поездка по Приморью. Мы оказались на заставе Нижне-Михайловка, где подружился с пограничниками, играли с ними в волейбол, они провезли нас на пограничном катере по границе – реке Уссури. Начальник заставы капитан Н. Стрельников показывал нам трофеи – цитатники Мао, знамена, плакаты, с которыми китайцы пытались прорваться на нашу территорию. Через полгода, уже в Москве, мы видели кадры боев за остров Даманский, где наши знакомые пограничники с той заставы ценой своей жизни выполняли свой долг, защищая нашу землю. Раненые бойцы, проходившие лечение в госпитале КГБ на Пехотной, на фотографиях, сделанных нами на заставе, рассказывали, кто и как из их товарищей погиб в этих боях.

Перейдя на работу в ИАЭ им. Курчатова, я в течение нескольких лет вел литературно-музыкальный абонемент в ДК ИАЭ, куда приглашал выступать моих любимых поэтов – Арсения Тарковского, Николая Тряпкина, Олега Чухонцева, Петра Вегина, Юрия Кузнецова, Виктора Гончарова и многих других, а во время их выступлений и сам пел песни, написанные на их стихи. Еще в студенческие годы после одного из концертов друзья – барды собрались на квартире у Тамары Комиссаровой и всю ночь пели друг – другу песни, делились воспоминаниями, шутили, пили чай из рюмок – и это так всем понравилось, что решили собираться регулярно - каждое 19-е число, как и в первый раз. Эти вечера стали называться «Девятнашками», и это продолжалось несколько лет. Из этого коллектива вышел ансамбль с таким же названием, а потом по предложению капитана первого ранга М.А.Краснова, ответственного по культуре в штабе ВМФ мы переименовались в «Кают-компанию». В составе этого ансамбля, куда вошли Александр Евстигнеев, Валерия Шишкина, Наталья Родионова и я, мы записали несколько моих песен, чему я бесконечно рад.

Какое это счастье – слушать свои песни в прекрасной аранжировке, в великолепном исполнении – так что хочется сочинять еще больше по-настоящему красивых песен.

И. Егорова. *Первая встреча.*

Я была еще молоденькой студенткой 2 или 3 курса, очень восторженной и доверчивой. Миляев тогда был одной из самых ярких личностей, кумир всех студентов, автор стихов, песен и оперы «Архимед». Я просто благоговела, когда удавалось быть с ним в одном помещении. Однажды меня с ним познакомил Сергей Крылов. Я была членом агитбригады, и после одного из наших концертов он подошел к нам со своими впечатлениями. Это произошло совершенно неожиданно: « Вот, Валера, познакомьтесь. Это — Ира Егорова, - а это Валерий Миляев». Я от восторга вытаращила глаза и сказала что-то невпопад: « А... это выдающийся...» и замолкла. А он продолжил; « Да, НОС действительно выдающийся, ты правильно подметила». Я, конечно, покраснела, а все громко засмеялись и развили тему. Дальше шел какой-то треп, а я была оглушена тем, что ляпнула невесть что. А вдруг он обиделся! А он просто не обратил на это внимания и держался со всеми как со старыми знакомыми очень просто, рассказывал что-то смешное. Как мне было приятно после этого эпизода. Ведь ОН меня теперь знает!

Ю. Гапонов: *Новая жизнь. Из газеты «Московский Университет» №56 (1886) 10 октября 1961 года.*

Студент, мечтающий заниматься научной работой, неукротим. Он хочет заняться делом сейчас же, немедленно, не дожидаясь, когда ему выдадут диплом с синей корочкой, где в графе «специальность» будет написано: физик. Студенту кажется, что на это звание у него есть все права уже с того мгновения, когда он с замирающим сердцем увидел свою фамилию у входа на физфак. Студенту необходимо срочно включиться в разработку теории космических лучей или в исследования горячей плазмы... Первый удар наносит бедняге заботливый и любимый преподаватель математики: 10, 20, 40, 75 примеров, определители, пределы, производные, интегралы. Чем дальше в лес, тем больше дров. Но мало этого. Студента чем-то охватывают и куда-то вовлекают общественные организации, он сам увлекается волейболом и девушками...

И вот года через три он с недоумением замечает себя поющим в опере на сцене или спешно списывающим к среде задание по квантовой механике. И студент снова (в который раз!) решает: с понедельника начну новую жизнь. Иду на кафедру и прошусь в лабораторию.

Дорогие работники кафедр! Всё ли у вас готово к его приходу? Не смейтесь над человеком – ведь ему действительно очень нужно начать новую жизнь. Конечно, это не означает, что студент может уклоняться от изучения положенных ему курсов, что ему закрыт путь в клуб или на волейбольную площадку и что он до конца сессии не может встречаться со знакомой девушкой. Ваше дело, товарищи, помочь человеку превратить его жизнь из хаоса недоделанных дел и неожиданных событий в целеустремлённое разумное существование. И чем раньше вы поможете ему, тем лучше. Помогите убедиться, что примеры, которые ему задают, нужны не для количества, а для качества – для качества его будущей работы, что задачи, которые встречаются физика, бывают гораздо труднее, чем те, которые он должен решить (или списать – пока для него это почти одно и то же) к среде.

Помогите ему сделать для себя сотни маленьких личных открытий, которые каждый физик обязан совершить сам за своим рабочим столом – хотя тысячи физиков делали их до него. Любите студента, не относитесь к нему скептически: «Дай бог ему хоть учебный план выполнить».

Но и вы, дорогие товарищи студенты, не отступайте перед трудностями и неприятностями. Не думайте, что вам будет хуже, если вы пропустите несколько новых кинокартин или несколько партий в домино. Помните, что став физиком, вы добровольно взяли на себя обязанность: всю жизнь учиться и всю жизнь работать. И каждое завтра вы обязаны встретить гораздо более умными и опытными, чем вчера. Даже в нашей стремительной жизни мало, что развивается так стремительно, как физика.

Любите физику, умейте почувствовать себя на пути к новым исследованиям, к радостному познанию, к власти над природой. И не откладывайте до понедельника! Начиная новую жизнь сегодня.

Н. Тиме: *Поэтический кружок.*

Со слов Валеры Канера он и Валера Миляев занимались в поэтическом кружке объединения Магистраль при ДК МГУ. Вел его поэт Левин. Туда ходили также А. Кессених, Г. Иванов. Думаю, что Валеры познакомились на этом кружке. Потом они вдвоем писали оперу «Архимед» ко дню Физика.

*В. Миляев, Л. Иванова, В. Канер
на вечере поэтов 23 октября
1976 года в ДК ИАЭ.*

*После этого вечера был еще второй вечер встречи трех поэтов, 11 марта 1977 г.,
и тоже в ДК Института Атомной Энергии.*

В. Фридман: *Из книги В.Миляева «Ласкающийся еж».*

Интересно, что на каждом факультете доминировал какой-то определенный жанр. Например, на химфаке возник танцевальный коллектив, который сразу стал знаменит – впоследствии он получил название “Русский сувенир” (а просуществовал несколько полнокровных десятилетий). Создал его приехавший из неизвестного Бежецка Витя Ширяев. На мехмате царила серьезная музыка – было несколько студентов, выходцев из консерватории, по разным причинам отказавшихся от профессиональной музыкальной карьеры, но отнюдь не от любви к музицированию. Кроме того, сколотилась группа любителей театра – и получилось так называемое сатирическое “Студенческое Обозрение” – сценки из факультетской жизни, забавные песенки и т. д. Поскольку я получил домашнее музыкальное образование, а в то время проявлял интерес вообще ко всему, то сразу примкнул к обеим группам. И ещё – страстно хотел играть на рояле в джазовой манере, слушал много записей великих американцев, и пытался подражать...

Впрочем, центром культурной жизни университета был в те годы, как мне кажется, физфак. Опера “Архимед”, эта вершина студенческой самодеятельности, с замечательными стихами – и лирическими, и романтическими, и ерническими – прославила своих авторов: Канера, Кессениха и Миляева. Кроме того, сразу всплыло имя Сергея Никитина, песни которого были необычно изысканны. Никитин образовал вокальный квартет, а в этот квартет попал мой школьный друг.

Воспоминания раньше сохранялись благодаря эпистолярному жанру. Жаль, что теперь он утрачен практически полностью. Вот два письма на тему студенческой жизни:

Г. Иванову от А. Кессениха: *(из архива «Всеобщая история Архимеда», том 3, Москва, 1976).*

Письмо первое:

Дорогой Гена!

Пойми меня правильно, я ещё не созрел для подлинных мемуаров, всё ещё надеюсь, что основное их содержание впереди. Тем более, нам (и тебе, о, издатель, тоже!) вряд ли известно, о чём надо писать. Вообще, я бы с большим удовольствием прочитал чужие мемуары на эту тему, например, статью на разворот популярной лит-газеты «Расцвет творческого духа на физфаке МГУ 1953-1962 гг.» Приятно, разворачивая газету, заранее знать, что там написано. Кстати, недавно, будучи вынужден обратиться к помощи очков, я обратил внимание, что тогда как научную литературу, а особенно на иностранном языке, читать без очков почти не могу, газету и беллетристику читаю без очков десятками страниц. Хорошо бы научиться писать такие тексты без помощи ручки. Представим себе, мы спим и читаем упомянутую статью. Философский зачин, историческая обстановка: общественное самосознание физиков в связи с их готовностью включиться в работу над проблемами того времени.

Не держите на учёте,
Что тогда из всех наук
Были физики в почёте
Из-за очень важных штук.

Вслух тогда и не звучало,
Разве только тет-а-тет,
Бомбы атомной начало
Вместе с замыслом ракет.

Потому, как исключенье,
Был для физики резон
Не попасть как лжеученье
Под критический разгон.

(Ага! Меня цитируют! Правда, это о годе 1949).

Далее следует упоминание о волнующем событии – переезде в новые здания МГУ «там на Ленинских Горах». Студенты – будущие физики на IV комсомольской конференции в октябре 1953 года решились подвергнуть коллективному критическому анализу всю работу на физическом факультете. Кое в чём перегнули палку, но добились и известных результатов (далее неразборчиво, идут какие-то фамилии, бог с ними). Что-то случилось на этом общем для страны переломе (полгода назад умер Сталин). Вдруг научились себя критиковать (раньше больше хвалили). Оказалось, что студенты-физики были очень готовы к этому перелому. Кстати, многие из «критиков» впоследствии очень

хорошо показали себя на работе, на самых ответственных участках (фамилии неразборчиво). Но некоторым (ещё более неразборчиво, как пишут пушкинисты «нрзбр»)... «Стромынкин» («нрзбр»). Вдруг через год на факультете появились академики, ранее подозревавшиеся в идеализме. Мы сдали им последние на факультете госэкзамены по физике и показали первое издание оперы физфака «Дубинушка». «Дубинушка» возобновилась в 1957 году в честь фестиваля – подготовка к Московскому фестивалю молодёжи и студентов...

(Шьём по исторической канве, это не просто взбрык самодеятельного энтузиазма!)
Солуян («нрзбр»), Полев, Беспалова («нрзбр», ныне Тверская).

Традиция! Уже в следующем году – «Серый Камень». Опять не просто взбрык. 1956 год – большая поездка на целину, 1958 год – ещё более примечательная: 500 физиков на целине. Жизнь студента делается интереснее. Кстати. Первый взнос в общую кассу целинного отряда – с платного выступления «Серого Камня». Традиция – к комсомольской конференции выпуск «Московского Университета», на вечере целинников – «Серый Камень». 1959 год – тайм-аут оперного творчества и основание ССО. Литвиненко («нрзбр»)... Архимед!!! (Кто предложил? Какая-то полная девица... Гена, вставь фамилию). Весна 1960 года. Канер и Миляев пишут «Архимеда»... Канер прямо с целины.

Увы! Нет, не было в прежнем оперном коллективе аккуратного летописца. Разве вспомнишь теперь, когда именно в зале ДК было сломано 4 кресла, когда мы были на гастролях в Дубне и после банкета купались в Волге (ага! это было накануне 1-го мая, по реке плыл лёд!)

Ты займёшь кусочек кресла
Лишь ценой больших побед,
Потому что в зале тесном
Вновь явился Архимед.

(цитирую уже Канера, я не в чести)

Композиторы и мы в гостях у писателей, т.е. в ЦДЛ. «Стоимость ужина, включая минеральную воду, 4 рубля. Остальное (ящик водки) на Ваше усмотрение. Тов. Симонов К.М.»

В среду 23 мая... (нетрудно составить программу для ЭВМ, чтобы найти в каком году это было).

В 1976 году 23 мая воскресенье.

Да это не мог быть 1973 год, когда шли уже времена бардов, драматических коллективов, агитбригад, словом – другая эпоха. Это был 1962 год. Вскоре после праздника Архимеда...

Извини, Гена, я, кажется, соснул немного, пока писал тебе это письмо. Знаешь ли, осенью 1960 года в гостях у студентов тогдашнего 6-го курса был Л.Д.Ландау (я ещё не был женат и тщательно изучал прекрасную более чем половину этого курса, богато представленную на этом вечере). Л.Д. был весел, но не игрив, в чём его иногда обвиняют. Он поддался и показал, как слепой будет просить в магазине молоток (популярная шутка) и сказал немало мудрых и грустных, как потом оказалось, слов.

«Я терпеть не могу физической боли» – (за несколько месяцев до катастрофы).

«Заниматься надо тем, чем хочется» – (это грустно для многих из нас).

«Впрочем, на женщину профессия не накладывает отпечатка» – (если бы это было так!).

Сказал о сборнике «День мира» - это какое-то сентября 1935 и 1960 г. – «не понимаю, зачем это нужно, какие-то случайные слова и факты». Он не был броуновской частицей. А мы?

Привет, Гена! Пошли ли у вас белые грибы?

Твой А. Кессених.

Письмо второе:

Дорогой Гена!

В конце концов, вспомнить некоторые обстоятельства для «истории» не так уж и трудно. Труднее придать этим воспоминаниям хотя бы квазилитературную форму. Но я надеюсь, что этим ты займёшься сам (Надейся, надейся..., издатель).

Если вспоминать о том, как придумали и начали сочинять первые оперы, то могу свидетельствовать, что эта идея перед выпускным вечером нашего курса пришла в голову Балашову Всеволоду... (ныне профессор физфака). Все присутствовавшие оценили её. (форма: хотелось бы мне, чтобы была опера с ариями, хорами, танцами). Основная канва «Дубинушки» была проработана и отрепетирована очень быстро, не более чем за неделю, в середине которой попадал ещё и новый 1955 год. В 1957 году идея оперы попала на зуб прирождённому режиссёру и тогда студенту 3-го курса Солуяну (см его «Записки режиссёра»). Солуян заставил одного из авторов «Дубинушки», а именно меня, сочинить ещё почти столько же текста, сколько было в первом исполнении. Почему? Это ясно. У нового режиссёра оказался гораздо более талантливый коллектив. Само по себе рождение оперы на высшем уровне потребовало режиссёра (Солуяна), отличных солистов (Беспалова Люда, Полев Николай – тот же курс) плюс неограниченный энтузиазм масс. Действительно, «Дубинушка» шла в рамках всесоюзного фестиваля (т.е. на его низшем, точнее низовом уровне) к Всемирному фестивалю молодёжи. Кресла ломались – это было,

вот точных дат не могу вспомнить. Было не менее 2-х спектаклей в ДК МГУ и гастроль в Дубне.

Про «Серый Камень» интересно вспомнить, т.к. это было уже рождение традиции. Здесь формально сочинялась опера к смотру самодеятельности. Тут я бы хотел вспомнить, почти к слову, одного очень хорошего человека – это Василий Хачатуров, председатель профкома МГУ, бывший фронтовик, окончивший экономический факультет. На фронте он потерял руку (кажется, правую). Но был могуч и здоров на вид и исключительно жизнерадостен. Смотровые комиссии по художественной самодеятельности всегда возглавлял лично и так мило драил пианистов за сбой и вокалистов за «петухов». Обидно, что он рано умер от тяжёлой болезни (где-то в 60-х годах). Последний контакт мой с ним был связан с пьесой Погодина «Маленькая студентка» (кстати, не забудь, что туда включена песенка из «Серого Камня» и стихи Тверского Бориса:

С неба свесилась верёвка,
Кто повесил там её?
А в окно вползает ловко
Волосатое зверьё.

– эти «шедевры» использованы не автором, а режиссёром в театре Маяковского).

Пьеса Погодина – о физфаке МГУ (кажется, его дочь у нас училась?). Профком МГУ командировал 5 человек для обмена опытом с ЛГУ и ещё с кем-то по чему-то и художественной самодеятельности (такой обмен тоже был и возможно нашёл какой-то выход в дальнейших гастролях в Ленинграде). Но, главное, мы посетили репетиции «Маленькой студентки» в Областном театре и у Товстоногова. Мы ночевали в общежитии, и последняя ночь была отмечена почти детской шуткой (кто её автор? Ей богу, не я!). Разыгралась шутка над неиспользованной в ресторане «Кавказ» бутылкой «Цинандали». Поставлена она была с вечера у койки С., утром обнаружена пустой у А., ночью вставал Х., П. и т.д., словом, никто не сознался. Когда человек уходит, иногда жалеешь о таких пустяках гораздо острее, чем о его достижениях по разным деловым проблемам.

Ну, словом, что говорить о «Сером Камне» – здесь можно уже расспросить у Гапонова, он проконсультировал практически весь репертуар, т.е. музыкальную канву «Серого Камня», разве что частушки я протаскивал сам по неистребимому к ним влечению. Помню, что коллектив оперы устроил однажды банкет в диетической столовой МГУ, после которого мы разносили по блокам остатки красной икры (1958). Кажется, я видел тогда такое в последний раз, а может быть, и в первый раз.

В Дубне мы уже устали от оперы и плясали, обнявшись с Полевым, выкрикивая «Мы больше никогда не будем ставить "Серый Камень"». Но рано зарекались! Осенью мы

его ставили для делегатов комсомольской конференции, а ещё раньше весной – платный спектакль для накоплений на целинный отряд.

У «Серого Камня» было три души: режиссёр – Солуян, музыковед – Гапонов и аккомпаниатор – Трофименко (Игорь Тимофеевич с нашего курса). Вообще, было впечатление такое – вынь любого и оперы не будет (включая также и Беспалову и Полева). Но, если по совести, то Степан, впоследствии Иванович, Солуян – это был тот человек, без которого точно ничего не было бы. Действительно, меня как либреттиста уже через год заменили Канер и Миляев. Нашлись и аккомпаниаторы и солисты (всё же мне кажется, что Беспалова – вне конкуренции). Музыковеды у нас все, я – самый плохой. Но вот Гапонов как режиссёр – это уже другой человек, он тогда ещё не родился (родился через пять лет). Нет, если бы не Солуян, не бывать тогда на физфаке оперному творчеству, прежде всего потому, что никто бы не научил авторов как написать «постановебельную» оперу, во-вторых, не организовал бы коллектив артистов, в-третьих, – не захотел бы так сильно, чтобы опера была. Впоследствии Солуян оказался ещё более блестящим режиссёром своего личного успеха, но это не помешало ему в 1962 году вывести «Архимеда» на подмостки ЦДЛ. Там нас приветствовал Симонов (обещал трёх «Аид» за одного «Архимеда» и выставил артистам ящик водки). Итак, Гена, доставай Солуяна и требуй с него воспоминания!

Я думаю, что с меня мало ещё чего возьмёшь. Если нужно придумывать даты для юбилеев, то декабрь 54-январь 55 – первая постановка оперы, кажется 3-е января, но можно и апрель 1957, а можно и май 1960 (юбилей «Архимеда»). Кстати, десятилетие первой даты, помнится, отмечали в ДК МГУ и участники первой постановки были, а я, по моему, даже читал текст.

Тут я задумался, а для чего мы это все решили вспоминать?

У меня-то ответ есть – для детей, кажется, пример интересный о человеческом общении, отдача коллективу и проч. Может быть есть и другие мнения? Для Истории мелко, для возрождения опер, чтоб посмотреть новые, – стоит ли?

Ну, ладно. С приветом.

А. Кессених.

А вот что говорил сам Миляев в доме литераторов на вечере памяти Гены Иванова 16.10.2011 на презентации книги «Звали меня Генка Иванов». Вечер был посвящен 70-летию со дня рождения Гены и 10-летию со дня его смерти. И хотя это было последним публичным выступлением В.Миляева, его слова о том, что «Физфак в России больше чем физфак» как нельзя лучше подходят к содержанию этой главы. Вела тот вечер Света Ковалева со словами: раз речь зашла об опере «Архимед», попросим сказать несколько слов автора оперы Валеру Миляева (аплодисменты).

В. Миляев: (из архива А.Харламова)

Я внимательно слышал весь концерт, вышла замечательная книжка (Гены), у всех выступающих, у каждого, прозвучали какие-то смыслы, они попадали в меня, резонировали. И здесь прозвучали слова Толи и я хочу переименовать: Физфак в России больше, чем физфак (аплодисменты).

Вот, я хочу сказать, что после окончания физфака уже жизнь прошла и я работал в одном месте физиком-экспериментатором, чего-то достиг, каких-то должностей, начальник.

Когда я поступал на физфак, я думал, что мне хватит жизни, разобраться, как мир устроен, как физика. И что же выясняется? Все, что мы набрались на практикумах, всякие радиолампы и прочее – все это никому не нужно. Вот мой приятель-однокурсник достиг высшей власти – сам собирал цветные телевизоры, ламповые, все на него как на бога смотрели – кому все это сейчас нужно? Собирать схемы, паять? Берется плата, малюсенькая, еще и с ноготь, а там уже весь телевизор, и не только телевизор, а мы уже это понять не можем. Это эксперимент.

Насчет теории. Выяснилось за последнее время, что Вселенная расширяется с ускорением!!

Всю жизнь нам долбили, учили и Ландау читали, что был Большой взрыв и должно быть большое замедление, оно физически оправдано - а она с ускорением! А этого сейчас вообще никто не может объяснить, какие-то мутные там слова о темной материи говорятся. Я хочу сказать, как устаревают даже физика, самая наша любимая передовая наука, она устаревают прямо на наших глазах!

А вот почему, физфак у нас больше, чем физфак?

Потому, что мы дружили, встречались на физфаке с такими людьми, как Гена и другими, и то, что они нам оставили и создали - эти вещи никак не устаревают. Они и сегодня звучат и с каждым годом по-разному. Это не может устареть.

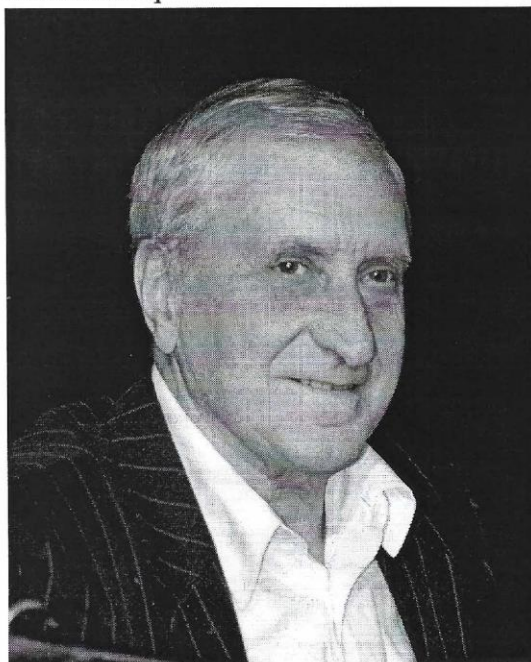
Гену, конечно, я очень люблю, в нем все было интересно, талантливо, но чего в нем не было - в нем не было пафоса, он никогда не выпендривался, был нормальный человек. Сейчас вокруг видишь, как только какой-то купил джип, начинает по шоссе выделывать, все чего-то выпендриваются, все хотят что-то изобразить из себя! А вот в Гене есть признак высокого человека, с высоким строением души.

Наверно, эти слова В. Миляева можно отнести ко многим представителям как того, так и нынешнего поколения.

Воспоминания о работе в физическом институте РАН, куда Валерий поступил после окончания МГУ, затем в институте общей физики РАН, можно составить на основе его научных публикаций. К сожалению, эту тему приходится начинать с некролога о его памяти, который прислал В. Грачев.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МИЛЯЕВА

PACS 01.60.+q

16 декабря 2011 года на 75-м году жизни скоропостижно скончался Валерий Александрович Миляев – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей физики им. А.М. Прохорова Российской академии наук (ИОФ РАН), директор Тарусского его филиала.

Валерий Александрович родился 5 августа 1937 в г. Куйбышеве (ныне Самара) в семье служащих. Отец – профессиональный столяр, скрипач в молодости, заядлый радиолюбитель, с 1940 года работал в МВД, мать – ст. техник-картограф Проектного института. В 1940 году семья переезжает в Москву (Калашный пер.), 1941-44 г.г. – эвакуация в г. Чкалов (Оренбург), 1945-55 г.г. – знаменитая 110 ср. школа г. Москвы. От отца – любовь и умение делать все своими руками и делать профессионально.

А рядом постоянно мир музыки. В эвакуации оперная певица-соседка, и часами ежедневный вокал. В Калашном – вечные экзерсисы студентов соседней консерватории из открытых окон окружающих домов. Отсюда вкус к классике. Игра

на мандолине и домре, пианино и аккордсоне, но образование – домашнее и во Дворце пионеров; наконец, гитара. Школьный хор, залы консерватории...

И все же – физика! Звездное небо, течение времени, невидимые силы детского магнита, моторы, радио – будоражили всегда. В 1955 году В. Миляев поступает на физический факультет Московского университета им. М.В. Ломоносова. Меж лекциями и семинарами – запойное чтение классики: Лермонтов, Пушкин, Крылов, ранний Маяковский. На третьем курсе распределяется на кафедру физики колебаний, возглавляемую в те годы академиком В.В. Мигулиным. Преддипломную и дипломную практику проходит с 1958 г. под руководством А.А. Маненкова в лаборатории колебаний Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР – ФИАН – одного из ведущих научных центров нашего отечества. После 3 курса – целина в июле-сентябре, студенческий строительный отряд МГУ в Сев. Казахстане, за Петропавловском на Ишиме. Строительство коровника, ремонт комбайна и жатва помощником комбайнера, песни у костра – первый и далеко не последний стройотряд в его жизни.

На 4 курсе физфака МГУ занимает призовое место среди поэтов физфака с их многомерным, в целом, творчеством – Геннадия Иванова («... Просто так на Москву смотреть бесполезно...»), Валерия Канера («А все кончается...»), Александра Кессениха, Сергея Крылова («...то желтый пылаенок, что в небе гулял...»); «... И встал трубая в дыму и пламени...»). На 5 курсе – один из организаторов фестиваля факультета и его агитбригады, родившейся в Липецком стройотряде. Первые физфаковские оперы А. Кессениха («Дубинуптка» и «Серый камень»), поднявшие студенческий капустник на пьедестал искусства, талантом В. Канера и В. Миляева (с участием А. Кессениха) переросли к майскому Дню физика МГУ 1960 года в оперу «Архимед» – с либретто в стихах и с музыкой-коллажем из популярных мелодий оперных, опереточных, песенных народных и современных. Символическая

В.Улин, В.Миляев, А.Кессених, В.Канер, С.Никитин, Ю.Гапонов.

опера-гротеск о страстях студента физфака, персонифицированных богами древнегреческого ареопага: юношеская романтическая увлеченность наукой – Архимедом, честолюбие – Марсом, страсть к развлечениям – Аполлоном, безволие, лень и невежество – Бахусом и т.д. Зал ревел от восторга. Нильс Бор, которого в 1961 году привез на День Физика в МГУ Л.Д. Ландау, заметил: «Если студенты делают такие замечательные спектакли, физика у них точно получится» и увез с собой текст и фонограмму спектакля (музей Н.Бора, Копенгаген). Опера эта уже шестой десяток лет не сходит со сцены ДК МГУ (Гиннес, где ты?). Агитбригада физфака с этим «бессмертным» спектаклем была нарасхват на факультетах МГУ, в НИИ Москвы и далеко за ее пределами, вплоть до зарубежных.

В 1961 году В. Миляев оканчивает физический факультет МГУ, по результатам диплома выходит первая публикация в соавторстве с А.А. Маненковым в ЖЭТФ, 1961, 41(1):7-16. С января 1961 он – сотрудник Лаборатории колебаний ФИАН – конструктор, старший лаборант, с июля 1962 г., после выхода публикации – младший научный сотрудник; в 1964 году заведующий его лабораторией и его обожаемый учитель А.М. Прохоров получает Нобелевскую премию; В. Миляев в 1963-1965 г.г. – секретарь комитета ВЛКСМ ФИАН и член Бюро Октябрьского райкома ВЛКСМ, с 1965 г. – член КПСС.

В 1962 году в ФИАНе появляется Людмила Иванова: профессиональную актрису из молодого театра «Современник» пригласили руководить театральным кружком ФИАН. К новогоднему капустнику нужны были песни. Позвали м.н.с. В. Миляева: он их когда-то на целую оперу

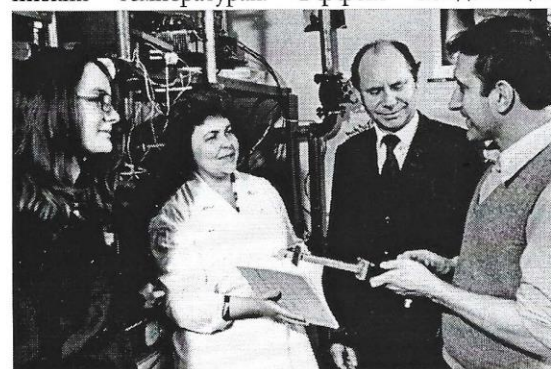

А.М.Прохорову – 50 (1966).

насочинял. Тут-то их пути и пересеклись. «Ниточка завязалась». Вскоре поженились, родили сына (сейчас – засл. художник РФ, гл. худ. театра «Экспромт», директор ДХШ им. В.А. Ватагина), потом – второго. В. Миляев в 1962-66 г.г. занимается в литературном объединении «Магистраль» ЦДКЖ (где до того занимался и Б. Окуджава), под руководством Г.М. Левина, который, по признанию В. Миляева, прививал «любовь к поэзии, понимание ее, и, в конечном итоге, интеллигентность вообще – то, чего резко не хватало и неоткуда было взять».

В 1970 г. В.А. Миляев под руководством А.А. Маненкова защищает кандидатскую диссертацию «Исследование концентрационных эффектов в релаксации парамагнитных кристаллов при низких температурах».

После защиты кандидатской диссертации В.А. Миляев переходит к исследованию неравновесных носителей тока в германии при низких температурах. Эффект конденсации

В.А. Миляев, А.А. Маненков, В.А. Санина, Г.Н. Михайлова (1974).

В. Миляев, Дж. Хенсел (США), В. Багаев, Л.В. Келдыш,
Б. Журкин, Г. Михайлова (ФИАН, 1976).

экситонов в электронно-дырочные капли был предсказан Л.В. Келдышем в 1969 г. В те годы во многих лабораториях страны это явление исследовалось с помощью фотолюминесценции при непрерывном лазерном возбуждении. В лаборатории колебаний, где работал Валерий, в 1971 г. были начаты работы по изучению неравновесных носителей в германии методами СВЧ при импульсном лазерном возбуждении кристаллов особо чистого германия. Работа шла в тесном контакте с Л.В. Келдышем.

Оказалось, что СВЧ методы чрезвычайно информативны для изучения фазового равновесия в системе «неравновесные носители–экситоны–электронно-дырочные капли». В.А. Миляев развил СВЧ метод определения основных электрофизических параметров кремния, на базе этого метода в руководимой им группе была создана автоматизированная установка, исследовано изменение электрофизических свойств объема и поверхности кремния в ходе различных технологических операций. Разработан способ СВЧ диагностики процесса гетерирования кремниевых подложек для микросхем, внедренный в промышленность. Эти многолетние экспериментальные и теоретические исследования В.А. Миляева легли в основу его докторской диссертации «Кинетика неравновесных носителей в германии и кремнии», которую он защитил в 1985 г. уже в ИОФАНе, выделившемся из ФИАНа.

Яркая творческая, увлекающаяся личность, В. Миляев обладал редкостной универсальностью натуры: в нем мирно и успешно уживались естествоиспытатель, технар и гуманитарий, при активном общественном

темпераменте. В 1973 году впервые прозвучала его новая песня «Приходит время» и мгновенно стала «народной», «гимном оптимистов». Многие годы не проходило слета или концерта бардовской песни, который не заканчивался бы всплеском: «И это время называется весна!». В когорте классиков, вставшей за Б. Окуджавой, В. Миляев останется навсегда.

С середины 80-х годов Валерий Александрович работает в лаборатории физики поверхности Отдела колебаний ИОФАН и занимается электронной спектроскопией поверхности полупроводников. В.А. Миляев – соавтор нового неразрушающего метода в физике поверхности – профильного элементного анализа поверхностных слоев и гетероструктур с помощью упруго отраженных электронов. При его участии разработан метод существенного увеличения стабильности джозефсоновских контактов на основе сплава олово-кобальт.

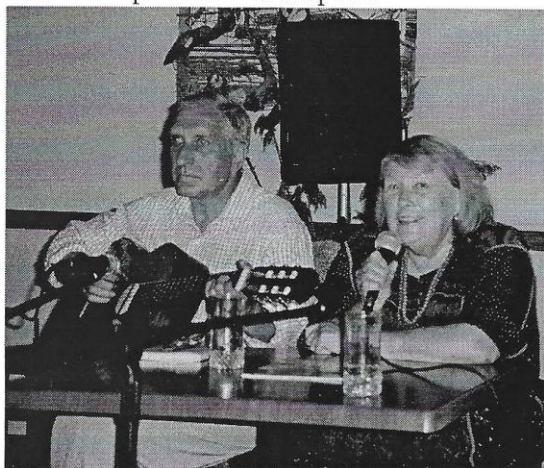
С 1987 г. В.А. Миляев – ведущий научный сотрудник, член Ученого совета ИОФАН, с 1988 по 1998 г.г. – зам. директора ИОФАН по научной работе. В 1988 г. создает инженерно-техническую лабораторию ИОФАН в г. Тарусе, вскоре переросшую в филиал института в Калужской области. На балансе Филиала, кроме прочего, была бригада, воссоздавшая музей семьи Цветаевых в Тарусе. Под Тарусой, в деревне Шишкино В. Миляев реализует еще одно свое хобби – строить дома. Лебединая песня здесь – дом в Крыму, в деревне Наниково под Коктебелем, где вскоре вокруг него возникают дома его друзей и близких знакомых. В детском музыкальном театре его супруги народной артистки РФ Л.Ивановой «Экспромт» и Эстрадном театре Дома ученых ДУЭТ, вместе со старинными друзьями по совместному творчеству, кандидатами физ.-мат. наук и композиторами-исполнителями, заслуженным артистом РФ В.Фридманом и заслуженным деятелем искусств РФ С.Никитиным много лет ставит мюзиклы и памфлеты. Последний – в 2010 г. «Полумертвые души» в ДУЭТе, о физике в стране после перестройки.

В.А. Миляева, всегда воспринимавшего науку как часть культуры, занимали построения, объединяющие знания гуманитарные и естественные, в его своеобразном до парадоксальности воображении постоянно возникали связи явлений, казалось бы,

несопоставимых, аналогии далекие и неожиданные, при непременном стремлении к первым принципам. Отсюда его работы типа «Соотношения Крамерса-Кронига в науке и искусстве».

Связав свою жизнь с фундаментальной наукой, В.А. Миляев всегда тяготел к прикладным проектам, крупным и принципиально важным. В. Миляев – автор разработок более десятка уникальных приборов и исследовательских установок. С начала 90-х годов его все больше занимают проблемы медико-экологического использования лазеров. В 1990 г. в Отделе колебаний ИОФАН Валерий Александрович при поддержке директора А.М. Прохорова инициирует создание лаборатории экологического приборостроения – новое для тематики академического института направление физических основ сугубо прикладных проблем в масштабе лаборатории. В это время В.А. Миляев – заместитель председателя Секции «Экологическое приборостроение» в Экологической программе АН СССР.

Вскоре лаборатория разрастается в Отдел экологических и медицинских проблем ИОФАН из четырех лабораторий, возглавляемых докторами наук, с публикациями мирового уровня от лазерного газоанализа до ключевых проблем физики живого. Своим отделом Валерий Александрович руководил до октября 2011 года... Последние его работы связаны с магнитобиологией, с проблемой атмосферного озона, публикации по которой – от ДАН, 2011, 436(5):637-640 до СМИ. За полвека в науке им опубликовано около 200 работ, подготовлены 6 кандидатов и один доктор наук. Изданы сборники стихов и прозы.

С супругой Милой.

В.А. Миляев – действительный член Лазерной академии наук РФ, член-корреспондент Академии инженерных наук им. А.М. Прохорова, член Правления многочисленных общественных Фондов, член жюри различных конкурсов. Организатор кафедры проблем экологической безопасности в МИРЭА – базовой кафедры при его отделе в ИОФ РАН, со сформированной вместе с единомышленниками концепцией «Техносферной безопасности», с открытием бакалавриата по этому направлению и набранной первой группой студентов. Приказ о назначении В.А. Миляева заведующим кафедрой опоздал на три дня.

Магнит тандема В.Миляев-Л.Иванова своими невидимыми силами затягивал в свою орбиту сотни людей, оставляя в душе каждого светлый и глубокий след, ощущение неразрывной связности, обещание радости общения.

При всем масштабе личности Валерий Александрович был на редкость скромным человеком, абсолютно лишенным тщеславия. Всегда спокойный, по-джентельменски холодноватый, но доброжелательный, почеховски интеллигентный, мягкий такой, веселый человек с прекрасным чувством юмора и неистребимым оптимизмом, с легкими, однако, блестками провалов к черным глубинам заветных дум и нерешаемых проблем. Человек, которого чем больше узнаешь, тем больше уважаешь и любишь. Тихое, мудрое, редкое слово его настраивало не на спор – на поиски, совместные подходы к возможным решениям, к вечно новым вопросам сути сущего. Само его существование, если не рядом, то где-то, мирило с жизнью, делало ее полнее, крепило почву под ногами.

В душах знавших его людей, несметного количества людей, еще долго будут звучать его тон, его обороты, его подходы. А для многих им не утихнуть никогда.

Жизнь, увы, не вечна. Более того, она, пожалуй, слишком коротка. Слишком.

С.В. Гарнов, В.И. Грачев, Ю.В. Гуляев, Е.М. Дианов, Л.В. Келдыш, А.В. Кессених, Е.М. Климова, С.А. Крылов, Е.В. Ларина, А.А. Маненков, И.В. Миляев, Г.Н. Михайлова, С.Я. Никитин, С.А. Никитов, А.С. Сигов, Е.В. Степанов, Н.А. Терещенко, А.В. Трубицын, В.Н. Фридман, В.М. Шарапов, И.А. Щербakov.

И. Миляев:

В науке в начале 60-х годов были большие успехи, особенно в ядерной физике, только что был открыт лазер. Александр Михайлович Прохоров, под руководством которого работал мой папа, стал нобелевским лауреатом. И папа, и мама ещё в молодости попали в самые яркие организации. Мой отец всю жизнь с 1960-го по 16 декабря 2011 года работал в одном месте в ФИАНе-ИОФАНе. Начинал он студентом-лаборантом, со временем стал заведующим, замдиректора, директором филиала в Тарусе. Многие годы он занимался исследованиями твердого тела, и лазер был одним из главных инструментов в экспериментах. В последнее время он очень хотел, чтобы открытия в фундаментальной физике получили практическое применение. Так, созданными в его лаборатории газоанализаторами, проводилось измерение уровня озона, что так важно для современной экологии. Другие приборы, в основе которых также лежит использование лазерных технологий, нашли применение в медицине: с их помощью стало возможным определять в организме человека наличие бактерии хеликобактер, провоцирующей развитие язвенной болезни. На мне, в числе первых, испытывали этот прибор, и обследование подтвердило язву, которую я заработал еще в армии. Эти исследования проводил Евгений Степанов в лаборатории моего отца. Вообще служба науки на благо человечества всё больше его волновала, и он чаще возвращался к этой теме в разговорах. Еще больше его волновало глубокое непонимание роли науки руководителями разного уровня. Он пытался до них достучаться, но это редко получалось...

Отец считал, что в научно-исследовательских институтах только десять процентов сотрудников - гении и очень талантливые люди, но этого достаточно для вполне эффективной деятельности. Остальные девяносто – абсолютно необходимая питательная среда, которую нельзя убрать. Мне кажется, самого его можно было числить в обеих группах: он успешно осуществлял разработки и подпитывал оригинальными идеями своих коллег. И вообще был настоящим учёным-экспериментатором до мозга костей. Последнее время он часто повторял, что наука – это только часть культуры. Смысл этих слов был в том, что в обществе с низкой культурой наука не востребована. Чем менее образован какой-либо начальник, тем меньше он использует научные разработки в своей деятельности, а в нашей стране на эти грабли наступают с завидной регулярностью.

Д. Лейбович:

Я познакомился с Миляевым Валерием Александровичем в середине 1988 года, когда пришел на работу в научно-производственный кооператив «Искатель», который был организован в соответствии с Законом « О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 г.

В этом кооперативе Миляевым В.А. и его товарищами по институту, где он работал, было организовано научное подразделение, которое занималось внедрением их разработок в промышленность. Внедрение проходило довольно успешно и эффективно через кооперативы, так как в них отсутствовали многие бюрократические препоны, которые стояли на этом пути в государственных учреждениях.

В начале декабря 1988 года в Нью-Йорке состоялась выставка товаров народного хозяйства СССР. Торгово-промышленная палата СССР, которая являлась организатором выставки, пригласила кооператив «Искатель» принять участие в ней, согласно с новыми веяниями времени. Одним из экспонатов нашего кооператива был интерфейс, который был разработан научным подразделением Миляева В.А. В виду того, что я был командирован на выставку в США, я в течение октября, ноября 1988 года тесно общался с Миляевым В.А., который готовил меня к представлению интерфейса на выставке в США. В течение этих двух месяцев мы общались не только на тему интерфейса, но и обсуждали многие аспекты нашей жизни и тогда я понял, с каким незаурядным человеком свела меня судьба в конце 1988 года.

Мы достойно представили разработку Миляева В.А. и его товарищей, которая имела определенный успех в США, о результатах участия в выставке я подробно доложил Миляеву В.А. по приезду.

В дальнейшем Миляев В.А. познакомил меня и мою семью со своей семьей, с женой Ивановой Людмилой Ивановной и мы увидели союз неординарных людей, с которыми мы имели честь и счастье общаться на протяжении длительного времени.

Хочу отметить, что человека такого масштаба, как Миляев В.А., я в своей жизни не встречал.

А. Замятнин:

С Валерием Миляевым нас объединяет то, что мы оба – выпускники физического факультета МГУ с разницей в три года. Наше знакомство состоялось весной 1960 года в связи с созданием и подготовкой к постановке его и Канера оперы «Архимед», и наше тесное общение продолжалось до тех пор, пока мои аккомпаниаторские функции не перешли другим физикам-аккомпаниаторам. В связи с тем, что мы учились на разных кафедрах (Валерий – на кафедре теории колебаний, я – на кафедре биофизики), наши профессиональные пути долго не пересекались и мы встречались обычно эпизодически, в основном на постановках оперы. Но однажды все-таки такое пересечение состоялось.

На Ученом совете ИОФАНа (Института общей физики им. А.М.Прохорова) в 2005 году должна была состояться защита докторской диссертации Галины Константиновны

Чудиновой «Оптические свойства ленгмюровских пленок органических красителей и белков», посвященной, в том числе, физическому исследованию тонких белковых пленок. При подборе трех обязательных оппонентов оказалось, что Валерий, проработавший в ФИАНе (из которого выделился ИОФАН) всю свою жизнь, подходит в качестве оппонента, поскольку является специалистом в области изучавшихся в работе физических явлений, а меня пригласили как специалиста в области структуры и функций белков. Так мы оба оказались рядом на защите, которая проходила под председательством Ивана Александровича Щербакова – бывшего тогда членом-корреспондентом РАН и директором Института.

Заседание Ученого совета строго соответствовало регламенту, введенному Высшей Аттестационной Комиссией (ВАК). В зал пришло несколько десятков человек, в основном члены Ученого совета, задачей которых было сидеть, серьезно воспринимать и участвовать во всем, что происходит на научных мероприятиях такого рода. После соблюдения ряда формальностей диссертантка доложила о работе, ответила на вопросы и начались выступления оппонентов. Валерий и третий оппонент довольно быстро справились со своей задачей охарактеризования достоинств и недостатков работы. Мне же потребовалось больше времени, поскольку необходимо было чисто физической аудитории разъяснить специфические биологические явления, затронутые в работе. К этому моменту ощущалось, что аудитория уже подустала и ожидала финального аккорда. Но мне, как и всякому оппоненту, по правилам ВАКа необходимо было еще публично упомянуть о недостатках, замеченных в диссертации и отмеченных в моем официальном отзыве. В числе этих недостатков, например, было сказано о слишком большом объеме диссертации (около 500 страниц), что для слушавших не было большой неожиданностью (толстые тома диссертаций – не редкость). Но аудитория очень оживилась, когда я рассказал, что в Первой главе (обзоре литературы) диссертант не привел рисунка экспериментальной установки, что потребовало от меня обратиться к первоисточнику – работе знаменитого физика, нобелевского лауреата Ирвинга Ленгмюра, опубликованной в *Journal of the American Chemical Society* в 1937 году. Однако оказалось, что свободного доступа к этой статье в Интернете нет и за него надо платить, а это, разумеется, не входило в мои планы. Пришлось применить мои скромные хакерские знания и взломать журнальный сайт. Статья была извлечена, с устройством установки я разобрался, но вот, читая следующую главу диссертации, обнаружил в ней тот самый ленгмюровский рисунок установки. И тут на весь зал прозвучал веселый голос Валерия:

– Ха! Так значит ты зря взламывал Интернет!

Вот тут-то атмосфера в зале мгновенно стала совершенно другой: все дружно громко охнули и рассмеялись – столь непосредственный комментарий заставил улыбнуться даже чересчур серьезно настроенного председателя. Думаю, что немногие позволили бы себе подобное в строгом научном заседании, а для Валерия, полагаю, это была обычная естественная реакция на столь необычную ситуацию. Возможно, что такое чисто человеческое искреннее поведение и должно проявляться даже на самых формализованных собраниях, чтобы отражать человеческую сущность любых обсуждаемых проблем. Но не все обладают этим даром. А Валерий обладал.

С. Чекалин:

Валера работал в ФИАНе с 1961 года, а до этого делал там диплом, т.е. создание оперы «Архимед» и всех его лучших стихов приходится на «фиановский» период. В это же время Миляев принимал участие в знаменитой физфаковской агитбригаде, являясь одним из ее создателей (1961 год). И он довольно долго пытался реализовать нечто подобное в своем институте. В ФИАНе он занимался активной комсомольской деятельностью, в 1963-65 г. был секретарем институтской комсомольской организации и членом бюро Октябрьского РК ВЛКСМ, а с 1965 г. членом КПСС, так что, казалось бы, обладал достаточной властью. Мила Иванова была приглашена туда вести артистический кружок, но это ничем хорошим не кончилось (разве что их женитьбой в 1963 году). Волею судеб я тоже проработал в этом институте с 1966 по 1973 год, еще до того, как он разделился на ФИАН и ИОФАН.

Наши лаборатории, Басова, в которой работал я, и Прохорова, где работал Валера, уже тогда сильно конкурировали между собой. Нас это, правда, не коснулось, т.к. наши тематики не пересекались. В 1969-70 году Миляев попытался организовать в институте агитбригаду. По этому поводу собрали человек, наверное, 20, имеющих (или имевших) какое-то отношение к самодеятельности. Валера спросил каждого об этом опыте и личных пожеланиях. Я сказал про свое участие в опере "Архимед", но как-то, видимо, без должного пиетета, на что Валера заметил, что "Архимед" - это достаточно серьезно. С Таганки был приглашен Толя Васильев, который какое-то время с нами репетировал, и мы даже выезжали, правда, без Миляева и Васильева в текстильный поселок "Усад" вблизи фиановского пионерлагеря (и ночевали там, поскольку смена еще не захала). Не помню уже, собирались ли мы давать там представление, но его точно не было - практически весь "личный состав" сразу устремился в окрестные магазины с соответствующим продолжением. После этого я коллектив покинул.

Примерно через полгода было устроено представление этой агитбригады в ФИАНе, показавшееся мне довольно невзрачным, а потом она и вовсе распалась. Я думаю, что неудача связана с общей позицией администрации института, не приветствовавшей такого рода занятия его работников. Это кардинально отличало ФИАН от Института атомной энергии, где первым и зачастую главным участником всех затеваемых там капустников всегда был директор - академик А.П. Александров, привлекавший и других академиков, с которыми мне приходилось выступать на одной сцене.

Об этом пишет и Людмила Иванова: "В те годы Миляев писал много стихов. Работая в ФИАНе, он продолжал свои поэтические занятия и однажды оставил листок со стихами на столе. Его начальник А.А. Маненков был возмущен и заявил, что поэты ему не нужны..." Так что подумайте!" - сказал он Валерию". Я знал этого человека (он подписывал некролог Миляева) и не могу сказать, что это был блестящий ученый. Так что ФИАН, как до его разделения на ФИАН и ИОФАН, так и после, всегда был и остается довольно консервативной организацией по отношению к искусству вообще и к «физическому» искусству в частности. Об этом можно судить, например, по количеству представлений оперы «Архимед» там за все время ее существования – всего 2, в 1961 и в 1977 г, по сравнению с десятками и даже сотнями в других научных институтах.

Валера организовал несколько новых направлений по применению лазерной физики в медицине и экологии, возглавил Тарусский филиал и Отдел экологических и медицинских приборов ИОФ РАН, был также главным учёным секретарем Академии ИПРБ. Тем не менее он не терял связи с "Дуэтом" и "Экспромтом", а в последнее время участвовал во всех архимедовских тусовках, многие из которых проходили в "Экспромте". Что касается «Архимеда», то Миляев стал появляться на сцене во время выступлений оперы, чего не было лет уже около сорока, начиная с премьеры.

С. Щеголькова:

Научная деятельность Валерия Миляева была связана с физическим институтом Академии наук (ФИАН), где он защищал диплом, успешно занимался научной деятельностью и затем получал все свои научные звания. Его многочисленные научные работы в области квантовой радиофизике известны специалистам.

Он расширил поле научной деятельности, изобретая приборы и установки для исследований и новые методики, а также начал искать возможность практического применения лазеров. Главное направление – медицина. Были разработаны приборы для определения наличия бактерии хелиобактер, вызывающей язвенную болезнь желудка;

приборы для лечения отоларингологических заболеваний; прибор для лечения туберкулеза.

*В. Миляев – член академии
лазерных наук.*

Валера серьезно увлекся медициной, читал научные журналы и книги, охватывающие разные области медицины. Так он рассказывал мне о новых публикациях, относящихся к области динамики кровообращения. Увидев у меня дома книгу по клинической иммунологии, заинтересовался и взял почитать. Несколько месяцев спустя я спросила, изучил ли он иммунологию. «Да, но сейчас вышла новая, большая и очень хорошая книга! Хочешь почитать?» - спросил он.

Конечно, Валера хотел, чтобы разработанные им приборы изготавливались и широко использовались в медицинских учреждениях. Они не сложны в изготовлении, надежны и позволяют своевременно диагностировать заболевание. Но решить эту проблему оказалось невозможно.

Степан Солуян (физик, доктор наук, друг Валеры) пытался помочь с внедрением этих приборов. Он обращался в ряд медицинских учреждений и Министерство здравоохранения. Однажды Валера позвонил мне и сообщил, что Степан едет ко мне с подготовленными им рекламными листами для приборов. Приехал Степан, показал подготовленные материалы. «Никто даже не пытается услышать и разобраться», - грустно сказал он. Он уже записался на прием в Министерство и готовился, и надеялся...

Спустя недели две – три, в пятницу опять позвонил Степан, собираясь что-то для меня подвести. Я ответила, что у меня на сегодня другие планы. Через час раздался звонок : «Я и Валера Миляев уже купили бутылку сухого вина и направляемся к тебе». Степану удалось слегка пробить стену безразличия и получить надежду в заинтересованности изготовления медицинских приборов. Настроение было хорошее. Степан вспоминал университетскую жизнь, работу в комсомольском комитете университета, где он возглавлял культурно-массовый сектор. Валера также рассказывал веселые истории. В девятом часу вечера он позвонил Миле, сообщив, что он со Степаном

у меня и собирается домой. Мы распрощались. К сожалению, это была наша последняя встреча со Степаном. В воскресенье телефонный звонок: «У Степана Солуяна инфаркт».

Я предложила Валере встретиться со знакомым мне генеральным директором одного НИИ и поговорить о возможности изготовления у них партии медицинских приборов. Я знала, что филиал данного НИИ изготавливает по конверсии медицинские датчики давления (тонометры). Оказалось, что совсем недавно Валера был на встрече с группой научных сотрудников, где присутствовал тот самый генеральный директор НИИ. Решение об изготовлении партии приборов уже было принято!

Прошло несколько месяцев. Я поинтересовалась у Валеры, как дела с изготовлением приборов в НИИ. «Не знаю», - ответил он.

В институте много своих работ по их основным направлениям, сроки, планы. Если никто не занимается какой-либо проблемой – дело не движется. Я хорошо знаю генерального директора и многих сотрудников, поэтому предложила Валере договориться, чтобы он сделал меня своим представителем для сопровождения изготовления опытной партии. Валера ответил, что он уже создал приборы и больше этим заниматься не будет, а хочет заниматься наукой.

Сейчас многие ученые в мире занимаются проблемами интеллектуального развития человека. Обнаружены связи между отдельными участками человеческого мозга, отвечающие за разные виды деятельности. Эти связи имеют отношение к интеллекту. Чтобы стать талантливым в какой-либо области науки, необходимо быть заинтересованными идеями из другой среды.

Татьяна Черниговская, профессор, доктор биологических наук, говорит, что мир множественен, в нем нет единой классификации. Чтобы быть высокоинтеллектуальным человеком, нужен не один единственный, а множество подходов. Уметь увидеть свой язык, свой мир, свою проблематику. Чтобы добиться значительных успехов в науке нужны не только научные знания, но и формирование интеллектуальной личности, широты взглядов, интерес к искусству.

Мир интересов Валерия многогранен. Эта широта увлечений формировалась с детства. Его природное любопытство поддерживалось семьей. Отец, будучи увлеченным радиолобителем, передал эту страсть и сыну. Валера собирал приемники и усилители и интерес к науке и технике остался навсегда. Как вспоминает Валера, воздух вокруг его дома был пропитан музыкой, поскольку он жил рядом с консерваторией и постоянно слышал игру студентов на различных инструментах. Отец в молодости играл на скрипке и поддерживал интерес ребенка к музыке. Сначала купили мандолину, затем четырехструнную домру, два года обучения с учителем игре на пианино. На пятом курсе

купил гитару и уже не расставался с ней. Стремления стать профессиональным музыкантом не было, но понять «как умеют эти руки эти звуки извлекать» очень хотелось. Я помню в оркестре первых постановок «Архимеда» был контрабас. Валера глаз с него не спускал. Перед началом и в конце выступлений подходил, трогал струны, что-то спрашивал у исполнителя. При поездке с оперой «Архимед» в Дубну всю дорогу Валера тащил на себе контрабас.

С гитарой появилось желание сочинять музыку к своим стихам. Так Валера стал бардом. Появились друзья-барды Сергей Никитин и Сергей Крылов. Участие в фестивалях песни. На четвертом курсе занимает первое место среди поэтов физфака. «Весеннее танго» (Приходит время..) уже знает весь мир. Эту песню исполняла Анна Герман, Юлия Михальчик, Олег Митяев, Ирина Крутова и многие другие. Мой внук, будучи во втором классе школы, на уроках пения разучивал эту песню. Ну а физики всех поколений поют ее на всех своих сборах. Кстати, Валера спросил Милу: «На какую музыку написать песню, танго или вальс?». «Танго» - ответила она.

А. Замятнин:

Известно, что после прихода Валерия в ФИАН у институтского театрального кружка в 1962 году началось сотрудничество с театром «Современник». В памяти осталось, как, в частности, Валерий завоевал внимание актеров. Залив жидкий азот в термос, Валерий принес его в театр и поразил театральных деятелей тем, что при выливании жидкости из термоса, она испаряется, не долетая до пола. Конечно же, в театре он демонстрировал не только это, а то как бы он завоевал там большое внимание, да еще и большую любовь!

И еще. Мои друзья из ФИАНа рассказывали о том, как Валерий Миляев был встречен, придя в институт в 1961 году. Кто-то из тогдашних сотрудников спросил про него: а это не он ли – автор «Архимеда»? И получил утвердительный ответ.

А. Замятнин:

Он уже тогда сделал себе имя. Уже тогда!

В. Недорезов:

Миляев в любой среде был своим человеком, хотя всегда держался на расстоянии. Он и на выступлениях на сцене или на комсомольских собраниях, главным образом молчал. Кстати, комсомол тогда был мощной организацией, к мнению которой прислушивались и директора институтов. Миляев был секретарем комсомольской организацией ФИАНа и свой первый годовой отчет на общем собрании провалил. Весь

его годовой отчет состоял из одной фразы: «Комсомольская организация в прошедшем году работала по плану. План мы выполнили». Присутствующий на собрании инструктор райкома сначала онемел, а потом велел провести собрание снова через неделю, что и было сделано. В те годы народ, и не только студенты, активно участвовал в строительных отрядах. Комитет комсомола утверждал каждую кандидатуру в престижный строительный отряд, например, на Сахалин или на Камчатку.

Возвращаясь к теме «физики и лирики», хочется напомнить, что большинство бардов и композиторов и поэтов того времени вышли из научной среды. Может быть поэтому самые безумные идеи казались делом ближайшего будущего. Например, всерьез обсуждались попытки применить точные знания в психологии и создать на этой основе биологический компьютер наподобие человеческого мозга. Оставалось только найти точные химические и физические показатели, отвечающие за человеческие эмоции и психику человека. Миляева это интересовало профессионально, в том числе как руководителя созданного в 1994 году отдела экологических и медицинских проблем ИОФАНа.

В тематику работы входили исследования в области лазерной медицинской диагностики, физики живых систем, физики тонкоплёночных структур, радиобиологии. У нас было много поводов поговорить на эти темы, потому что я тогда занимался похожими исследованиями, только Миляев работал в области оптической, а я – рентгеновской диагностики с использованием синхротронного излучения. У меня даже была популярная статья на эту тему («Синхротронное излучение – из рук физиков в руки врачей»), опубликованная в 6-ом номере журнала «Природа» в 2005 году. Миляев был соавтором статей «Лазерная ортомолекулярная медицинская диагностика», УФН 170, 4 (2000) 458 или «О физической природе магнитобиологических эффектов», Квантовая электроника, 36, 8 (2006) 691.

Разговоры на разные темы требовали неформального общения. Одним из центров такого общения стали Центральные бани, куда наша компания ходила очень много лет. Миляеву тоже ничто человеческое не было чуждо и он дорожил общением с компанией, центром которой был Канер. Миляев в бани не часто, но захаживал. Вначале эти бани проходили по четвергам, в рабочее время. Чтобы купить билеты на месяц вперед, приходилось кому-то приезжать рано утром в понедельник, часа за два до открытия касс и отстаивать очередь. В то время ничего нельзя было достать без очереди. Обычно это делал Валера Рукавишников. Он же позднее вошел в деловой контакт с администраторшей бани и она сама сделала ему такое предложение: «вы будете платить за месяц вперед, а я вам бронирую отдельный большой номер в удобное для вас время». Цена вопроса

заклучалась в большом количестве пустых пивных бутылок, которые доставались администрации.

Дальнейшие переговоры взял на себя Канер. Пиво он заказывал ящиками. Народу собиралось много. Постоянными посетителями были Рошин, Исаков, Васильцов, Саевский, Зайцев, Крекотень, Шарапов, Полищук, Чечин. С собой часто приносили самодельное вино, а водки не было. Один только раз Литвиненко принес водку, он, кажется и был то всего один раз, и водка была исключением из правил.

Каждому постоянному члену банного коллектива разрешалось приводить гостей, но не больше одного за один раз. В числе таких гостей запомнился Саша Стрелков из Дубны, который перед рукопожатием всегда надевал шляпу. «Я могу представляться только в шляпе», - говорил он, остальные детали туалета в задачу не входили. Бывал Шикин, которого Канер почему-то невзлюбил и тому пришлось уйти. Вообще, отношения в банной компании, так же как, впрочем, и в строительных отрядах, складывались так, что далеко не каждый мог туда попасть или там задержаться. Это был «коммунизм в отдельно взятом районе».

Главная тема разговоров так или иначе касалась нашей работы. Большинство работало в академических или отраслевых институтах и не понаслышке знало о проблемах научной деятельности. Например, удивляло тогда и не перестает удивлять сейчас, почему в России так мало отечественных разработок в сферах высоких технологий. Почему почти все изобретения и открытия для реализации утекают за границу? А теперь к этому добавился массовый отток научных кадров. Почему почти все приборы, спектрометры, лазеры и т.д. мы покупаем за валюту? Кстати, я часто сталкивался с Миляевым в Академинторге, где иногда удавалось покупать современное оборудование. Делалось все это по-советски. Помнится, во времена Андропова, который взялся наводить повсюду дисциплину и порядок, расстреляли директора Академинторга за какую-то мизерную взятку (плеер). Вместо того, чтобы купить аргоновый лазер в известной фирме (Spectra Physics) с налаженным обслуживанием в России, Академ-Инторг приобрел его у мало известной фирмы, дороже и с худшими параметрами. Примерно в это же время был расстрелян директор Елисеевского магазина, но об этом мне мало что известно.

Разговоры о науке поддерживали наш кругозор. Особенно это касалось биологии, психологии, физиологии, которые постепенно выходили на более актуальный уровень по сравнению с физикой. К сожалению, современный уровень этих исследований еще очень далек от ожидаемого результата, поэтому хотелось бы поговорить на эту тему более подробно, несмотря на свое дилетантство в этом вопросе. Современная психология, как написано в Википедии, оперирует «аналитическими формулами человеческих эмоций».

Но на деле это означает всего лишь наукообразное изложение, далекое от объяснения существа дела. Например, существует биологическая теория эмоций, разработанная П.К. Анохиным. Это теория эмоций, которая объясняет возникновения положительных (отрицательных) эмоций тем, что нервный субстрат эмоций активируется в тот момент, когда обнаруживается совпадение (рассогласование) акцептора действия, как афферентной модели ожидаемых результатов, с одной стороны, и сигнализации о реально достигнутом эффекте, с другой. Ну и что? Пожалуй, единственным экспериментальным результатом было обнаружение выброса адреналина в ответ на эмоциональное возбуждение организма. При этом усиливается сердцебиение, повышается уровень сахара в крови, расширяются зрачки, происходит торможение пищеварения.

Зачем обо всем этом я пишу в воспоминаниях о Миляеве? Да потому что его опыты по обнаружению «стохастического резонанса магнитных наночастиц» в мозге животных и человека, являются одной из первых попыток «согласования мысленных механизмов магниторецепции с физическими законами». Все современные работы по психологии хотя и содержат некоторые формулы, на самом деле очень далеки от точного и научного подхода. У нас предпочитают создавать видимость активной научной работы, например, переименовывая физиологию работы мозга в «когнитивные технологии», но результатов это дать не может. Кстати, слово «когнитивный» в дословном переводе с английского означат «познавательный». Вот и делайте сами выводы..

Однако, недавно (6 апреля 2017 г.) по культуре прошла передача «Хомо Киборг» в рамках рубрики «Репортажи из будущего» (не путать с передачей 5-го канала «Истории из будущего»). Там утверждалось, что человеческий мозг можно будет скоро подключать к обычному компьютеру с помощью магнито-резонансного преобразователя. Это значит, разработана компьютерная программа распознавания образов, и уже написана формула, которая с помощью МРТ-сканера позволяет получать не только реальные изображения, которые распознает мозг, но и любые воображаемые объекты, если они только есть в мозгу. Таким образом, можно получить доступ к мозговой памяти и удалять из нее нежелательные воспоминания. И, наконец, можно создать киборга (Homo Kiborg), который заменит Homo Sapiens. В качестве доказательства приводится история одного австрийца, которому были сделаны протезы вместо ампутированных рук, полностью управляемые искусственными сигналами вместо мозга. Правда, финал этой истории был печален, потому что австриец настолько уверовал в свои протезы, что начал управлять машиной и попал в смертельную аварию. Вот на такой оптимистической ноте я хочу закончить свои воспоминания, связанные с научной деятельностью В.Миляева.

Глава 3. Архимед.

Эта глава, безусловно, является самой насыщенной по содержанию, потому что в таком социальном явлении как «Архимед», участвовало огромное количество людей. Об «Архимеде» уже написано много воспоминаний, но каждый новый взгляд на эту тему продолжает представлять большой интерес. В настоящем сборнике впервые слово предоставлено более широкой аудитории, чем это делалось раньше. Начнем с нескольких афиш и пригласительных билетов разных лет:

80 лет Физфаку МГУ
14.11.2013

ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ
АНТИЧНОГО ИСКУССТВА
ВЫДАЮЩЕЕСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ИСКУССТВА
ЛИБРЕТТО ВАЛЕРИЙ КАНЕР
И
ВАЛЕРИЙ МИЛЯЕВ

ОПЕРА ДК МГУ
АРХИМЕД
14 НОЯБРЯ
19:00
ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР
СВЕТАНА
КОВАЛЕВА

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
О СУДЬБЕ МОЛОДОГО
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УЧЕНОГО

А ТАКЖЕ
В ПРОГРАММЕ ВЕЧЕРА
ИЗЪЯЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДРОК
ОТ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ
С 1937 ПО 2013

22 апреля
в 18.00

ИЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ДК "МИР"

посвящается
"Силу - в массы!"
И.Ньютон

БОЛЬШОЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ и БАЛЕТА

МУЗЫКА НАРОДНАЯ

ВАЛЕРИЙ КАНЕР
ВАЛЕРИЙ МИЛЯЕВ

ОПЕРА
"АРХИМЕД"

Современная древнегреческая трагедия

Артисты - студенты физфака МГУ
всех выпусков XX и XXI веков

Премьера состоялась 7 мая 1960 г.
Опера восстановлена в 2000 г.

Стоимость билетов 50-80 руб
в кассе ДК "Мир" тел.45904

22 апреля
в 18.00

ИЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ДК "МИР"

посвящается
"Силу - в массы!"
И.Ньютон

БОЛЬШОЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ и БАЛЕТА

МУЗЫКА НАРОДНАЯ

ВАЛЕРИЙ КАНЕР
ВАЛЕРИЙ МИЛЯЕВ

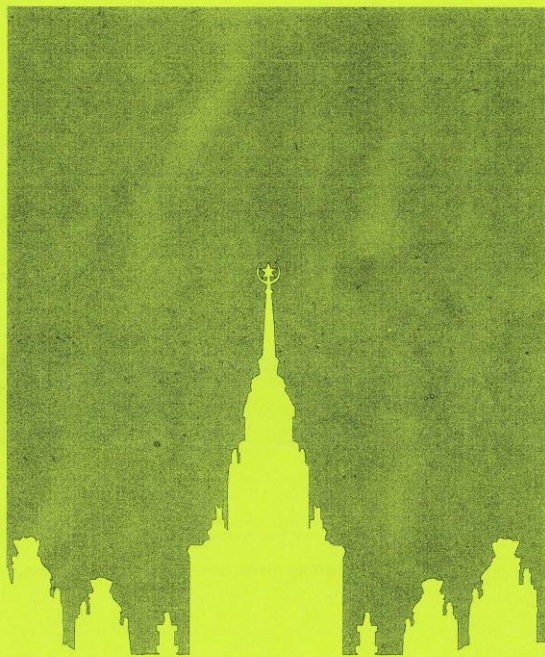
ОПЕРА
"АРХИМЕД"

Современная древнегреческая трагедия

Артисты - студенты физфака МГУ
всех выпусков XX и XXI веков

Премьера состоялась 7 мая 1960 г.
Опера восстановлена в 2000 г.

Стоимость билетов 50-80 руб
в кассе ДК "Мир"

Наш адрес: Москва, Воробьевы горы, Культурный центр МГУ (ДК)
Проезд: м. "Университет", далее авт. 1, 113, 119, 661 до остановки "Клубная часть"

<http://magn.phys.msu.su/~upmsu>
upmsu@magn.phys.msu.su

Физический факультет МГУ им. Ломоносова
Учредительная конференция
Союза выпускников физического факультета

2287-летию со дня рождения Архимеда
посвящается

О П Е Р А

"АРХИМЕД"

40 ЛЕТ СПУСЯ

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ
БИЛЕТ

Партер

Место

Ряд

БОЛЬШОЙ ФИЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА

13 мая 2000 г.
16.00
ДК МГУ

"Силу — в массы!"
И.Ньютон

ВАЛЕРИЙ КАПЕР (выпуск 1964 г.)
ВАЛЕРИЙ МИЛЯЕВ (выпуск 1961 г.)

"АРХИМЕД"

(Современная древнегреческая трагедия)
Первое представление 7 мая 1960 г.

Действующие лица и лица, исполняющие их обязанности:

Архимед **ГЕННАДИЙ ИВАНОВ** (выпуск 1964 г.)
АНДРЕЙ ШИРОКОВ (выпуск 1976 г.)
Марс **ЮРИЙ РЫБАКОВ** (выпуск 1963 г.)
Венера **ЛЮБОВЬ БОГДАНОВА** (выпуск 1970 г.)
Аполлон **ВИКТОР ДУБИЧУК** (выпуск 1965 г.)
СТАНИСЛАВ РЫЛОВ (выпуск 1973 г.)
Бахус **ДМИТРИЙ АФОНИН** (выпуск 1966 г.)
СЕРГЕЙ ЧЕКАЛИН (выпуск 1967 г.)
Божий отпрыск **СЕРГЕЙ ПУЛИНЕЦ** (выпуск 1972 г.)
Жертва науки **ВАЛЕНТИНА ФЕДОСИМОВА-ФЕДОСКИНА**
(дебют 2000 г.)
Остальные боги, сиракузская молодежь, филоны, туннельцы и новые русские пьаницы **СТУДЕНТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВСЕХ ВЫПУСКОВ XX ВЕКА**

Авторский текст читает автор авторского текста

Оригинальная постановка
имени **СТЕПАНА СОЛУЯНА** (выпуск 1960 г.)

Восстановление с третьей попытки —
ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГАПОНОВ (выпуск 1958 г.)

Реинимация в полевых условиях —
СВЕТЛАНА КОВАЛЕВА (выпуск 1964 г.)

У роля — непрезлойденный
ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ (выпуск 1969 г.)

Хор-мастера —
ОЛЬГА ХРИСТИЧ (выпуск Московской консерватории 1971 г.)
ОЛЬГА ЛЕБЕДИХИНА (выпуск Института им. Гнесиных 1976 г.)

Балет-мастер на всю жизнь —
СВЕТЛАНА КОВАЛЕВА

Генеральный организатор всего —
АНДРЕЙ ХАРИАМОВ (выпуск 1974 г.)

Возможно участие
КАРМЕН САНТАКРЕУ и **ВЛАДИМИРА УЛИНА**
(выпуск 1970, Королевство Испания)
а также **СЕРГЕЯ НИКИТИНА** (выпуск 1968, СССР)

Точно не будет участвовать —
АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВ (выпуск 1971 г.)

Как всегда опоздает —
СВЕТЛАНА ЧУРИЛОВА (выпуск 1971 г.)

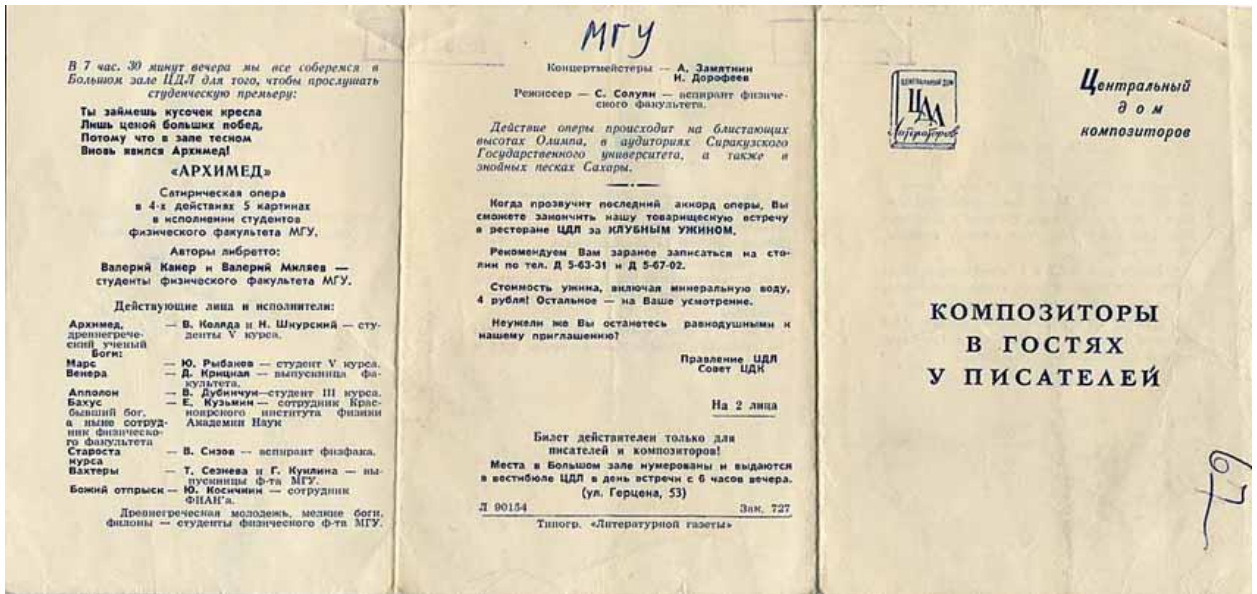
Главный осветитель —
ЖОРЖ ЛЕМЕРМАН (выпуск 1969 г., Федеративная Республика Германия)
Роль **ЖОРЖА ЛЕМЕРМАНА** исполняет **ГРИША ПОХИЛ** (выпуск 1961, Россия)

Все упомянуто имя поэта-коммуниста **СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА** (выпуск 1972 г.)

Моральный спонсор —
ЭЛЬВИРА СТОЛЯРОВА (не выпущена)

Отец-основатель оперного искусства физфака —
АЛЕКСАНДР КЕССЕНИХ (выпуск 1954 г.)

Художественный руководитель театра —
ОТСУТСТВУЕТ

А. Харламов:

Я поступил на физфак в 1968 году и в начале сентября, придя на факультет, увидел на одной из колонн, где вывешивались разные объявления, плакат. Плакат был огромный, на всю колонну, от пола до потолка. Текст гласил:

Студент, не плакай!
Ещё есть возможность!
Творческая
оперная
студия
«Архимед»
приглашает всех разделить с нами
тяжесть творческих мук,
волнение премьер,
пьянящую радость успеха,
будоражающую суету гастролей.
Ты нужен «Архимеду»!
Учти! Попасть на физфак - еще не означает попать в его историю,
членам студии представляется такая возможность вне конкурса.
Ты найдешь себя в «Архимеде»!
Приходи на ближайшую репетицию - не ошибешься.
Следи за рекламой.

До сих пор для меня остается загадкой, почему я в тот же момент захотел попать в «историю». Через несколько дней у нас была лекция по мат-анализу. Перед ее началом к лектору подошел какой-то блондин и попросил разрешения урвать от лекции 5 минут. Лектор, а им был Юрий Николаевич Днестровский, любезно согласился. И блондин, как оказалось впоследствии, это был Анатолий Прохоров, зачитал нам по бумажке следующее.

А. Прохоров. Лекция для первокурсников.

Студенты! Забудьте на секунду, что вы первокурсники, забудьте навсегда об ужасах вступительных экзаменов. Поговорим о вещах более приятных!

Меня попросили рассказать вам о физике, не как о науке, но о физике, как о личности. Что есть физик? Это человек, думающий, что он знает физику, и свято придерживающийся славных традиций физиков. Вот как раз одной из таких традиций, освященной самим временем, но молодой по духу, является существование творческой оперной студии физфака «Архимед».

Студия ставит своей целью пропаганду и дальнейшее совершенствование искусства физиков в духе традиций физфака, в интересах дальнейшего развития физической культуры интеллигенции, руководствуясь священным духом соглашений между физфаком и химфаком, на основе передовой советской физической школы и системы Станиславского.

Воссоздание культа Архимеда должно способствовать выработке у начинающих физиков таких качеств как:

1. Умение работать в любых условиях, даже сидя в ванне;
2. Тактичного обращения с рычагами общественного мнения обоих родов;
3. Понимания гигантской роли эксперимента в жизни физика, и тем самым, ликвидация нездорового конкурса на теоретические кафедры;
4. И, наконец, готовности бегать в общественных местах нагишом, если этого потребуют интересы науки.

Оперная студия «Архимед» своими постановками опер «Дубинушка», «Серый Камень» и «Архимед» выполняет в течение более 10 лет священную задачу поддержания творческого горения физической молодежи вплоть до ее полного сгорания, задачу донесения до масс общежитейских формул бытия методами, продиктованными в 1920 г. незабвенной Ермоловой, и, наконец, задачу отрыва студента от мрачных мыслей о суровой действительности, говорящей на языке монотонно убывающих последовательностей.

Успех в Москве, Подмосковье, Ленинграде, Таллине, Горьком, Новосибирском Академгородке, на Сахалине и далее подтверждают жизненность основного курса оперного коллектива на изучение традиций Вахтанговской школы и на свободное посещение лекций членами оперы.

Еще до сих пор кое-где слышны голоса: дескать, опера отрывает студента от дела. Я попросил бы уточнить здесь формулировочки. Что есть опера? Опера есть дело! А что

есть самодеятельность? Это то, чем занимается студент в свободное от безделья время, т.е. учеба.

Итак, я утверждаю: ничто так не способствует спокойной, размеренной и плодотворной работе студента, как предшествовавшая этому четырехчасовая ночная репетиция на сцене. И наоборот: отрыв от оперного коллектива пагубно отражается на творческих способностях студента. Например, один из студентов, добровольно покинувших оперу, через месяц был вынужден покинуть и факультет по просьбе деканата. Вот до чего доводит первый неверный шаг!

Зарубежные поездки оперы, в частности, поездка в Польшу, а так же постоянно намечающаяся поездка во Францию, свидетельствуют о полном понимании физиками всего мира преимуществ советской системы физического образования, позволяющей дать студентам наряду с оперной и общетеатральной подготовкой и элементы систематизированных знаний в области физики.

Нельзя не упомянуть о такой неотъемлемой части культурной жизни оперы, неразрывно связанной со спецификой искусства, как оперные собрания после гастролей, в простонародье именуемые «банкетами». Ведь именно к ним можно отнести живописнейшие строки нашего Пушкина:

«Я помню чудное мгновенье:
Вошел - и пробка в потолок!
И божество, и вдохновенье,
Бифштекс и страсбургский пирог...»

Но было бы оскорбительным неверием в творческие силы оперного коллектива не высказать некоторые критические замечания по проблеме «Опера и зрители».

Товарищи! Я прямо скажу, что тот нездоровый ажиотаж вокруг каждого спектакля оперной студии, когда билеты расхватываются в трехминутный срок после их появления на факультете, то жгучее любопытство к сюжету новой, еще не поставленной оперы «Куда идешь?» наряду с полным равнодушием к изучению общественных наук, наконец, тот гипертрофированный авторитет и уважение, которым пользуются члены художественной самодеятельности физфака, вообще, а оперы «Архимед», в частности, наносит большой ущерб проблеме воспитания новых физико-музыкальных кадров, мешает физика вырасти в законченного артиста.

Заканчивая, мне хотелось бы отметить большое отличие оперной студии физфака от других театральных коллективов СССР, обеспечивающее опере любовь и поддержку простого физика. В ней может участвовать каждый совершеннолетний, которому довелось

попасть на физфак, даже без наличия слуха, вокала, танцевальной ритмики и организаторских способностей вместе взятых.

И я не ошибусь, если выражу уверенность, что новое поколение физиков, идущее на смену нам, старикам, займет наше место и на подмостках оперы «Архимед»!

На этом моя приятная миссия окончена, и я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

А. Харламов:

Плакат в совокупности с лекцией решили мою судьбу – я пошел в «Архимед». И первым человеком, которого я запомнил, был Юра Гапонов, который так радостно посмотрел на меня, что я сразу в него влюбился. Однако карьера моя сначала не задалась – в какой-то момент я был изгнан из хора из-за отсутствия слуха. Наверное, это наследственное – отец мне рассказывал, как до войны он был в хоре красноармейцев, и однажды руководитель попросил всех помолчать и сказал: «А вы, товарищ Харламов, спойте». Товарищ Харламов спел и тоже был изгнан. Но я не растерялся. Я, как и большинство других бездарей, решил стать начальником, что мне удалось, и пребывал в должности начальника штаба оперы «Архимед» с 1969 по 1973 год.

В. Недорезов:

«Архимед» решил судьбу не только А.Харламова, но, отчасти, и мою. До поступления на физфак, в 1965 году, я не был знаком с «Архимедом», но слухи о нем будоражили голову. В 1964 году я ходил на физфак на подготовительные курсы, работая после школы на военном авиационном заводе. Кроме того, появилось много знакомых среди студентов – первокурсников. В результате желание поступить на физфак окрепло.

С. Чекалин:

Валера Миляев, как и Валера Канер, для меня прежде всего автор ставшей уже легендарной оперы "Архимед". Я оказался "повязанным" с этим явлением, начиная с премьеры праздника Архимеда и оперы в мае 1960 года, и, как это ни парадоксально, в физику попал только благодаря «Архимеду». В опере я встретил и свою будущую жену Марину Андрееву, которая танцевала в роли прекрасной девушки, приносимой в жертву богам, а также в кордебалете, сопровождавшем Аполлона. Сейчас, находясь уже, мягко говоря, далеко не на взлете, с уверенностью могу сказать, что мне очень повезло попасть внутрь этого явления, называемого «Архимедом», в сообщество прошедших через оперу

людей, как продолжающих в ней участвовать до сих пор, так и ушедших, на время или навсегда. И лично для меня кусок жизни, с этим связанный, чрезвычайно весом. Мне кажется, что не все, так или иначе повязанные с «Архимедом», отдают себе отчет в том, насколько уникально это явление нашей эпохи.

Мое первое знакомство с оперой произошло намного раньше знакомства с ее авторами. Мне было 16, когда я кончал школу, но я еще весьма слабо представлял, что буду делать после окончания. Мне нравилось заниматься спортом, участвовать в соревнованиях, но особенно больших высот я в этом не достиг, хотя имел около десятка разрядных книжек. И еще больше я любил (да и до сих пор люблю) болтаться по лесным и полевым дорогам, добираясь до незнакомых мест, и глазеть по сторонам просто так, ни о чем не задумываясь. Были какие-то неясные мысли о поступлении либо в физкультурный, либо в институт с каким-нибудь геологическим или географическим уклоном. Мой старший брат Коля учился уже на третьем курсе физфака, и я был знаком с его однокурсниками Олегом Тумановым, Валерой Карнауховым и Феликсом Саевским. Все они считали идею поступления в физкультурный абсолютной дурью. Разницу между студентом физфака и физкультурного при этом легко объясняли на пальцах: кукиш большим пальцем вниз – студент физфака, если пальцем вверх – студент физкультурного. Из этого я должен был уяснить соотношение объемов мозгов в голове и остальной части тела для обоих. И все в один голос считали, что поступать надо только на физфак. Несмотря на то, что Коля для меня всегда был большим авторитетом по всем вопросам, т.к. в детстве часто выполнял роль родителя, я сильно сомневался. Мне казалось, что на физфаке учатся уж слишком умные (или вообще заумные), к коим я себя не относил. Однако после знакомства с праздником Архимеда и просмотра премьеры одноименной оперы твердо решил поступать - и поступил в 1960 году.

До сих пор кажется странным, что удалось поступить и закончить, а потом работать по специальности и даже дослужиться до профессора. Сейчас, через пятьдесят с лишним лет после окончания физфака, я хорошо вижу темное и светлое в тех шести годах учебы. Как ни прискорбно, но наиболее мрачным представляется мне сам процесс получения высшего образования. Чего стоит, например, воспоминание о седьмом заходе на сдачу зачета по истории КПСС за день до Нового года, или о том, как на экзамене по математике в первом семестре Петр Сергеевич Моденов зачитывал вслух своим коллегам мое весьма нетривиальное определение предела, существенно отличавшееся от канонического. Спас меня тогда Илья Андреевич Шишмарев, заметив, что на письменном экзамене я оказался единственным, кто догадался логарифм произведения представить в виде суммы. Но, слава богу, темные страницы благополучно забылись. Зато приятно

вспомнить общагу, где всегда много друзей, тренировки и поездки на соревнования (по пулевой стрельбе, потом по самбо, первый разряд по обоим), физфаковский тир, которым я несколько лет заведовал, и физфаковский буфет, в котором часто бывало приличное пиво. Ну, и, конечно выступления и встречи с коллективом оперы, продолжающиеся еще до сих пор.

В один из солнечных майских дней (точнее, 7 мая 1960 года) мой брат Коля взял меня с собой в МГУ, где должно было впервые состояться празднование дня рождения Архимеда, а затем и премьеры оперы с тем же названием. Я вовсе не был поклонником опер, но все же из уважения к брату поехал с ним прямо с уроков, в школьной форме (кителе с пуговицами до подбородка). Решил взглянуть одним глазком на праздник, ну, а на оперу идти и вовсе не собирался. Огромная толпа, занимающая почти всю площадь между физфаком и химфаком, бурно реагировала на все, произносившееся со ступеней физфака. Мне трудно было расслышать, а тем более понять эти реплики, но через некоторое время я тоже смеялся и громко орал вместе с толпой празднующих.

День «Архимеда» на площади у физфака. Май 1961 г.

Вскоре дух празднования захватил меня полностью, и я ощущал себя неотъемлемой частью собравшегося общества. Поэтому, когда по окончании действия у ступеней весь народ с праздника устремился на премьеру оперы, я был буквально внесен

ликующей толпой в главное здание через железные ворота справа от клубного входа, которые я видел открытыми первый и последний раз. Не знаю, может быть они открылись под напором толпы. Мне почему-то вспомнились кадры про взятие Зимнего дворца из какого-то старого фильма. На входе в клуб оперативный комсомольский отряд проверял входные билеты. Здесь мой брат Коля приставил к этому делу и меня, поэтому мне удалось попасть в полностью забитый зрительный зал ДК МГУ, отделавшись лишь отдельными мелкими царапинами и безвозвратной потерей нескольких пуговиц школьного кителя.

Несмотря на немыслимую плотность зрителей, мне, хотя и с трудом, удалось угнездиться на какой-то ступеньке, подстелив обрывок газеты. Шум и гвалт сразу смолкли, когда раздались аккорды знакомой мелодии «Мы идем по Уругваю» (русское переложение известной песни «I love Paris»), появился ведущий и начал читать текст. Весь остаток спектакля мое внимание целиком было приковано к сцене. Всю колоссальность впечатления, произведенного на меня сначала праздником, а потом оперой, я уже описал в книге про Канера. Я был в полном восторге от спектакля. Понравилось все, особенно танцующие девочки (как выяснилось позже, Света Ковалева, Алла Пучкова и Света Щеголькова), конечно, Бахус и даже многочисленные очевидные накладки в исполнении. После просмотра оперы у меня не оставалось никаких сомнений, куда поступать – только на физфак!

*Кордебалет в опере
«Архимед», ДК МГУ, 1961 г.*

*«Тройка» - Тамара Сезнева,
«Архимед», ДК МГУ 1962 г.*

Венера – Дина Крицкая.

*За роялем на сцене Дома Культуры МГУ
Саши Замятнин; под роялем – зритель
оперы без места в зале.*

В. Миляев : *о создании оперы "Архимед", 3 апреля 2010 г., ЦДЛ. Записано с видео,
которое прислал А.Харламов в окт. 2017 г.*

Вот как все это делалось, как варилась вся эта каша. Во первых, с чего надо начать, что мы с Канером себя чувствовали абсолютными новичками в этом жанре, потому что

Канер писал много лирики, и я тоже немножко, но вот в таких юмористических сатирических вещах мы конечно себя не пробовали. Но жанр таки существовал на физфаке, и это все знают - "Дубинушку", "Серый камень", и мы все были влюблены и обожали и эту оперу, и этих людей, которые ее создали - и Кессениха, и Солуяна, и других. Но, кроме того, еще и была самодеятельность на физфаке, и меня, например, как ребенка, выросшего в московской семье, а потом окунувшегося в университетскую кашу, меня поразило совершенно стиль самодеятельности. Вот как резались некоторые фразы из всяческих социально.., вот я помню, одна сценка начиналась так, что в раскопках там какого-то 2010 года на месте физфака был найден чайник с окаменевшими пельменями.

Во-первых, я не сразу сообразил, почему пельмени в чайнике, я не жил в общежитии. Потом до меня дошло. То есть вот эта парадоксальность, этот парадоксальный подход, такой юмор поражал, прямо валил с ног, можно сказать, вот такого ребенка, как я. Ну, и, естественно, эти оперы. Поэтому, как говорил в свое время один классик: "Мы стояли на плечах гигантов", надо сразу сказать.

Как создавалась – во-первых, мы уловили жанр. Жанр состоял в столкновении каких-то оперных кусков с совершенно какими-то частушками или хулиганскими песнями. И вот на этом столкновении и вот высекались искры юмора. Поэтому прежде всего мы обратились в оперную студию МГУ и нашли несколько голосов прекрасных: Дина Крицкая, Юра Рыбаков, Коля Шкурский и еще Аполлон, Юра... вспомню фамилию, у него был тенор. Мы нашли этих людей с оперными голосами, которые продолжали учиться в оперной студии, и прежде всего мы поинтересовались, какие любимые арии из опер у каждого из них есть. Каждый назвал. Дина Крицкая замечательно выглядела, такая красивая, и голос потрясающий, вот она сказала что-то и, наконец, дошло дело до Юры Рыбакова. И он сказал: "Да, в общем пишите, варажского гостя. Неважно, что там вы напишите, какие слова, но только, чтобы в конце было "ре"". Я все это записал на карандаш, все эти замечания, пожелания, и когда мы уже с Валеркой сели вдвоем перед пустой бумагой и понимали, что осталось полтора месяца, по моему даже месяц оставался, что вот деться некуда - раз уж комсомольское бюро решило, не отвертись, не откажешься, надо нажимать. Ну, вот насчет этого "ре" - мы вспомнили эту арию, которая кончалась "угрюмо море". Я говорю: "Видишь, Валер, в конце "ре" там звучит - "мо-ре". Ну, что, ну, давай поставим слово "горе". Вот, можно сказать, с этого начиналось - "Наш вызвал, Бахус, гнев себе на горе". Ну, написали мы все, даем - говорим: "вот "ре" тебе в конце". - "Да "ре", ре, это... - ноту "ре" я просил!" Он такой был важный, у него бас такой. Итак появилось "ре" и "ре" в тексте. Так что вот такие штуки были.

Потом мы сделали вот что. Канер был знаком, по моему, 4 курса назад и 5 или 4 курса вперед, он очень многих людей знал хорошо, я - поменьше, но я тоже знал кое-кого из старших. Потом я уже с курсом Канера полностью перезнакомился со всеми. Ну, и, короче говоря, мы стали спрашивать у людей, какие забавные происшествия в общежитии или на лекции, вот что-то такое было, что-то веселое, интересное, смешное. Потому что голова-то пустая, а выдумывать просто так... - хотелось из студенческой жизни. Ну, и нам рассказывали очень много всяких шуток, происшествий. Не все были использованы, вот я до сих пор помню, как один сказал: "Обязательно напиши "префсоюз" Потому что мы в преферанс вот играем, у нас определенная компания, "префсоюз"у нас." Но не было использовано. Но многие вещи были использованы.

Ответ на вопрос, в случае, когда певцы заказывали арии, то, конечно, шел от музыки. Но, конечно, слова, которые там встречались, мы их обыгрывали, переворачивали как-то, чтобы там было смешнее. Ну, и потом к ним смотрели как будут присоединяться каким-нибудь неожиданным или смешным образом какие-то хулиганские песенки, ну, вы все помните, как эти стыковки. Теперь "когда на небе огонь погас" - дело в том, что тогда кинофильмов было очень мало, и хороших было фильмов очень мало. И на нас произвело, на меня, в первую очередь, произвело очень сильное впечатление "Последний дюйм" - замечательный фильм, такое движение, вот по Олдриджу, и вот и музыка такая была современная, поэтому там мы шли, естественно, от музыки.

Я сейчас пару слов скажу про Солуяна, чтобы было понятно, как шла работа. Как только мы, еще не полностью, закончили первое действие, написали, и уже сразу начались репетиции. Потому что время поджимало, и мы не всех даже действующих лиц еще знали и чем кончится этот "Архимед", естественно, мы еще не знали. Но Солуян был человек опытный. Он учился на философском факультете, потом факультет этот разогнали, и он перешел на физфак. Человек был совершенно многосторонний такой, многосторонних талантов. Он легко перешел на физфак и потом, как известно, он был физиком-теоретиком и даже очень неплохим. Ну, вот, и когда мы попали на первую репетицию, я сразу понял, кто здесь хозяин, потому что Солуян сделал так (здесь Миляев показал, как Солуян садится на стул - задом наперед, локти на спинке [С.Ч.]). Этого я еще никогда не видел.

Он уже вращался в театральных кругах, поэтому, когда он вот так сел, понятно, что дальше все должны были его слушаться и вот по его такой квалификации стало понятно, что это так и есть, он достоин этого. И он, конечно, был такой человек - он не меньше двух раз в неделю всю жизнь ходил в оперу. И вот где-то... он умер, нет, не знаю, лет семь назад, вернувшись из Чехословакии, я с ним некоторое время еще здесь встречался, он подтвердил, что до сей поры он раз, или два раза в неделю обязательно ходит в оперу.

Вот, представляете, человек, который десятилетиями ходит в оперу, насколько он знал оперы все, все повороты, голоса. Сам он по моему не отличался каким-то слухом, ничего не пел, но человек просто фанатик оперы, Большой театр - всех, все знал. Поэтому, когда он сел и стал командовать, и он все видел и все понимал, т.е. это был человек от театра. Прежде всего он рассадил по ступенькам - это его была затея, Лебедев, Столетов, студенты сидят на ступеньках - это его такая мысль была. Ну, а вот Бахус... Да, конечно, он был первым критиком. Когда стали притаскивать какие-то следующие арии и номера, он был первым критиком нашим и иногда жестоким. Иногда то, что мы приносили, ему как-то не нравилось, и он соображал, и с юмором, конечно, у него было все в порядке. И поэтому вот образ Бахуса, конечно, создавался усилиями Солуяна в том числе, в обязательном порядке, конечно, мы писали то, что складывалось. Ну, естественно, Бетховен "Застольная песня" напрашивалась, конечно, она легла в основу образа Бахуса. Ну, а что выпить любили и на физфаке, рабочие там, работяги, ну, все это мы видели - это была жизнь. Ну, пока вот все про Бахуса.

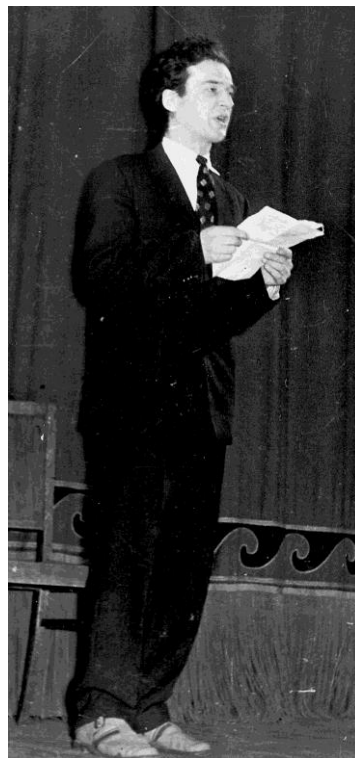
Как принимали оперу на парткоме?

Скажу честно, на партком лично я не появлялся. Я только знал по рассказам - приходилось какие-то острые вещи... Острые - как тогда считалось. Сейчас это проскочило бы, никто даже и не заметил. Ну, а всякие там намеки, вторые смыслы - некоторые приходилось убирать, ну, мы и убрали, ничего страшного. Но все-таки надо сказать, что это было время оттепели, 60-й год, и немножко гаечки открутили, и немножко вздохнул народ и себе позволяли. Но партком физфака был очень консервативным, и отпускались гайки по чуть-чуть, по чуть-чуть, и сами они тряслись от страха, как бы им еще не досталось. Ну, все-таки в каком-то виде это было утверждено и более-менее нормально. Там, как видите, никаких острых таких политических вещей не осталось, а тем более, что мы как-то увлеклись с Валеркой положительным, можно сказать, содержанием, положительным героем. И у нас получалось, что Архимед это вот такой положительный герой, трагическая такая фигура. И спасало нас от излишнего пафоса, спасало только то, что все время стиль-то был вот этот вот, о котором я рассказывал вначале. То есть мы старались все время этот пафос, когда он возникал, снижать. Но, я вам скажу, я много раз смотрел "Архимед", и в хорошем исполнении, и на больших залах, и у меня у самого наворачивались слезы, когда героя убивают.

И вот, хотя все это выдуманно, но он живет своей жизнью и получился все-таки такой и притом трагический, как сказать - трагикомедия, кто его знает. Но что-то серьезное (да, героическая комедия) осталось и, я надеюсь, оно будет оставаться и дальше.

Может быть это и хорошо, что не свелось все к простому хихиканью, ну, как это было принято в капустниках до этого времени, каких-то насмешек, ничего такого нет.

В самодеятельности, которая существовала еще до "Архимеда", мне нравилось несколько человек. Вот была такая Тамара Сезнева, замечательная такая, ну, как бы народная певица, пела частушки и под гармошку, и на гармошке играла замечательно, славно так. И потом ей в опере предоставили спеть "Была бы только тройка". И еще был такой Толя Широков, тоже такой человек из народа, и у него были вкусы тоже соответствующие, частушки любил. Я, помню, очень долго размышлял над такой частушкой, которую он спел как-то в клубной части "Раз директор магазина обозвал меня свиньей - бабы думали - свинина, встали в очередь за мной!". Я, как эстет, вначале подумал: "Фу, какая вообще гадость, непонятная, к чему это?. Потом много лет у меня всплывало это, и я подумал, что все-таки это глубокая вещь, черт возьми-то, глубокая, содержательная вещь. Ну, вот мы привлекли туда этих талантов, вот Тома Сезнева - она блестяще пела "была бы только тройка". Но как только говоришь - была бы только тройка - ясно, что надо написать это по поводу экзамена, что она мечтает только тройку получить, это напрашивается само собой.

С.Солуян и А.Кессених на празднике Архимеда. 1961 г.

Мы настряпали все, пришли показать Солуяну. Он послушал: "Ну, ничего, а чем кончается?" - "Ну, ничем, нет там никакой концовки". "Ну, - говорит, - хорошо, но не знаю...В общем концовку надо делать, иначе все это не то". И я, помню, напрягся, в

следующий раз ему приношу и с каким-то ужасом думаю, примет, или не примет, потому что написал "Материя первична, земля на трех китах, сознание вторично, а Пифагор в штанах". Ну, думал, не знаю, смешно, или нет, я как-то сам не мог оценить. И вдруг вижу - Степа засмеялся. У него был хороший вкус, он любил такие абстрактные повороты, Ну, мы этому с Валеркой учились у него, чтобы какой-то элемент таких парадоксальностей был. Действительно, эти вот частушки кончаются хором, который рявкает "А Пифагор в штанах", и это принимается залом действительно хорошо".

А. Замятнин:

Когда в нашей стране произносится имя Архимеда, то большинство людей еще со школьных времен ассоциируют это слово с весьма полезным механическим орудием – рычагом. Когда же такое имя произносится среди нас, физиков, да к тому же физиков, вышедших из физического факультета МГУ, то мы почему-то не вспоминаем о рычаге, а на ум сразу приходят другие слова – имена Миляева и, конечно же, Канера (или Канера и, конечно же, Миляева). Эти два Валерия не создали в своей жизни, насколько мне известно, ничего, подобного рычагам – по окончании университета они работали в других областях физики (не в механике), и там их имена хорошо знают соответствующие специалисты. Но для физфаковца «Архимед» – это, в первую очередь, опера, а Канер и Миляев – создатели текста ее уникального либретто и музыкального оформления.

Постановка оперы потребовала формирования внушительного коллектива студентов, аспирантов и даже сотрудников физического факультета, которые взялись исполнять оперные роли, петь в хоре, танцевать, готовить костюмы и реквизит, и прочее, и прочее. Потом это все передавалось следующим поколениям физфаковцев для дальнейшего воплощения и развития, а некоторые из первопроходцев и до сих пор участвуют в нынешних постановках «Архимеда». Каждому из участников коллективов нескольких поколений есть что рассказать и об опере, и об авторах. Некоторые из них это уже сделали. Наверно, и мне – первому аккомпаниатору «Архимеда», тогдашнему студенту II-го курса физфака МГУ – пора к ним присоединиться.

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ.

Чтобы начать, упомяну об одной телепередаче, увиденной лет десять-пятнадцать тому назад, на которую я случайно вечером наткнулся, обнаружив на экране Валерия Миляева и его знаменитую супругу – реально (и формально) народную артистку Людмилу Иванову. Чему была посвящена передача я или забыл или не удосужился вникнуть, поскольку сразу же понял, что по редакционному телефону можно задавать вопросы героям экрана. У меня же давно был вопрос к Валере и я был уверен, что ответ на него

будет интересно услышать не только мне, но и телезрителям. Вот я и стал непрерывно названивать в студию – а в ответ... слушать лишь короткие гудки вместо того, о чем говорилось за экраном. И так до конца передачи. Ответ был мною получен от Валерия много позже, в перерыве одной из наших традиционных встреч в театре Людмилы. А вопрос звучал примерно так: как вам с Канером пришла в голову идея сочинить оперу «Архимед»?

Когда, наконец, вопрос был задан, Валера в свойственной ему манере мгновенно отреагировал примерно так:

– Да это очень просто объяснить. Тогда, ранней весной 1960 года шла подготовка к празднованию первого на факультете (а также и в стране и в мире) Дня физика. Меня и Канера вызвали на второй этаж в комнату факультетского Бюро комсомола и поручили нам придумать что-нибудь необычное и соответствующее теме праздника. И совершенно ясно, что задание должно было быть выполнено всего за два месяца, строго к этому сроку. А основанием же к этому было то, что осенью 1959 года X Комсомольская конференция физфака установила день рождения Архимеда седьмым мая (287 года до новой эры) и постановила проводить праздник, названный в то время “Днем Архимеда”, в этот день.

Следует отметить, что тогда Валера Миляев учился на пятом курсе физфака, а Валера Канер – на моем, втором. Поскольку они к тому времени уже оба были известны в факультетской среде своими стихами, становится ясным, почему именно им было дано такое ответственное поручение. Более того, Канеру и Миляеву было поручено создать сценарий не только оперы, но и торжественного действия на ступенях физфака, открывавшего праздник, а также участвовать в разработке программы спортивных мероприятий.

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ.

Итак, они начали писать сценарии и одновременно смотреть вокруг, кто бы мог быть еще полезен в этом важном деле. В числе других заметили меня, засветившегося ранее в Доме Культуры МГУ за роялем на ежегодном смотре художественной самодеятельности физического факультета. Будучи моим однокурсником, Валера Канер как-то нашел меня не перемене, вкратце рассказал об основной идее праздника и попросил задержаться вечером после занятий для встречи с другими ребятами в холле перед Центральной Физической Аудиторией. Когда я туда явился, “другими ребятами” оказался Валерий Миляев. Так мы с ним и познакомились. В этом разговоре в основном обсуждались возможные музыкальные мотивы для писавшихся стихов, а кончилось тем, что они предложили мне в перспективе подыграть на будущих репетициях. Я легкомысленно согласился. Легкомысленно потому, что мне, честно говоря, тогда вся эта

грандиозная затея казалась вряд ли реализуемой, а хорошим ребятам отказывать не хотелось. Однако после этого оба Валерия периодически находили меня, мы подбирали музыку на некоторые уже написанные ими тексты и совместно искали характерные мелодии, под которые текст еще предстояло написать.

Наконец, наступил день, когда я осознал всю легкомысленность своего согласия быть участником, как теперь говорят, “Проекта”. Начались репетиции с солистами и хором в помещениях рекреаций общежития Главного здания МГУ. Там на каждых двух спаренных этажах было хорошее (настроенное) пианино и достаточно места для размещения значительного числа хористов (замечу, что в этих же помещениях тогдашние китайские студенты нашего университета проводили свои многочасовые закрытые собрания в свете начинавшейся культурной революции в Китае). Заранее невозможно было представить сколько времени потребуется на то, чтобы все разучить и правильно исполнить. И среди солистов, и среди хористов были певцы как с замечательным голосом и слухом, так и совершенно без оных. Поэтому репетиций должно было быть много и они были весьма продолжительными. Конечно же, репетировали по вечерам, после занятий, и заканчивали поздно. Мне же, жившему тогда у метро “Сокол”, в отличие от обитавших в общежитиях студентов, необходимо было успеть до половины первого ночи попасть на переход со станции метро “Охотный ряд” на “Площадь Свердлова” (теперь “Театральная”), добраться до дома, поесть, поспать, а к 9 часам утра следующего дня снова быть на занятиях в университете. Но, несмотря на все это, я втягивался в эту для меня новую и интересную жизнь все больше и больше. К тому же авторы постоянно следили за ходом осваивания участниками текста, кое-что объясняли, кое-что подправляли или изменяли в процессе всеобщего обсуждения. Было интересно всем и этот всеобщий энтузиазм собственно всех и поддерживал. Лишь одно меня смущало. Будучи выходцем из семьи, где почиталась лишь классическая музыка, я тогда принципиально отказывался играть мелодии популярных шлягеров, которые использовались в опере. Но решение нашел Валерий Милев, найдя мне в качестве партнера студента IV-го курса Игоря Дорофеева. С ним нами были поделены все фортепианные партии и до сих пор удивляюсь, как потом на авансцене, на глазах у всего большого зрительного зала Дома Культуры МГУ и в других залах мы менялись на одном стуле перед роялем, не прерывая действия (правда, однажды стул при нашем пересаживании чуть не свалился со сцены в оркестровую яму).

Сначала все происходило лишь под пристальным присмотром авторов. Но в какое-то время появился только что поступивший в аспирантуру физфака Степа Солуян, решительно взявший в свои руки режиссуру. Тут уже понадобилась сцена, на которой

будет совершаться действие. Праздник “День Архимеда” замышлялось проводить с большим размахом и сцена должна была быть общеуниверситетской. В то время такой подходящей к замыслу авторов могла быть только сцена Дома культуры МГУ на Ленинских горах, и она ею стала.

Начался новый период подготовки. Поскольку днем у всех нас были занятия, а вечером в Доме культуры – каждодневные мероприятия, то репетиции стали проводиться по ночам. Конечно, не каждую ночь, но все же... Надо сказать, что мало кто представляет себе реальные размеры и расположение сцены. Она была огромна по сравнению с рекреацией общежития и ее всю надо было заполнить действием. Большой рояль, предназначенный аккомпаниаторам, сразу же решено было выставить слева не авансцене, т.е. перед занавесом. В этом углу я по очереди репетировал со всеми солистами, а на сцене режиссером совместно с обоими авторами-Валериями отрабатывались все передвижения тех же солистов и хора. У нас ощущался постоянный недосып и иногда возникали некоторые проблемы в занятиях – порой их приходилось пропускать.

В возникавшие на репетициях паузы мы изучали устройство настоящей театральной сцены с колосниками над ней, с боковыми устройствами, двигавшими тяжелейший занавес, многочисленные электрические проводки, осветители, рубильники и т.д. Но однажды меня обуял настоящий страх – будучи под утро полусонным, я каким-то чудом не вступил на полу в открытый кем-то и зачем-то люк посредине сцены. Заметив его буквально в последний момент, с замиранием все-таки в него заглянул. То, что я увидел, и сейчас не могу вспоминать спокойно. Оказывается, под полом сцены не было ничего! В апрельское раннее утро, когда было уже светло, где-то далеко внизу, с высоты не менее, чем, как мне показалось, 10-этажного дома я увидел хозяйственный двор Главного Здания МГУ, где что-то выгружали из грузовиков. Понятно, что бы случилось с любым из нас, попади он в эту дыру! К счастью, ничего такого не случилось.

Тем не менее, энтузиазм участников с каждым днем (и с каждой ночью) неуклонно возрастал. Решающим моментом стало появление во время репетиций актера Михаила Козакова. Он тогда еще не имел никаких званий и наград, но многим запомнился по главной роли в фильме “Убийство на улице Данте”, вышедшем на экраны в 1956 году. Привел Мишу то ли Степа, то ли кто-то из Валериев – не помню, но мишины указания при постановке практически всех мизансцен Степой, всеми участниками и авторами неукоснительно выполнялись. В нашей стране Миша в первую очередь запомнился как блестящий актер, но был он также и замечательным режиссером. Чего стоят хотя бы поставленные им в 1982 году “Покровские ворота”! Я изучил режиссерскую биографию Михаила Козакова и пришел к выводу о том, что “Архимед” 1960 года вполне может

рассматриваться как первая режиссерская работа (совместно с Солуяном) будущего мастера, создавшего впоследствии около двух десятков фильмов и телеспектаклей. Не знаю почему, но его фамилия никогда публично не называлась в числе участников создания нашей оперы. Возможно, из скромности он сам этого не хотел. Мне же хотелось бы этим повествованием восстановить реальное развитие тех событий.

ПЕРВЫЕ ШАГИ «АРХИМЕДА».

Чем ближе 7 мая, тем работы почему-то становилось больше. А ведь приближалась еще и зачетная сессия, она тоже была в мае, за ней – экзаменационная в июне. Совсем цейтнот наступил, когда стало известно, что 29 апреля состоится просмотр генеральной репетиции оперы партийным Бюро физического факультета. Просмотр должен был пройти на сцене Дома культуры, оперу необходимо было исполнить полностью, с полным музыкальным сопровождением, световым оформлением и в костюмах, но без зрителей не считая членов партийного Бюро. Важной особенностью просмотра было то, что все действие было назначено на дневное время – партбюро смогло своей властью договориться об этом с администрацией Дома Культуры и официально освободить всех участников (по списку) от текущих занятий.

И вот спецпрогон оперы начался. В зале полумрак. В нем на первом ряду – только члены партбюро физического факультета со своим секретарем И.И.Ольховским. Даже авторы – Миляев и Канер – где-то за кулисами вместе с исполнителями. Мне членов партбюро не видно, хотя и сижу на авансцене, но лицом к сцене и спиной к залу. Надо отдать должное этим особым зрителям, что действие они ни разу не прерывали. Но не было также и никаких комментариев по ходу исполнения и, конечно же, никаких аплодисментов. Отсутствие реакции зала явно не придавало энтузиазма исполнителям, но они в основном справились с поставленной задачей, не считая мелких огрехов как в произнесении текстов, так и в исполнении музыки, вызванных всеобщим волнением непрофессиональной труппы.

Реакция на оперу последовала после полного завершения ее действия. Резкие и порой безапелляционные суждения членов партбюро по тем или иным сценам и репликам привели к дискуссии с авторами и постановщиком, в которой обоим Валериям и Степану пришлось защищать многое, подвергнутое критике. Отстоять удалось не все. Не удалось, например, сохранить сцену со строительством студенческим отрядом пирамид – видите ли, это очень напоминает рабский труд (вместо этого пришлось строить римский водопровод). Другая сцена с кордебалетом четырех красавиц физфака (Светы Щегольковой, Светы Ковалевой, Аллы Пучковой и Лены Штамм) вызвала особое негодование. Как это они в

МГУ перед всем залом позволяют себе быть обнаженными до купальников, в длинных перчатках по локоть и на высоких каблуках! Пришлось пойти на уступки и здесь.

Не обошлось и без правки текста. Например, для членов партбюро было совершенно недопустимо фамильярное упоминание о советских ученых. А в тогдашнем изложении пелось:

Сколько поле не квантуй,
Все равно ты не Ландуй...

Ясно было, что речь идет о преподававшем у нас на физфаке академике-физике (тогда еще не нобелевском лауреате) Льве Давидовиче Ландау. Партбюро потребовало заменить и заменить пришлось, несмотря на то, что ранее Валерии побывали у самого Ландау и получили от него разрешение: “Делайте со мной все, что хотите”. Выполнить его пожелание не удалось, так что в результате после проведенной цензуры хору пришлось петь:

Сколько не долби кванты,
Не Ландау вовсе ты...

После проведенной коррекции оперу все же допустили к публичному показу. И это было главным. Далее произошло то, что вряд ли могли ожидать авторы и все остальные причастные созданию праздника «День Архимеда». Первая его часть вершилась на ступенях физического факультета, а оперу «Архимед» вечером давали в Доме культуры. Интерес к празднику был таков, что днем зрители заняли всю огромную проезжую часть перед физическим факультетом, наблюдая за историческими сценами из жизни физиков и физики. Вечером же действие оперы было задержано из-за опасения, что балконы зала Дома культуры МГУ обвалятся под весом многочисленных безбилетников. Желających попасть на представление было не меньше, чем днем на площади. И у всех участников оперы было немало друзей, хотевших туда попасть. А участникам, да и то не всем, полагалось лишь по два билета для родственников и друзей. Положенные мне билеты без разговоров были у меня изъяты моими родителями. А Леночка Штамм попросила у Степы Солуяна третий билет, на что он спросил:

– Для кого?

– Да для парня одного.

На это Степа ответил:

– Ищи в нашем коллективе.

И дополнительного билета ей не дал.

Успех оперы был оглушительный и даже имел совершенно неожиданные последствия, в частности, для меня. Из-за репетиций к тому времени у меня были

некоторые долги по предъявлению конспектов классиков марксизма-ленинизма для сдачи зачета по одной из общественно-политических дисциплин. Так вот, через несколько дней после праздника на переходе одной из станций метро ко мне вдруг буквально подбежала наша преподавательница этого предмета – гроза студентов-физиков – и с очаровательной улыбкой упрекнула:

– Ну что же Вы не приходите ко мне на зачет? Ведь у Вас все в порядке с общественной работой. Выяснилось, что она была на представлении «Архимеда» и не могла не лицезреть меня, маячившего все действие на глазах у публики на авансцене.

Запомнился еще один эпизод, случившийся следующим летом на полях подмосковного совхоза в Красновидово, куда наш курс отправили на трудовую практику. Произошло это днем в обеденный перерыв. Ребята попросили меня озвучить «Архимед», поскольку многие все-таки не смогли попасть на представление. После многочисленных репетиций оперы ее полный текст я помнил наизусть и мне не стоило труда «промычать» все сольные и хоровые партии. Позднее до меня дошли слухи о том, что Женя Сорокин, бывший нашим культургом, отчитался перед профкомом этим мероприятием как политинформацией.

В. Кандидов:

Первому празднику физиков, называвшимся тогда «День рождения Архимеда», пришлось преодолеть множество препятствий со стороны парткома факультета. Партком потребовал убрать из сценария оперы строительство пирамид, на которые, по замыслу авторов, направлялся летом студенческий отряд. Администрация факультета нашла в этом намек на рабский труд. Сильное негодование партийцев вызвали девочки из кордебалета, которые выходили на сцену в купальниках, на высоких каблуках и черных перчатках по локоть. В те времена такие костюмы были неслыханной смелостью. Почему-то в перчатках была усмотрена наибольшая крамола. На просмотре перед парткомом девочкам танцевать без перчаток. Но потом все же перчатки разрешили.

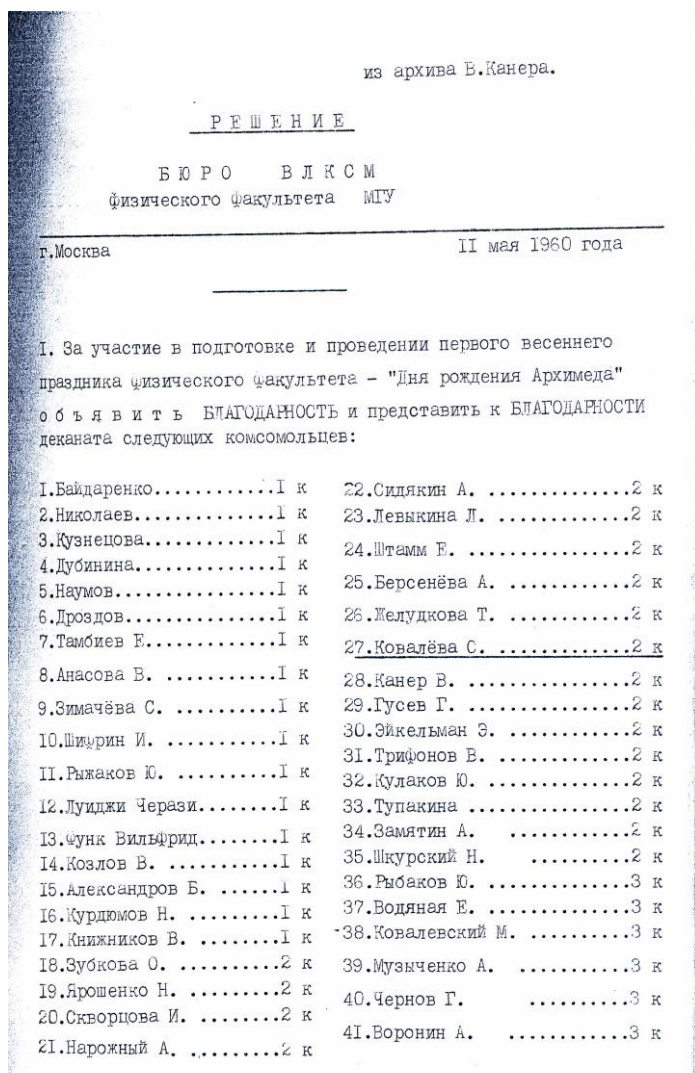
С.Ковалева (из архива А.Харламова):

Прежде всего, партком потребовал убрать из сценария строительство пирамид, на которое, по замыслу авторов, направлялся летом студенческий отряд. Члены парткома нашли в этом намек на рабский труд. В результате пирамиды были заменены на безобидный римский водопровод. Особенное негодование со стороны парткома вызвали девочки из кордебалета, которые выходили на сцену на высоких каблуках, в купальниках и в длинных перчатках по локоть. Некоторые члены парткома увидели самую большую

крамолу именно в этих перчатках и потребовали их снять. Перчатки удалось спасти только благодаря защите какой-то женщине, члену парткома, имени которой, к сожалению, никто не помнит. Хотя Ольховский и был жестким коммунистом, но тут он пошел на легкую “слабинку”, видно, время было такое, дух перемен 60-го года коснулся даже таких людей, как он. Во время проведения следующих праздников он был гораздо жестче. Но дело было сделано.

В. Кандидов:

Почти все участники первого праздника «Архимед» были отмечены грамотами и благодарностями. Вот решение бюро ВЛКСМ физфака, которое было напечатано на машинке (принтеров тогда не было) и приводится в оригинале.

42. Байбаков В.3 к
Серджио Амадези.....3 к
44. Чабанян В.3 к
45. Чиркин3 к
46. Крынецкий3 к
47. Илькова Н.3 к
48. Чернов П.3 к
49. Замятина С.3 к
50. Трускова Н.3 к
51. Ломоносов М.3 к
52. Лисовская И.3 к
53. Алёшина Ю.
.....
56. Логгинов А.3 к
.....
59. Касумов М.....3 к
69. Широков А.3 к
71. Косичкин Ю.5 к
74. Крицкая Д.5 к
81. Полковников Б.асп.
82. Солуян С.асп.
83. Крылов С.2 к
86. Поздняков А.2 к
и т.д. всего 89 фамилий.

2. За активное участие в организации и проведении первого весеннего праздника Физического факультета МГУ представить к награждению грамотами Ленинского РК ВЛКСМ следующих комсомольцев:

1. Шифрина Илья1 к
2. Кулакова Юрия2 к
3. Водяную Елену3 к
4. Чеботарёву Елену4-к
5. Бардышева Владимира5 к
6. Никонову Н.5 к

3. За активное участие в художественной самодеятельности, за активную работу по подготовке первого весеннего праздника Физического факультета МГУ представить к награждению грамотами Московского городского Комитета ВЛКСМ следующих комсомольцев:

1. Канера Валерия2 к
2. Киселёву Лейду5 к
3. Широкова Анатолия5 к
4. Миляева Валерия5 к
5. Солюяна Степанаасп.

Участники и покровители оперы "Архимед". Слева направо: Юра Гапонов, Степа Солюян, Саша Кессених, Слава Письменный, Юра Днестровский (ДК ИАЭ, вечер 25-летия «Физического искусства», 17 февраля 1980 года).

А.Замятнин. «АРХИМЕД» и БОР.

Однако самым запомнившимся праздником для меня (и думаю, не только для меня) был «День Архимеда» в следующем, 1961 году. И было это потому, что в этом году на физическом факультете МГУ соединились имена двух великих ученых-физиков – Архимеда и Бора. Так получилось, что датчанин Нильс Бор, не посещавший СССР с довоенных времен, прибыл в нашу страну именно в мае, когда мы отмечали свой праздник. Уж не знаю, кому довелось и удалось его пригласить и как это было сделано, но главное в том, что он прибыл на праздник и праздновал весь день 7 мая вместе с нами. Более того, на праздник он приехал со всей прибывшей вместе с ним в СССР своей семьей – супругой Маргарет, сыном Оге и невесткой Мариеттой.

Днем, уже по традиции, на ступенях физфака совершалось театрализованное действие, и Нильс Бор стал частью этого исторического действия, сидя на специально поставленных стульях со своей супругой в окружении наших профессоров-академиков – Льва Давидовича Ландау и Евгения Михайловича Лифшица. Зрителям же в том году уже едва хватило пространства между физическим факультетом и памятником Ломоносову в центре огромного сквера перед Главным Зданием МГУ. Трудно себе представить, что видели и слышали те, кто стояли у монумента Михаилу Васильевичу и не могли продвинуться дальше, но они продолжали стоять там и смотреть. Говорят, что Нильс Бор, увидев подобное столпотворение произнес:

– Никогда не видел столько физиков!

*Нильс Бор и Лев Ландау на празднике "День Архимеда", 1961 г.
(из архива С.Шегольковой)*

Я и мои родители были там же. Мой отчим - физик Юрий Лукич Соколов фотографировал происходящее, и часть его фотографий позднее попала в Интернет. Но всего действия мне увидеть не довелось, поскольку необходимо было заранее придти в Дом культуры и еще и еще раз репетировать трудные сцены оперы, дававшейся вечером.

Между дневной репетицией и вечерним представлением у нас было свободное время, которое я посвятил тому, чтобы проследить, как заранее поднимутся в зал мои родители (не отдать им опять положенные мне билеты было невозможно), а также помочь своим друзьям прошмыгнуть через контроль без билетов. Контроль же билетов осуществлялся таким образом. В Главном Здании МГУ войти в Дом Культуры можно по двум симметричным лестницам, ведущим на второй этаж из базового коридора первого этажа между Северным и Южным входами высотного здания. Одну из лестниц наглухо закрыли, а другую приспособили для контроля. Лестница состоит из двух маршей, площадку между которыми перегородили банкеткой (длинным низким диванчиком без спинки), оставив узкий проход для счастливых обладателей билетов. У этого прохода и у банкетки скопилось множество безбилетников, надеявшихся прошмыгнуть в зал. Их присутствие затрудняло и порой делало проход зрителей с билетами просто невозможным. Я видел, как один из таких зрителей – академик Игорь Евгеньевич Тамм, сопровождаемый двумя своими аспирантами, в течение длительного времени тщетно пытался легально пройти через контроль. Все закончилось весьма неожиданно. Аспиранты, выбрав момент, когда толпа у банкетки несколько поредела, с двух сторон приподняли академика и перебросили его через банкетку. Удержавшись на ногах по ту сторону от нее, он бодро взобрался по второй части лестницы и устремился в зал. Контролеры только посмотрели ему вслед.

Вскоре, уйдя за кулисы через специальный служебный вход, я не увидел многое того, что произошло при заполнении зала. Потом же мне рассказывали, сколько предварительно запертых боковых дверей было выломано, сколько стекол при этом выбито, что в зале было втрое больше зрителей, чем мест, и в связи с этим, сколько стульев в зале было сломано. Подсчитывая ущерб, администрация Дома культуры будто бы зареклась в дальнейшем давать физикам свой зал, когда бы то ни было.

Тем временем наступил момент, когда нам с Игорем Дорофеевым надо было первыми выйти на сцену. Мы оставили за закрытым еще занавесом всех исполнителей, автора и режиссера, протиснулись в зал между боковой стеной и занавесом и заняли свои места у рояля. Перед поднятием занавеса всегда бывает пауза, к тому же наше вступление было не первым. Первым уже на середину сцены вышел наш старший товарищ Саша Кессених (автор предыдущих физфаковских опер «Дубинушка» и «Серый камень») и ввел

зрителей в курс дела – в совершенно нестандартном ключе посвятив зрителей в краткое содержание оперы и в ее I-е Действие. Будучи еще свободным от игры, я вполборота посматривал в зал, где в первом ряду в том же окружении, как и на ступенях физфака, сидела чета Боров, а Ландау и Лифшиц выполняли роли переводчиков. Часто смех в зале после восприятия какого-либо одного перла повторялся три раза. Первый раз – немедленно воспринятый залом, второй с задержкой – воспринятый Бором после перевода, и третий – опять же от зала, радовавшегося дошедшему до Бора смысла шутки.

Общую атмосферу этого праздника передать трудно. Но даже после более чем полувека невозможно забыть, как по окончании действия зал сначала бурно аплодировал участникам, а затем эти аплодисменты постепенно перешли в скандирование:

– Нильс Бор! Нильс Бор! Нильс Бор!..

И Бору ничего не оставалось, как выйти на сцену в сопровождении Ландау, опереться на рояль и обратиться к благодарным потомкам.

Хорошо помню, что сказаны были всего три фразы. И последняя, в переводе Ландау, звучала примерно так:

– Я уверен, что люди, которые умеют так отдыхать, также замечательно могут заниматься и физикой!

Ландау и Бор на сцене Дома Культуры МГУ после завершения оперы «Архимед» 7 мая 1961 года. Слева на ступеньках лестницы стоят: аспирант-режиссер Степан Солуян, студенты III-го курса Вика Курт и Сережа Руденко. У сценического задника за Нильсом Бором: студент II-го курса Игорь Минкевич, ?, студент III-го курса аккомпаниатор Саша Замятнин (фото Ю.Л.Соколова).

Мы, участники, стояли у задника сцены и с замиранием слушали великого физика. После того, как Бор и Ландау вернулись на свои кресла в зале, мы, не сговариваясь заранее, исполнили для Бора хоровую партию из оперы «Дубинушка» с изложением планетарной модели Бора:

Электрон вокруг протона обращается,
Эта штука атом Бора называется...

Позднее я, как мог, перевел текст этой песни на английский язык и отвез Игорю Евгеньевичу Тамму, который успел передать его Бору в Копенгагене (Нильс Бор умер всего через полтора года, 19 ноября 1962 года).

Праздник “День Архимеда” 7 мая 1961 г. Справа налево: Лев Давидович Ландау, Нильс Бор, жена Бора Маргарет, Евгений Лившиц.

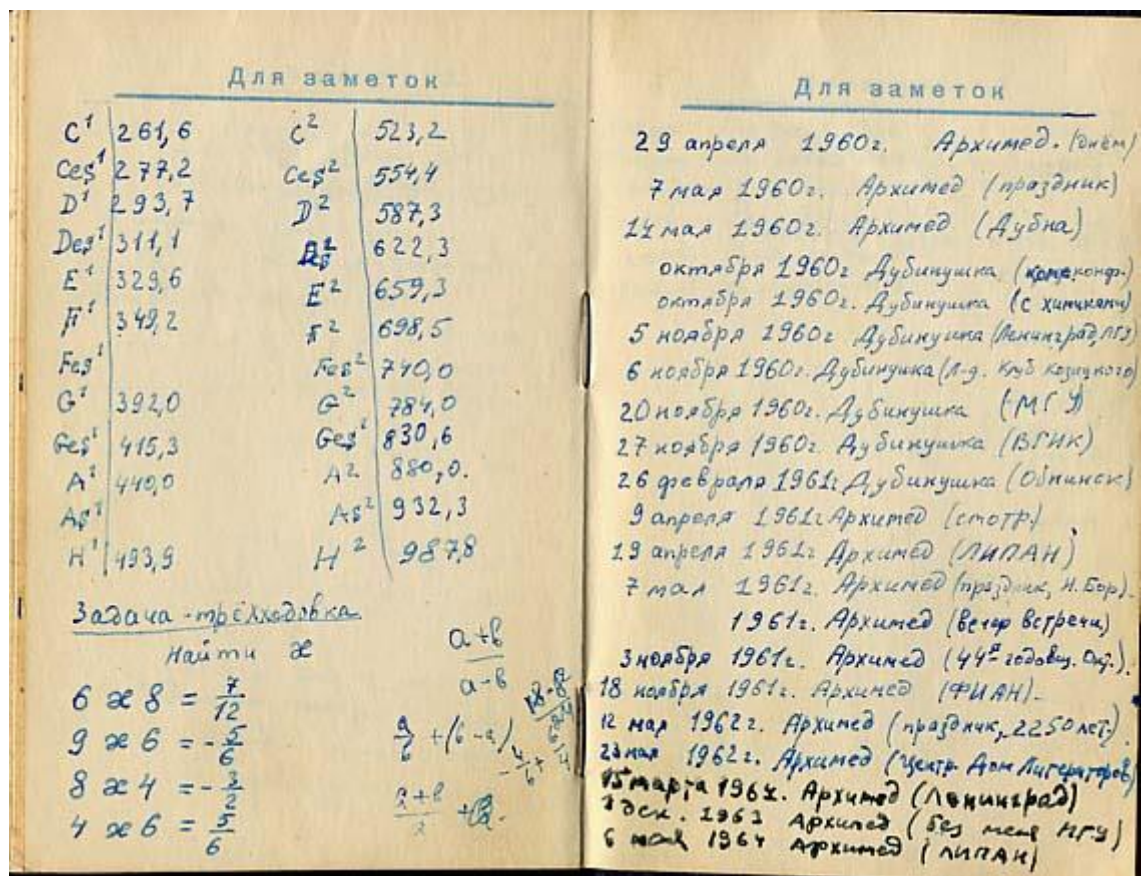

Праздник “День Архимеда” 7 мая 1961 г. Слева Илья Михайлович Франк, Справа Рем Викторович Хохлов.

О рождении «Архимеда» вспоминают многие участники и главные действующие лица. Отчасти их воспоминания перекрываются, но неповторимость личности авторов наносит отпечаток на овещение исторических событий. Поэтому эти воспоминания приведены без редактирования.

А.Замятнин. НАШ «АРХИМЕД».

Как уже ясно из предыдущего, творение Миляева и Канера в первые годы прочно вошло в мою жизнь и существенно ее изменило. И не только мою. С моим участием в первых постановках «Архимед» ставился в общей сложности 14 раз и даже после того, как я закончил университет. Вот расписание этих постановок из моей записной книжки.

Слухи об опере быстро распространялись и уже через неделю (14 мая 1960 года) после первого публичного спектакля мы выступали в Дубне в Доме культуры Объединенного института ядерных исследований. Поездка туда всем коллективом на выходные дни ожидалась быть интересной. Мы планировали не только выступить, но и осмотреть синхрофазотрон, прославленный в последнем действии оперы. Выступление прошло “на ура” и по окончании присутствовавший на нем глава института академик Николай Николаевич Боголюбов (тоже упомянутый в опере) обещал преодолеть все препоны секретности, чтобы нас пустили на территорию института. Но увы! Даже, казалось бы, всемогущему, директору это не удалось. До сих пор не понимаю, как это могло случиться: ученым - физикам из других стран (в том числе, и капиталистических) было позволено там работать, а мы – свои студенты-физики не могли даже переступить порог института.

При мне опера ставилась в МГУ по случаю различных праздников (например, к 44-летию Великой Октябрьской социалистической революции), смотров художественной самодеятельности, выпускных вечеров. Мы выезжали и за пределы университета: выступать в Доме культуры Института атомной энергии имени И.В.Курчатова (тогда он секретно назывался ЛИПАНом – Лабораторией измерительных приборов Академии наук, или еще секретнее – почтовым ящиком п/я 3393), в Физический Институт имени

П.Н.Лебедева (ФИАН), где уже начал работать Валерий Миляев, и даже в мой родной Ленинград, где представление давалось в Ленинградском государственном университете. В тех залах была близкая нам физическая среда и необычайно тесный контакт со зрителями.

Кто-то подсчитал, что с момента первой постановки состоялось около 300 выступлений «Архимеда» в самых разных местах нашей огромной страны и, кажется, где-то за рубежом. Ее ставили помимо Степы Солуяна также Юрий Гапонов и Светлана Ковалева. Мои аккомпаниаторские функции перешли сначала в руки Дмитрия Гальцова, а затем Владимира Захарова (Рис. 3). Появились и новые солисты-физики. Но некоторые из первого состава (например, Юрий Рыбаков, исполнявший роль Марса) временами выступают и до сих пор.

*Три физика-аккомпаниатора
«Архимеда» разных времен:
Александр Замятнин,
Дмитрий Гальцов и
Владимир Захаров.
(фото сделано фотоаппаратом
А.А.Замятнина в 2000 г.,
публикуется впервые).*

После 1964 года я наконец-то сам смог слушать оперу из зала. И надо сказать, что мое впечатление всегда было не менее сильным, чем из-за рояля. Особенно запомнилось представление 13 мая 2000 года по случаю 40-летия оперы. Состоялось оно на той же сцене Дома культуры МГУ при, как всегда, переполненном зале. По окончании оперы Валерий Миляев (Канер уже, увы, ушел тогда из жизни) вышел на сцену и торжественно поблагодарил всех, кто когда-либо участвовал в постановках «Архимеда», а всех присутствовавших тогда в зале участников вызвал на сцену. Образовался сводный хор поколений, который вместе с автором Борисом Болотовским и всем залом исполнил его нестареющий физиковский гимн «Дубинушку» (видеозапись этого события есть в Интернете <https://www.youtube.com/watch?v=9fvu3qzk3yY>). Следующую неделю я провел на научном симпозиуме в Японии, а, возвращаясь домой, при посадке в Токио в аэрофлотовский самолет, взял при входе российскую и газету наслаждался чтением статьи о нашем юбилейном празднике.

ЛИРИК-КЛАССИК ОБ «АРХИМЕДЕ».

Совсем другая, нежели ранее, аудитория была в Центральном Доме Литераторов (ЦДЛ), куда нас пригласили выступить на совместной встрече писателей и композиторов 23 мая 1962 года. Да и организация этого вечера была совершенно на другом уровне. Так, оказалось, что впервые к нашему выступлению в типографии была отпечатана подробная программка вечера, приведенная в начале этой главы. В ней все было прописано, как в настоящем театре или концертном зале. На хорошей бумаге, сложенной вдвое, можно было прочитать фамилии авторов и постановщика оперы, действующих лиц и исполнителей, а также концертмейстеров. В отличие от других моя фамилия (и Игоря Дорофеева тоже) не была снабжена указанием, что я являюсь всего лишь студентом. Таким образом, нас перед писателями и композиторами выставили как профессионалов.

В большом зале как обычно, мы Игорем Дорофеевым разместились на авансцене спиной к зрителям и ждали сигнала к началу действия. Свет еще не погасили полностью, как вдруг я почувствовал, что кто-то тянет меня за полу пиджака. Обернувшись, увидел внизу голову композитора Никиты Богословского, который спросил:

– А кто написал музыку ?

От волнения я не нашелся ничего сказать, кроме : «Узнаете».

И похоже, что известного композитора это удовлетворило.

Итак, мы попали в совершенно другую среду. Наши шутки и афоризмы, хорошо понятные в среде физической и вызывавшие всегда бурю восторга, здесь вначале как бы повисали в воздухе и зал обескураживал исполнителей своей очень слабой реакцией. Правда, можно понять, каково писателям и композиторам было слышать подобные размышления Архимеда:

– Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне...

Однако, по мере развития действия обстановка менялась, стали возникать аплодисменты и одобрительные выкрики. Закончилась же опера как и всегда бурным хлопанием благодарных слушателей.

Потом нас пригласили в “Пестрый зал” – по сути, ресторан. На его стенах я увидел автографы известных литераторов того времени. Кое что запомнил. Один украинский писатель (кажется, Олесь Гончар) про Центральный Дом Литераторов написал коротко: “ЦДЛ – Це ДиЛо!”.

Другой же автограф был, по-видимому, наставлением Владимира Лифшица молодым писателям:

“О, молодые, будьте стойки при виде ресторанной стойки”.

На ту же тему философски отметился Расул Гамзатов:

“Пить можно всем,
Необходимо только
Знать где, когда и с кем,
За что и сколько.”

Но там для нас ничего специально приготовлено не было. И первое время мы больше смотрели, чем участвовали в поглотительном процессе. Однако через некоторое время как по щучьему велению, а на самом деле по распоряжению самого Константина Михайловича Симонова, и, как я понимаю, на его средства, был куплен и внесен за кулисы ящик водки и множество закуски. Туда мы все и переместились. Вот тут и началась вторая фаза наших гастролей. За этим застольем “на ногах” до сих пор хорошо себе представляю, как Миляев и Канер чувствуют себя здесь, как рыба в воде, читают свои стихи Симонову, а он внимательно их слушает. В разных углах помещения спонтанно возникают песнопения. Наверное, там были и другие писатели, но запомнился лишь этот классик. На вопрос организатора архимедовского праздника того года Юрия Пирогова:

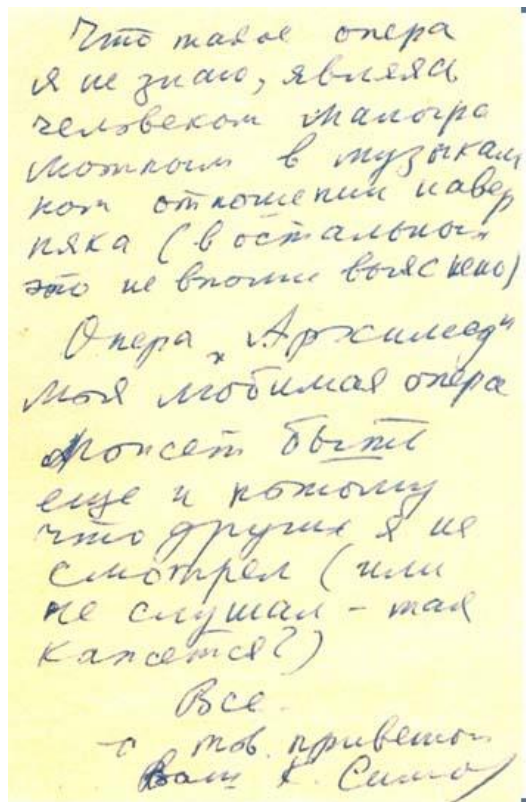
– Как Вам понравилась опера?

Симонов ответил:

– Очень понравилась, исполнена искренне, с самоотдачей.

И написал на обороте Юриного дневника следующее:

Автограф писателя Константина Симонова, полученный организатором архимедовского праздника 1962 года Юрием Пироговым в Центральном Доме Литераторов 23 мая 1962 года после показа там оперы «Архимед».

Что такое опера
я не знаю, являясь
человеком малограмотным
в музыкальном отношении
наверняка (в остальном это
не вполне выяснено)
Опера «Архимед»
моя любимая опера
Фонсея будет
еще и кому-то
что другие я не
смотрел (или
не слушал - так
кажется?)
Все.
с доб. приветом
Вам К. Симонов

“Что такое опера, я не знаю, являясь человеком малограмотным в музыкальном отношении наверняка (в остальном это не вполне выяснено). Опера «Архимед» – моя

любимая опера. Может быть еще и потому, что других я не смотрел (или не слушал – так кажется?) Все. С тов. приветом. Ваш К.Симонов”. По-моему, этими словами Константин Михайлович показал, что всецело разделяет свободный и яркий дух нашего физического сообщества.

Сколько длилось это празднование, не помню. Видимо, очень долго.

С.Ковалева: *встречи с замечательными людьми (из архива А.Харламова).*

Я не отступлю от истины, если скажу, что «Архимед» всемирно известен: и в кино его снимали, и в прессе отражали. Сам Нильс Бор нас заметил, да не только заметил, а после просмотра «Архимеда» вылез на сцену и сказал примерно такие слова: «Ну, если московские физики умеют так веселиться, то за будущее физики я не волнуюсь». Представляете, какая ответственность была на нас возложена, если в первом ряду зала ДК восседали Н.Бор и Ландау. Знали мы и другого великого физика – Бруно Понтекорво. Он после представления в Дубне в Дину Крицкую влюбился. Банкет, конечно, был грандиозный, и ледоход шёл по Волге, а мы кричали: «Мы не будем больше ставить "Архимеда"!» (А не "Дубинушку", как неправильно указал в своей писанине А. Кессених). Наутро был большой футбол, дамы против мужиков играли. Трудновато, я помню, было бегать, тогда узкие юбки носили и «шпильки». Тут мне мимоходом нос подбили, красивое зрелище было – кровь этаким фонтаном хлестала! Все ужасно растерялись. Один Понтекорво не растерялся. Он отнял у какого-то зазевавшегося мальчугана детский велосипед и помчался в «Скорую помощь». Так что он мне, можно сказать, жизнь спас, и я никогда не устану этим гордиться.

Праздник «Архимеда» посещали и космонавты. Герман Титов в 63-м году речь держал с хилого балкончика, пристроенного на фасаде физфака, так его сзади все за полы держали, чтобы, не дай бог, не свалился. А когда Титов спустился по шаткой лестнице вниз, на грешную землю, то его толпа чуть не разорвала на сувениры, один ботинок сняли, и кто-то всё норовил ножницами кусочек галстука у него отхватить. Иванов тогда ведущим был, так его сфотографировали рядом с Титовым. Хранится эта фотография, как зеница ока. Иванова и рядом с Окуджавой снимали, так он взял, дурак, в припадке щедрости эту фотографию кому-то подарил.

Это что, зато я с самим Константином Симоновым чарльстон танцевала после выступления в ЦДЛ. Он ничего мужик, бодрый был, довольно долго танцевал Так что я могу претендовать на довольно близкое с ним знакомство, поэтому и взяла под сомнение достоверность строк Кессениха, имеющих отношение к Симонову. Может, кому-то покажется странным, что я все цепляюсь к Кессениху. Так ведь надо же кому-то

цепляться! Тем более, что Киса не то что один раз соснул во время написания своих воспоминаний (как он сам об этом упомянул), но, по-моему, он вообще редко просыпался. Иначе откуда столько откровенных ляпсусов? Набралась я смелости и на правах старой знакомой написала Симонову с просьбой разрешить мои сомнения относительно трёх «Аид» и якобы выставленного им ящика водки. Признаться, я не особенно надеялась, что у такого известного писателя найдётся время для ответа, да и помнит ли он нас вообще... Но уже через несколько дней я получила письмо, которое привожу здесь полностью:

«Дорогие друзья!

Ваше представление в ЦДЛ я очень хорошо помню, поскольку ещё тогда отметил, что многим нашим операм не хватает того пафоса, оптимизма, искрящегося юмора, которыми пропитан весь «Архимед». Только вот я кричал: «Меняю трёх "Фаустов» на одного «Архимеда», а не трёх «Аид», поскольку никогда бы не променял трёх женщин на одного мужчину. А намёк на ящик водки меня привёл в негодование. Неужели я мог бы опуститься так низко, что поставил бы настоящим артистам ящик водки! Попробуем восстановить истину. После вашего выдающегося представления в буфете ЦДЛ был симпровизирован на скорую руку ужин. Я зашёл проверить, всё ли в порядке и, к своему ужасу, увидел на столах бутылки с лимонадом. Я велел их немедленно убрать и принёс ящик коньяка. Коньяка, а не водки! Так что, не позорьте меня, пожалуйста, в своих воспоминаниях. И, если можно, вышлите мне экземплярчик. Рад, что «Архимед» и ныне жив. Желаю дальнейших творческих успехов.

Ваш К. Симонов».

Как видите, правда восторжествовала!

А.Замятнин. ФИЗИК-КЛАССИК ОБ «АРХИМЕДЕ».

Теперь, когда прояснилось мнение отечественного классика-лирика о творении Миляева и Канера, было бы интересно узнать, а как к этому отнесся главный гость на празднике “День Архимеда”, тоже классик, но уже в физике и к тому же иностранец, не понимающий русского языка. Для ответа на этот вопрос мне бы хотелось рассказать о совершенно уникальных проводах этого великого человека из Советского Союза после ознакомления с нашей оперой и с другими достопримечательностями страны.

А дело было 19 мая 1961 года в подмосковном международном аэропорту Шереметьево (тогда, в отличие от сегодня, в Шереметьево I). Уникальными провода были по многим причинам. Во-первых, потому, что великого физика провожало всего несколько человек в отличие от постоянного окружения его многочисленными именитыми поклонниками в течение двухнедельного пребывания в стране. Возможно, это

было связано с тем, что самолет датской авиакомпании отправлялся в путь рано, в 7 часов утра, что весьма неудобно, особенно для людей немолодых, уже состоявшихся физиков. Меня туда с Сокола взял на машине в 4 часа утра тогда еще кандидат наук Вениамин Александрович Сидоров, стажировавшийся до этого в Институте Нильса Бора и сидевший неподалеку от Бора на представлении «Архимеда» (позднее он стал членом-корреспондентом Академии наук и работал до своей кончины в новосибирском академгородке). Очевидно, может возникнуть вопрос, а как я оказался в этой высокой компании. В этом – вторая уникальность проводов. Дело в том, что Веня хорошо знал моего отчима по Институту атомной энергии им. И.В.Курчатова, где они тогда работали, и по просьбе Юрия Лукича Соколова он взял меня с собой. Из физических “генералов” в здании аэропорта был только академик Аркадий Бейнусович Мигдал, а среди немногих других незнакомых мне людей (человека три-четыре) присутствовал, как положено, “искусствовед в штатском”:

Проводы Нильса Бора и его семейства 19 мая 1961 года в Шереметьево I. В центре – студент Саша Замятнин обменивается рукопожатием с Нильсом Бором, справа – академик Аркадий Бейнусович Мигдал (фото В.А.Сидорова, публикуется впервые).

Предотъездные пожелания провожавших нарушил аэропортный диктор, который объявил, что рейс откладывается по техническим причинам на неопределенное время. Впоследствии нам удалось выяснить причину задержки. Оказалось, что команда самолета датской авиакомпании узнала о том, что в числе пассажиров будет Нильс Бор (а Нильс Бор в Дании по значимости был на втором месте после короля). Поэтому перед посадкой

еще раз было обследовано не только техническое состояние воздушного корабля, но и его внутреннее убранство. И обнаружено было отсутствие головки одного винтика, крепившего драпировку салона самолета, в результате могла быть заметна маленькая темная дырочка. Отсутствие столь малой детали, конечно же, никак не могло повлиять на безопасность полета и навряд ли кто-нибудь из Боров на это обратил бы внимание. Но командир принял решение попросить администрацию Шереметьево восстановить этот винтик. Однако такого винтика в мастерских аэропорта не оказалось, поскольку он не входил в тогдашние стандарты нашей страны, и пришлось изготовить его в мастерских, на что понадобилось время около четырех часов.

После этого объявления настроение провожающих стало быстро увядать и они потихоньку исчезали из поля зрения. В результате с четверьмя Борами остались лишь двое – молодой (тридцатилетний) кандидат наук и двадцатилетний студент III-го курса. Что было нам делать, чтобы сохранить имидж принимающей стороны? (Это я сейчас так выражаюсь, а тогда было огромное чувство неловкости). Решение принял Вени – надо пойти в кафе и скоротать время за кружкой пива. Отъезжающие согласились. Так и сделали.

Ну а какое же пиво без разговоров? Поначалу я лишь внимательно слушал раскованную беседу Вени, хорошо знавшего Бора по работе у него в институте. Кроме того, его английский язык был уже на весьма высоком уровне, а я тогда английским так не владел и успешно мог использовать лишь немецкий, полученный в спецшколе. Мне было известно, что после войны и всех связанных с ней перипетий Нильс Бор не очень любил этот язык, но в нашем разговоре он это никак не проявил. О чем мы говорили, в подробностях я не помню. Запомнились лишь два самых ярких момента. Не могу не удержаться и опять не описать эпизод, о котором не перестаю рассказывать уже более, чем полувека.

В процессе поглощения шереметьевского пива мне захотелось узнать, какое пиво пьют в Дании. После моего вопроса Бор улыбнулся и заметил:

– Вы не можете себе представить, насколько серьезный вопрос Вы задали.

Вот тут у меня сердце, что называется, “ушло в пятки”, поскольку из литературы о великом физике мне было известно, что когда кто-либо говорил явную глупость, Бор обычно реагировал так:

– Это очень интересно то, что Вы говорите.

Однако Бор продолжал:

– Дело в том, что с прошлого века в Дании все исследования, проводимые в естественных науках, финансируются пивной фирмой Carlsberg. Поэтому все естественники

поддерживают эту фирму и пьют пиво “Carlsberg”. Однако существует и другая пивная фирма, являющаяся спонсором гуманитарных наук и называется она “Tuborg”. Понятно, что гуманитарии пьют пиво этой фирмы.

Тут я осмелел и решился задать следующий вопрос:

– А как Вам нравится наше пиво?

(Надо заметить, что в те времена почти все советские пивные напитки назывались жигулевскими и в кафе мы пили именно “Жигулевское”). И на этот вопрос великий физик (и философ!) ответил:

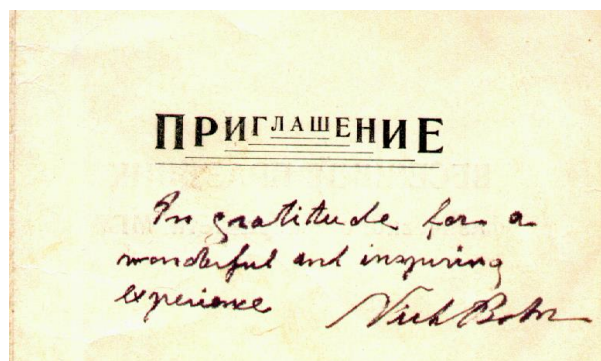
– Главное, что не “Tuborg”.

В конце нашей беседы, когда он рассказывал о поездке по Советскому Союзу (Боры посетили еще и Грузию), я спросил, что ему понравилось больше всего за прошедшие две недели. Ответ его состоял всего лишь из одного слова:

– «Архимед»!

И после этого я подсунул ему билет-приглашение на оперу, на котором он написал мне по английски: “В благодарность за удивительное и вдохновляющее впечатление” :

Надпись, сделанная Нильсом Бором на университетском пригласительном билете

Для этого билета мною затем из листа прозрачного одномиллиметрового плексигласа был сложен футляр, в котором автограф Бора хранится и поныне.

Еще хотелось привести пример того, как он почитал Нильса Бора. Очевидно, что великий физик прибыл в Советский Союз не только посмотреть оперу «Архимед». Был он и в ФИАНе у любимого шефа Валерия – ставшего через три года также нобелевским лауреатом Александром Михайловичем Прохоровым. Встреча проходила в кабинете Прохорова, где Бора усадили в большое деревянное кресло. Так вот, после этого Валерий с разрешения шефа перетащил кресло в свою комнату, где оно простояло многие годы и напоминало ему не только о посещении Бором института, но и «Архимеда». К сожалению, по не терпящему возражений распоряжению пожарников это старое деревянное кресло в конце концов было из комнаты изъято и утилизировано.

С. Ковалева и В.Кандидов. Спустя 40 лет (из архива А.Харламова).

С. Ковалева: в этом году исполняется 40 лет со дня 1-го Праздника «Архимеда». Такая знаменательная дата. Пожалуйста, расскажи все, что ты помнишь вот об этом. Ты был тогда секретарем комитета комсомола.

В. Кандидов.: Ну, первое, что я могу вспомнить, это была большая головная боль. Поскольку не могу точно сказать, какая инициативная группа, но довольно значительная, предложила, давайте такой праздник проведем. Но участников точно помню был Канер, Сарвазян, Миляев, Миша (?) и Кессених. И по ходу дела, началось это в феврале-марте, стала рождаться канва этого праздника.

С. Ковалева: А меня ты не помнишь? Я же в первой постановке «Архимеда» участвовала.

В. Кандидов: В постановке да. А я говорю об инициативной группе, которая возбуждала этот процесс. Вот. И, значит, что было? Значит, формировалось на ходу. Была опера, еще не поставленная. Но по ходу дела представлялось, что опера будет, вот ты там принимала участие...

С. Ковалева: Я ставила танец.

В. Кандидов: Танцы ставила, все эти танцевальные сцены это вот на твоей совести.

С. Коваалева: Валентина Руденко.

В. Кандидов: Да-да-да. Валентина Руденко. Кроме этого, ясно, что должен был праздник массовым, поэтому предполагалось, что будет большое торжество на ступеньках. В связи с этим, но уже через комсомольскую организацию, на каждый курс задание – выдать свое какое-то массовое художественное действо. Мне трудно вспомнить, какое действо было на каждом курсе, но первый курс, я помню, был в зеленых шапочках и в коротеньких шортиках. И значит, было дано задание. Курс постарше, можно сообразить, какой это год, наверно порядка четвертого курса, это курс Наташи Кабаевой, они выдали русскую тематику, они выкатили столы на колесиках, на которых были кипящие самовары, сами они были в русских народных сарафанах, Наташа Кабаева, Света Сорокина, Козловская Ирина, вот, кого я помню, ну, та же, кстати говоря, Оля Сухаревская, вот они, значит, выкатили эти столики, самовары стояли, танцевали, и все они, значит, были как русские. Это было во время действия, что я вспоминаю. Кроме этого был музей Архимеда, на втором этаже в холле напротив Центральной.аудитории.

С. Ковалева: Это было уже на первом году?

В. Кандидов: На первом году был музей Архимеда, под стеклом лежал там волос Архимеда, там лежали еще какие-то предметы.

С. Ковалева: Это очень важно, что ты говоришь.

В. Кандидов: да, лежал там, значит, волос с головы Архимеда, еще там лежали какие-то записки Архимеда, все носило, конечно, юмористический оттенок. И тогда же был объявлен конкурс на значок Архимеда. И там было несколько значков. На первом значке Архимед поднимает рычагом землю, на втором была изображена буква «Ф» с корнем из факториала.

С. Ковалева: Это Сарвазян делал.

В. Кандидов : Сарвазян, совершенно верно.

С. Ковалева: А кто с рычагом, кто автор?

В. Кандидов: Надо спросить Сарвазяна, может лучше знает.

С. Ковалева: Но он в Америке сейчас.

В. Кандидов: Ну с ним связь есть, через Руденко Олега. Ну, конкурс, я не знаю, кто был в жюри, победил Сарвазян. Все это проходило под контролем, безусловно, партийной организации. Тут уже совершенно точно.

С. Ковалева: А кто был парторг?

В. Кандидов: Секретарем парткома был Игорь Иванович Ольховский.

С. Ковалева: Ага.

С. Чекалин:

Я могу еще кое-что рассказать об опере, опираясь на свой, более, чем пятидесятилетний опыт пребывания в этом коллективе.

На первых двух курсах я посещал все спектакли, но участвовать в них самому мне не представлялось сколько-нибудь реальным. Опера, в которой пели такие люди как Ю. Рыбаков и В. Дубинчук, казалась чем-то высшим и недоступным. Но случилось так, что в 1962 году после выступления в ЦДЛ, где для оперы был устроен грандиозный банкет с участием Константина Симонова, тот коллектив распался (или был распущен – я не знаю точно). Банкет вспоминают многие, правда, несколько противоречиво, что тоже легко понять, т.к. по словам Геры Гусева после бурного старта Евтушенко в совершенно пьяном состоянии проспал все это историческое событие на диване. Все авторы мемуаров утверждают, что Константин Симонов поставил артистам ящик спиртного, но у одних это коньяк, а у других - водка (хотя я подозреваю, что было и то, и другое). Тост "Меняю двух "Аид" на одного "Архимеда" Света Ковалева приписывает Симонову, а Гера Гусев - Светлову. Так что существование более трехлетнего пробела между первой картиной (1962 г) и второй (1966 г) в очень подробных воспоминаниях Ковалевой можно понять. Хотя я и не уверен в своих подозрениях об истинных причинах такого "сбоя", но хорошо помню события, пропущенные в повествовании Светы.

В.Захаров: 13 мая 2000 г. в ДК МГУ после окончания спектакля (из архива А.Харламова).

По сложившейся традиции каждая опера физического факультета заканчивается традиционным гимном физфака «Дубинушка», все встают и поют вместе с нами.

В. Миляев (расшифровано А.Харламовым из видеозаписей):

Володь, я пару слов скажу, потом мы грянем, ладно? Спасибо за теплый прием. Как будто 40 лет не прошло, также мы со своим другом и соавтором Валерой Канером стояли здесь, были счастливы, немного он не дожил до этого дня, светлая ему память. Я хочу сказать, что опера прожила 40 лет, она не умирала, всё время она была жива. И жива, конечно, благодаря тем людям, которые ее исполняли, поддерживали на руках и несли вот эти мысли, эти чувства и пронесли их 40 лет. Я хочу, прежде всего, выразить благодарность первому режиссеру этой оперы Степану Солуяну и хочу сказать, что, конечно, мы с Валерой стояли, когда писали, на плечах таких гигантов оперного искусства, как Саша Кессених и режиссер первых опер Степан Солуян. И потом, в течение 40 лет непрерывно работал и держал весь этот коллектив Юра Гапонов, непрерывный режиссер.

Л. Богданова: Просим их подняться на сцену.

В. Миляев: Юра, можешь?.. Юра, покажись.

Л. Богданова: А где Степа Солуян? Пожалуйста.

В. Миляев:

Степан, Степан, выйди, пожалуйста, Саша Кессених. Спасибо. Я хочу попросить выйти в первый ряд сюда исполнителей, которые 40 лет назад вот здесь в первое представление работали, в том числе, двух наших девушек, которые сидят в первом ряду и сегодня не работают – Света Щеголькова и Алла Пучкова, тоже поднимитесь. И все те, кто 40 лет работает в этой опере. Пожалуйста.

Кто-то со сцены:

Дима Гальцов, ты тоже можешь подняться сюда.

В. Миляев:

И особая благодарность, вот Саша, поднимайся, это аккомпаниатор Саша Замятнин. Спасибо, я стою рядом со Светой Ковалевой, которая взяла на себя героический труд, вот сейчас к 40-летию всё восстановить и поставить. Это женщина-герой. Я хочу на этом закончить и сказать спасибо и пожелать и участникам и всем нам в полном порядке вот в таком же здравии явиться на 50-летие оперы.

А. Харламов: на 50-летие оперы 15 мая 2010 года 1-ое действие «Архимеда» было показано на физфаке в ЦФА. Среди зрителей можно усмотреть Кандидова.

В. Кандидов: К сожалению В. Письменный, с большим интересом посмотревший традиционное представление на ступеньках факультета, не смог пойти на оперу.

На 50-летию оперы 15 мая 2010 года на физфаке в ЦФА

Последнее выступление, на котором присутствовал Валера, состоялось 20 мая 2011 года в институте полиграфии. Запомнилась Валерина фраза: «Сколько раз я ни смотрю эту оперу, но каждый раз, когда Архимеда убивают, я очень переживаю».

Архимед Заключительная сцена.

В институте полиграфии , 20 мая 2011 года.

На фотографии Валеры нет, у нас потом был банкет. Наверное, он уехал раньше.

С.Щеголькова:

Нет, он там был. У меня есть фотография.

Леня Новак (друг Кандидова), Слава Письменный, Валера Кандидов, у памятника Ломоносову. 15 мая 2010 года.

В. Кандидов:

Прошли годы, сам праздник «День рождения Архимеда» переименовался в «День физика», который по сложившейся за многолетнюю историю традиции проходит в мае-месяце. В отличие от первых праздников он приобрел официальный статус. О его проведении издается приказ по Университету. Заблаговременно оцепляется территория около факультета, чтобы не было автомобилей. На ступеньках гордится громадная сцена с мощными акустическими системами. Перед собравшимися выступает с приветствием декан факультета, награждаются лучшие преподаватели и студенты, потом небольшой концерт самодеятельности. Перед памятником Ломоносову обязательное шествие, порой с конкурсом на мисс-физфака. В сквере устанавливаются аттракционы для взрослых и детей. В аудиториях факультета комнаты смеха, загадок и шарад. А вечером на площади перед факультетом громадная дискотека, на которой выступают приглашенные группы и артисты. Вся площадь оцеплена и проход на дискотеку только через металлоискатели под пристальным оком полиции, наряд которой специально отправлен на «День физика». Замечательно, что в «День физика» вход на физфак свободный, и можно видеть мамашек-выпускниц с колясками в коридорах факультета, старичков и преклонного возраста женщин с восторженными глазами. А вечером на лужайках сквера у памятника Ломоносову выпускники разных лет поднимают тосты за встречу. Сейчас «День физика», родившийся в далекие годы стал днем встречи выпускников многих лет и разных поколений, а опера «Архимед» продолжала жить своей жизнью. В 70-годы она была

изгнана за «аполитичность и аморальность» из стен МГУ и перебазировалась в ДК Курчатовского института, руководство которого оказалось более лояльным.

С. Ковалева: (из архива А. Харламова)

И вот, наконец, в 2010 году опера «Архимед» вновь прозвучала в ДК МГУ. Представление было приурочено к Учредительной конференции Союза выпускников физического факультета. Физики МГУ решили вновь продемонстрировать прежний энтузиазм, силу духа и единство своих рядов. С таким же энтузиазмом была воспринята и опера, восстановленная силами выпускников и студентов физфака, Среди исполнителей были и те, кто участвовал в первой постановке оперы - 7 мая 1960 г.

После окончания спектакля публика без конца вызывала исполнителей. По традиции, весь зал встал и исполнил гимн физфака «Дубинушка», написанный Борисом Болотовским: «Тот, кто физиком стал, тот грустить перестал...» И в эти минуты, как и в далекие времена, все - и зрители, и артисты - стали одной огромной душой. Правда восторжествовала!

Г. Иванов : *Воспоминания Ведущего Праздников «Архимеда» 1963-1964 гг. «Всеобщая история Архимеда», том 3, Москва, 1976.*

К весне 1963 года я сильно поднаторел в разного рода выступлениях перед публикой самых разных вкусов, рангов и сословий. Особенно после поездки в Ленинград, где в апреле 1963 г. мы силами агитбригады поставили «Архимеда», правда, без партии Аполлона, т.к. её пришлось сложным образом выкидывать из оперы, поскольку не нашлось человека, которому жестокая по тем временам Оля Зубкова решилась бы доверить такую вещь.

Тогда в этой поездке я потерял всякий стыд и волнение перед публикой. Я понял, что публика всегда будет слушать тебя, если ты не будешь говорить длинные предложения, не будешь её бояться, а будешь даже слегка презирать её за эту аморфность. Ну, конечно, нужно иметь достаточно воображения, чтобы знать, что ты не задумаешься во время выступления на полчаса, чтобы как следует обмозговать что-нибудь смешное, т.е. пошутить надо и не просто над чем-то, но главным образом над нею же самой публикой, ну и над собой посмеяться тоже никогда не помешает. Когда выполнишь все эти условия, можешь быть уверен, что все поймут тебя правильно и проводят с трибуны как брата.

Здесь интересно будет всё-таки вспомнить тот ленинградский День Физики, кстати, первый в Питере. Мне поручили на его открытии сказать приветственную речь от

москвичей, а речи никакой не было, даже намёка, кроме разве заключительной фразы, которую придумал Армен Сарвазян: «Физик, физик, бхай, бхай!». Конечно, эта фраза была хороша, особенно в то время, когда Хрущёв только что вернулся из Индии. Ещё она была хороша своей гвоздеватостью, которая так необходима и в начале и в конце любого торжественного выступления. А открытие праздника уже произошло. В актовом зале на сцене сидел президиум из сплошных академиков, которые выходили к доске и по очереди трепались о своих достижениях и успехах своих учеников. Помню, что Фок даже минут 40 писал на доске формулы и в паузах между ними говорил о том, как глубоко заблуждался Эйнштейн, был, мол, у него такой период, когда он с ним переписывался и пытался поставить на путь истинный (Фок – Эйнштейна!). Люди, мухи и цветы, украшавшие зал, потихоньку помиралы от скуки, а у меня лично в душе закипало.

И вдруг: «Слово имеет представитель Москвы!» И меня выпихивают на сцену. Я одновременно и в ужасе и в гневе.

Я не был в переписке с Эйнштейном, я ещё и физфак-то не окончил. Но я уже знал, что говорить. Вот тогда я и потерял всякий стыд перед публикой. Мне кажется, что я тогда неплохо начал и кончил:

Уважаемые коллеги! (это академикам-то!)

Дорогие друзья!

Братья и сёстры!

Мы, московские потомки великого гения из Сиракуз Архимеда, неслыханно рады приветствовать всех вас в этот необыкновенно приятный день – День Физики.

К нашему сокрушительному сожалению мы совершенно не знали ничего о том высоком научном уровне, на котором будет происходить открытие вашего праздника, иначе бы мы непременно прихватили бы из Москвы парочку широкоизвестных академиков, которые поведали бы вам об успехах московских физиков. Впрочем, всё равно их широкая известность не позволила бы им уместиться в том тесном автобусе, на котором мы к вам приехали. Друзья! Нам пока неизвестно, когда физика родилась на Земле и стала наукой, но нам досконально известны выдающиеся результаты её развития от древнейших времён до наших дней:

Закон Архимеда, Законы Ньютона, теория относительности, атомная бомба, запуск первого человека в космос, а так же всё то, о чём только что говорили ваши глубокоуважаемые учёные.

И, как сейчас не вспомнить замечательные слова праотца нашего Архимеда: «Men sana in corpore sano», что в переводе на хинди означает: «Физик, физик – бхай, бхай!»

Нам кажется теперь, что начиная с открытого три года назад в Москве Дня Рождения Архимеда, праздник Физики становится Всеобщим Человеческим Праздником. И как это хорошо!

А теперь позвольте мне перейти к заключительной части моего краткого выступления, т.е. к лозунгам:

Да здравствует эта великая традиция, укрепляющая наш разум, наши нервы и наше тело своим неиссякаемым задором!

И здесь я снова не удержусь и повторю всё те же великие слова Архимеда: «Men sana in corpore sano». «В здоровом Физике здоровый дух!», что в переводе на греко-латинский означает: «А фиглишь?»

Случился, правда, небольшой курьёз. Оказывается, что один московский академик всё-таки присутствовал на этом собрании. Это был Прохоров, но не Анатолий, а просто Александр Михайлович, кстати, родившимся с Анатолием в один месяц, в июле, впрочем, так же, как и другие не менее великие Харламов, Иванов, Хохлов Р.В. Он ещё не был Лауреатом Нобелевской Премии, но был уже тогда такой же долговязый, как и теперь, будучи Лауреатом. И слово ему предоставили сразу после меня. Теперь меня просто дрожь охватывает. Выступал я после Фока, а после меня – Прохоров!

А он вышел и сказал очень просто, я не ручаюсь за дословность, но в этом роде: «По-моему, предыдущий оратор был прав. Поэтому позвольте мне не выступать серьёзно, и, если вы не возражаете, я буду травить анекдоты». И долго рассказывал, а зал катался со смеху. Мне особенно запомнился один. Когда Прохоров подрабатывал в журнале «Техника – молодёжи», редакция получала множество писем, на которые отвечали её сотрудники и консультанты.

А однажды получила такое ехидное письмо: «Правда ли, что электроны голубые, а протоны красные, как их рисуют в вашем уважаемом журнале?»

Позднее выяснилось, как попал Прохоров на этот праздник. Ведь его биографии ещё не были опубликованы! Он был приглашён персонально как выпускник Ленинградского Университета. После торжественной части, которая сразу кончилась после выступления Прохорова, мы собрались идти пить пиво в пивбар № 53, что на углу Невского и Маяковской и пригласили Анатолия Михайловича. Он с большим удовольствием отказался, объяснив, что он просто сейчас же улетает в Москву, может быть даже уже за Нобелевской Премией или за чем-нибудь другим не менее интересным. Так и пришлось нам надираться пивом без Прохорова А.М., а Анатолия Валентиновича Прохорова тогда и в помине не было, мы даже и не подозревали о его существовании, что,

в прочем, не имело большого значения, т.к. Толя ни тогда, ни сейчас пиво и водку не употребляет, а жаль.

Так вот с этого самого дня я перестал бояться публики, в том числе и академической. По-видимому, это и сыграло решающую роль при выборе Ведущего уже в Москве на физфаке в мае 1963 года на один из самых грандиозных праздников Архимеда за всю историю их проведения. Конечно, на этом празднике не было Нильса Бора, который умер в 1962 году, не было и Ландау, попавшего в автомобильную катастрофу, но зато были все остальные киты, а оформление факультета было столь внушительным, что посмотреть, что будет происходить, народ прибежал со всей округи. Тысячи, больше десятка тысяч толпились перед факультетом в ожидании начала. Какой-то парень, репетировавший роль Ведущего, неожиданно осип, а т.к. я оказался поблизости и выдал как-то сразу начало: «Дорогие друзья и химики!», то меня, испытав лишь на крепкость глотки, заставили переодеться в костюм римского легионера и идти на помост вслед за традиционными фанфаристами.

Дело в том, что действие происходило на обратной стороне Луны, где в связи с нехваткой места на физфаке для лабораторий открывался филиал физического факультета. Фасад факультета стараниями Равиля Гайнулина был украшен огромной ракетой от первого этажа до крыши. Но ракета появлялась потом, а вначале она была закрыта огромным занавесом фантастической красоты, небесного цвета с блёстками. Этот занавес падал вниз по команде Равиля, который, как генерал на поле битвы, следил за всем происходящим. По натянутой струне с крыши физфака к памятнику Ломоносова слетала здоровая ракета с взрывами и пламенем – это был нежный выпад в сторону любимых химиков, с которыми мы тогда воевали во всех аспектах студенческой жизни.

На этот праздник был приглашён очень популярный тогда космонавт №2 Герман Титов. Но к открытию праздника он не приехал, и вообще не было известно, приедет он или нет. Приветствие ему на всякий случай было заготовлено, его должен был читать Архимед – Саша Логгинов, читать по бумажке, а чтобы эту бумажку не было видно публике и Титову, её положили хитро в большую телефонную книгу. Праздник шёл своим чередом, весело рапортовали курсы, приветствовали Архимеда иностранные и наши гости, как вдруг ко мне подбежала одна из первых жён Валеры Канера и сообщила мне по секрету, что Титов приехал и ждёт, а чего ждёт – непонятно. Обстановка была накалённая, я уже устал, взял да сдуру объявил: «Товарищи, к нам на праздник приехал Герман Титов!» Что тут началось! Все, как безумные, начали вопить: «Титова в ракету!» Дружинников смяли, провода порвали, радио не работало, получилась пауза минут на 10. Титова не рискнули выпускать просто к публике, а только на балкончик ракеты, выход на

который был со второго этажа. Я еле вырвался из толпы, размахивая мечом, который прилагался к моему костюму римского воина, удалось соединить провода и включить микрофоны.

Выведенный на балкон Титов сказал очень тёплую речь о том, что он рад побывать на обратной стороне Луны, что это его давнишняя мечта, и как космонавт, он надеется, что побывает там и по-настоящему, что здоровье его пошло круто на поправку (он долго болел, т.к. его запустили в радиационный пояс, который открыли немного позже, теперь космонавты так высоко не летают). Он, оказывается, приехал уже давно, немного только запоздал, стоял в толпе и с удовольствием смотрел интермедию, его никто не узнавал, а когда кричали «Титова в ракету», он толкнул одного парня в бок и говорит, а ты сам попробуй в настоящую, тот от него только отмахнулся, т.к. не узнал его в лицо, он сильно изменился после болезни.

Народу захотелось пообниматься с Титовым, и его публика стала просить спуститься вместе с Архимедом вниз. Я долго уговаривал Титова не делать этого, приводя всякие аргументы, в том числе и то, что лестница очень крутая и спуститься по ней можно только почти ползком, т.е. повернуться задом к публике, а это неудобно. Это окончательно убедило его в обратном. Глаза у него загорелись. Я не смог удержать его даже за пиджак, а он бодренько так, не касаясь руками лестницы, просто сбежал по её вертикали, а за ним кряхтя спустился Саша и чуть бодрее я. Опять смяли дружинников и микрофоны. Титов уехал без одного ботинка и пуговиц пиджака. На следующий праздник они были выставлены в музее Архимеда, но проведённая экспертиза доказала, что эти экспонаты, как и все остальные, были фальшивые, что, впрочем, ничуть не убавляло их ценность.

А потом был карнавал. Оля Зубкова, последняя и настоящая жена Канера, нарядила наш курс (300 человек!!) в костюмы, которые изображали Сиракузский Университет. А потом был спортивный праздник и опера в ДК, и концерт гостей в Актовом Зале, где мне запомнилось выступление физтеховцев с молоденьким Саней Филиппенко. У них была замечательная сценка – семинар по английскому языку, где преподавательница спрашивает: «Как перевести такую фразу: "гау гау ду ю ду э биг бэнк инершейшнл"»? Один отвечает, что на дороге в большой грязной луже лежала большая жирная свинья, другой, что посади свинью за стол – она и ноги на стол. Всё это было неправильно, а правильный перевод гласил: «Увеличим в следующей пятилетке производство свинины на душу населения на 20%!» И ещё они прекрасно пародировали оперу «Архимед». А Филиппенко стал большим человеком, на ролях вторых любовников в театре имени Вахтангова.

А праздник 1964 года попал в кино. Ниточкин снимал фильм «Гвоздики нужны влюблённым», там есть большая часть о студенческих традициях в мире. Показаны похороны конспектов в Венском университете, в Париже студенты Сорбонны жгут карету с разным хламом во дворе университета, а в СССР он выбрал наш Архимед. Праздник этого года прошёл как обычно хорошо, но самое интересное было после, т.к. решили поехать к Ландау домой и поздравить с днём физики. Поехали прямо в костюмах: с интермедии – в машину. Открыла нам жена, она слегка опешила, но ничего не сказала и повела в комнаты. Л.Д. встретил очень радушно, он даже был какой-то гордый, что его удостоили таким карнавальным шествием, чувствовал он только себя неважно, говорил про ужасную боль в ноге, и что скоро последует за Нильсом Бором, и было такое ощущение, что это его утешало. Мы пробыли совсем недолго, но забыть это невозможно. Как галантно он подал мне мой цилиндр с белыми перчатками и кивком поблагодарил Ломоносова за визит через века. Какие это всё-таки были времена! Как жаль, что умерла традиция праздников на физфаке! Смерть её по-моему равносильна смерти и Бора в физике, разумеется только для физфака, а не в мировом масштабе. Мне кажется, что я достаточно повспоминал и, чтобы не злоупотреблять Вашим вниманием, я удаляюсь.

С. Чекалин:

Осенью 1963 года, после поездки на летние работы в Пушкино, по инициативе Валеры Рагульского возник новый коллектив, состоявший в основном из моих однокурсников, в который затащили и меня. Сначала собирались в гостиной зоны «Б» и разучивали хоры из оперы «Архимед». Дирижировал нами Витечка Логинов, у которого был приятный и довольно звучный тенор. Акомпанемента практически не было, пели «всухую». Именно этот период обозначен в приложении, представленном в книге Светы Ковалевой, как "Создание Ю.Гапоновым физической оперной студии "Архимед", хотя Юра Гапонов в этих действиях не участвовал (да его и мало кто знал), и никто еще нами не руководил. Указанное событие произошло, по крайней мере, на год позже. Тогдашний физфаковский партком отнесся к нашему начинанию весьма благосклонно, так что через несколько месяцев мы уже дали спектакль на сцене ДК МГУ. Перед спектаклем на этой сцене была проведена всего одна – генеральная репетиция, но этого оказалось достаточно для успеха первой и последующих постановок. Репетиция длилась довольно долго (примерно полдня), но за это время были решены все ключевые вопросы. А их было немало. Во-первых, появился аккомпаниатор - Дима Гальцов, имевший уже опыт сопровождения «Архимеда» в предыдущих постановках. Во-вторых, пришли солисты из

прежнего состава (Витя Дубинчук, Лида Левыкина, Виталий Коляда, Слава Сизов). Не помню точно, кто пел Архимеда – наверное, Коляда, а на роль Бахуса пришлось даже устроить конкурс между Димой Афоным и Сашей Глущенко. В-третьих (правда, несколько позже, но я считаю это важнейшим моментом всей постановки), вновь собрался кордебалет, сопровождавший Дубинчука в роли Аполлона (Света Ковалева, Алла Пучкова и еще пара молодых, стройных и симпатичных девушек). Откуда-то появились декорации и костюмы, и всего часа на полтора возник режиссер - легендарный Степан Солуян. Он с потрясающей быстротой и легкостью расставил все и всех по своим местам и задал темп, жесты и направление перемещений всей нашей бессмысленной толпе. Главным наставлением маэстро, многократно повторенным всем солистам, было: «Нам не надо вокала!». Меня он отметил, повысив в «звании», и назначил на роль главного сачка.

В необыкновенно четкой организации мероприятия несомненно сказалась руководящая роль парткома, с которым был тесно связан наш однокурсник Слава Шерстюк (лет через 40, в бытность Б.Н. президентом Слава получил от него личную благодарность 23 февраля по телевидению). Спектакль тогда прошел не без накладок, но вполне благополучно. В мае 1964 года (опять же при активном содействии парткома) «Архимед» отправился на гастроли в Ленинград в ЛЭТИ. Ехали туда в казенном автобусе 14 часов. Это был небольшой ПАЗик, в котором не хватало сидячих мест для всех. Сидели друг у друга на коленях, меняясь время от времени, и всю дорогу пели под гитару Сережи Никитина.

Вторым этапом в жизни этого коллектива – чрезвычайно важным - было появление постоянного режиссера - Юры Гапонова, одного из соавторов оперы «Серый камень». Тогда же в оперу пришел и Володя Захаров – наш лучший и почти бессменный аккомпаниатор, и еще много народу с его курса. У Гапонова было очень много друзей и знакомых в различных научных центрах Советского Союза. Он активно использовал эти знакомства для пропаганды «физического искусства», и нас довольно часто приглашали выступить с оперой. С «Архимедом» и «Дубинушкой» мы в феврале 1967 года выезжали в Новосибирск на гастроли – единственные за всю историю опер физфака.

Бахус - Сергей Чекалин, Архимед - Геннадий Иванов. ДК ИАЭ 13.05. 1972 г

Это был период расцвета оперной студии. В гостиной «Б8» с хором занимались уже профессионалы: Ольга Христинич и Ольга Лебедихина. Состав солистов был очень представительный: Витя Дубинчук, Юра Рыбаков, Виталий Коляда, Люба Богданова (впоследствии была солисткой ГАБТ). За более, чем полувека, прошедших с тех пор, из четырех физфаковских опер, во всех из которых я участвовал, выжила только одна – «Архимед». А я в ней уже больше сорока лет, правда, с отдельными перерывами, исполняю роль отставного бога Бахуса.

За время существования этого коллектива было несколько сотен выступлений в разных научных и ненаучных центрах перед самой разнообразной аудиторией. Гапонову удалось даже организовать выезд оперы за границу – в Польшу. Где бы мы ни выступали, опера всегда проходила с неизменным успехом. После окончания спектакля все участники выстраивались на сцене и, попросив присутствующих в зале встать, исполняли гимн физфака «Дубину».

Показ оперы «Архимед» в День строителя на Сахалине на стадионе в Тымовске был одним из самых замечательных событий, наверное, во всей истории «Архимеда». Поэтому не могу не пересказать о нем еще раз, хотя уже написал об этом выступлении в книге "Звали меня Генка Иванов". Организовывал выступление Юра Гапонов, приехавший на Сахалин по приглашению Славы Письменного. Он побывал тогда во всех физфаковских отрядах и собрал архимедовцев на выступление. При этом, в отличие от предыдущего и следующего года, когда отдельный отряд ставил в ДК на месте своего пребывания какое-либо одно действие «Архимеда» (обычно второе), Юра решил

поставить всю оперу целиком. Репетировать возможности не было, поэтому вся сборная команда «артистов» встретила только перед выступлением уже на месте.

Из солистов на Сахалине оказались только Ира Сокольская и мы с Геней Ивановым (он работал в Победино, а я – в Ясном). Архимеда пел Гена, роль Бахуса исполнял Юра, а мне доверили исполнять Марса. Никаких иллюзий насчет наличия рояля на стадионе, где мы выступали, не было даже у Гапонова. Поэтому все сопровождение было поручено работавшему в нашем отряде Лене Эрдману, который помимо мехмата учился еще и в консерватории и владел многими музыкальными инструментами. За три дня пребывания в нашем отряде в Ясном Юра с нашей помощью вкратце ознакомил Леню с «партитурой». Эрдман прихватил в Тымовск гитару и блестяще справился со своей задачей.

Самым замечательным в этом спектакле было то, что он проходил на сцене (точнее на помосте в углу стадиона), не только не имевшей занавеса, но и открытой со всех четырех сторон. На один из углов помоста прибили высокий кол и на него повесили большую тряпку, за которой во время действия тщетно пытались укрыться незадействованные на данный момент солисты и хор. Леня Эрдман за тряпкой не прятался, а невозмутимо сидел на краю «сцены» и время от времени врубал нужные аккорды. Когда наступил мой черед убить Архимеда антимагнитным мечом, то вдруг выяснилось, что меча нет (да его и вообще не было!). Кто-то сунул мне в руки неизвестно откуда взявшийся стартовый пистолет, который, к счастью, оказался заряженным, поэтому мне не пришлось еще изображать звук выстрела. Гена, как истинный артист, воспринял такой способ убийства без всякого удивления и с блеском допел свою последнюю арию.

Впечатлений на сцене было так много, что я не помню даже, как реагировала на спектакль публика. По воспоминаниям Иры Сокольской, исполнившей роль Венеры, прием был, как всегда, восторженным. Хотя я в этом не уверен. Но вот банкета на этот раз точно не было (сухой закон!). Это, конечно, нас с Геней огорчило, т.к. все спектакли без банкета (а таких практически не было в истории «Архимеда») Иванов считал неудавшимися.

Коль опера банкетом не согрета,
Она рискует превратиться в оперетту.

В 1970 году по инициативе Юры Гапонова было решено послать на Сахалин отряд на основе оперы «Архимед». Командиром назначили Шурика Холодных.

Однако в том же году в результате партийных репрессий оперная студия была изгнана из университета «за аполитичность». Но Юра Гапонов сумел сохранить ее и после того, как по решению очередного состава физфаковского парткома опера была «выперта» из МГУ, и репетиции в общежитии стали невозможны. Юра сумел приютить студию у

себя в ДК ИАЭ, где мы еще долго регулярно собирались и выступали, как в самом ДК, так и на выездах под вывеской коллектива ДК ИАЭ. В «курчатнике» Гапонова хорошо знали и любили. Поэтому наш коллектив, еще в бытность его в МГУ, часто приглашался в ИАЭ на различные культурные мероприятия. Юра привлек многих архимедовцев к участию в капустнике, посвященном 25-летию «курчатника», в подготовке которого он активно участвовал, и мы выступали на сцене вместе с известными академиками А.П. Александровым, И.К. Кикоиным, А.Б. Мигдалом, Е.П. Велиховым.

*Светлана Ковалева и
Анатолий Прохоров.
Танец между действиями.
ДК ИАЭ 13.05. 1972 г.*

Но львиная доля всех выступлений выпала на «Архимед». Поэтому коллектив стал называться студией «Архимед». В опере «Архимед» были убраны несколько сцен («Станем рядом у бревна», одна из двух сцен ковки антимагнитного меча) и возобновлена ария «Прочла приказ последний деканата...» (не исполнявшаяся в предыдущих постановках), сопровождающаяся добавленным действием, всегда вызывающим бурную реакцию публики. В последнее действие был добавлен танец «Малайка», поставленный С.Ковалевой. Опера шла без досадных пауз между действиями, которые теперь с блеском заполняли различные экзотические танцы Толи Прохорова и Светы Ковалевой в их собственной постановке, Это была пора наивысшего расцвета «физического искусства».

Получивший известность коллектив пробовали приглашать и в ДК МГУ. Первый раз – уже в 1973 году, но эта попытка оказалась неудачной, т.к. партийное руководство в последний момент дало отмашку «не пускать». Спектакль на этой сцене, такой родной для «Архимеда», состоялся только в 1987 году.

После 1990 года в работе оперы наметился спад, связанный с отходом Гапонова от активной театральной деятельности в пользу чисто научной. Спектаклей практически не

было, несколько раз показывалось лишь первое действие «Архимеда» (МГУ 1992, ИАЭ 1993). Отмечу, что за все описанное время ни один из авторов «Архимеда» не появлялся на спектаклях, не говоря уже о сцене, демонстрируя стойкое равнодушие к своему творению. Правда, в воспоминаниях о более ранних временах говорилось, что они присутствовали на репетициях премьеры.

Увидеть авторов "Архимеда", что называется, "живьем" я смог только на университетских конкурсах художественной самодеятельности, где обычно выступало довольно много поэтов. Я не специалист по процессам стихосложения, но среди физфаковских поэтов выделил бы трех, наиболее значимых: Валеру Канера, Гену Иванова и Валеру Миляева (впрочем, это не только мое мнение), которые были друзьями, но кардинально различались по своим характерам и манере писать стихи.

Канер обладал огромной производительностью, что, с учетом его фантастической работоспособности, выливалось в массу разнообразных стихов (Миляев определил его как "многогранник"). Иванов сочинял только на подъеме настроения, всегда ярко и вдохновенно, у него много белых стихов, написанных с оттенком тихой грусти и в неярких пастельных тонах ("лирический философ" по Миляеву). У меня его стихи оставляют впечатление набора акварелей, зачастую написанных с совершенно детской непосредственностью. Надо сказать, что я могу все-таки понять, как были написаны стихи Канера и Иванова, тем более, что достаточно тесно общался с ними и иногда присутствовал при этом процессе. Стихи Миляева создавались каким-то совершенно непостижимым для меня образом. Вот, например, его строки из «Когда я буду снова молодым»:

Мы приняли, и сразу отпустило,
Как будто бы оттаяло внутри.

Когда я буду снова молодым,
Я разыщу тебя на той планете,
Где буду жить по следующему кругу,
Найду тебя и крикну: "Ты - моя!"

Все было как-то неинтеллигентно,
Мы поделили плавленый сырок...

А если в той большой неразберихе
Я не найду тебя за миллиарды лет,
Отпущенных на все дела людские, -
Вселенная сожмется в точку вновь

И атомы безумства моего
С твоим благоразумием сойдутся,
Сольются, чтобы вновь взорваться

И новую вселенную создать.

Ворона села в мусорный контейнер,
Бумаги стала клювом ворошить.
Седой сказал: "Пойду-ка сдам посуду".
Какой практичный умный человек.

Читаешь и балдеешь, перечитываешь еще и еще, тщетно пытаешься постичь тайны создания миляевских шедевров, как стихов, так и прозы. По моему, это признак гениальности автора и несомненное свидетельство его главной роли в этой троице, хотя по количеству написанного он отстает от Гены, не говоря уже о Канере. Александр Кессених, автор первых двух физфаковских опер, тоже друг Валеры Милыева, названный им "классиком", так характеризует положение Милыева в "своеобразной поэтической артели физического факультета МГУ": "Лидером группы по старшинству был я, по популярности в массах - Валерий Канер, а по качеству и таланту (что сказано не по случаю, а по убеждению) - Валерий Милыев." И еще: "он безусловно ближе всех из нас к настоящему профессионализму"... "лучший, талантливейший поэт физфака 60-х гг. Лучший он по самобытности.". Творчество Милыева оставалось загадкой не только для меня, но и для таких продвинутых поэтов, как Гена Иванов:

"В Москве живет один поэт - Милыев
Его талант мешает мне писать..."

«И ещё бог знает, за что мы любим Милыева Валеру уже на протяжении стольких лет. Он любит шутку, но с ним шутить опасно. Его легко любить, понимать и не понимать, потому что он ничего этого не требует. Для меня он больше всего похож на хороший стих, настоящий, в котором всегда есть тайна, как и в Поэзии и в Музыке... Я хотел написать всем троим пародии. Но не могу этого сделать по отношению к Милыеву. Потому что это будет пошло. Да не обидятся на меня Канер и Кессених, но я не буду писать пародию на Милыева, т.к. я не знаю как это делается.»

На вечере памяти Гены Иванова 16 октября 2011 года Милыев сказал: «Гену я очень любил. Чего вообще в нем не было - в нем не было пафоса. Никогда он не выпендривался, он был нормальным - это признак человека с высоким строением души». И эти слова в полной мере относятся и к самому Валере.

*Г. Иванов, О. Зубкова,
В. Миляев ЦДРИ
30.05.1987 г.
Миляеву – 50!*

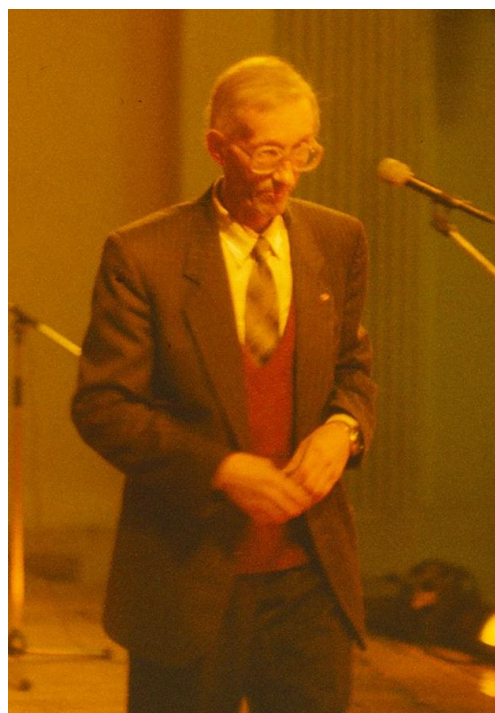
В 1996 году, в период спада, когда Юра Гапонов уже, а Света Ковалева еще не руководила оперой, вернуться к постановке «Архимеда» вдруг решил Валера Канер. Главной причиной был 70-летний юбилей Рэма Хохлова, бывшего ректора МГУ и любимого научного руководителя Валеры, при жизни активно посещавшего спектакли. Канер тогда позвонил мне с просьбой поучаствовать и пригласить кое-кого из старого состава. Но не пригласил ни Иванова, ни Ковалеву. Эта авторская постановка в ДК МГУ была совершенно уникальной по обилию реквизита и разнообразных вставных номеров.

Трудозатраты Канера примерно на три порядка превысили те, которыми обычно обходились при предыдущих постановках. Кроме того, в спектакле было по несколько Венер, Аполлонов, Марсов и Бахусов (я был записан третьим Бахусом, но в этой роли на сцену не выходил). Совершенно понятно, что Канер просто не мог повторить режиссуру премьеры – он всю жизнь был новатором. Поэтому компактный спектакль, который на протяжении многих лет ставили в самых разнообразных условиях, вплоть до шабашек и оходов, приобрел совершенно нетранспортабельную громоздкость.

Канер набрал солистов и часть хора из «Дуэта», которые обладали почти профессиональными вокальными данными, но с «Архимедом» встретились впервые и не знали не только слов и движений, но зачастую и мелодий. По этим причинам, несмотря на очевидный успех и очередное подтверждение основной аксиомы Генки Иванова, что «Архимед» невозможно испортить никаким исполнением, постановка очень не понравилась Генке. После спектакля он даже сказал: «Это смерть оперы!». Всю свою бурную деятельность по подготовке и проведению этого спектакля Канер очень подробно

описал в своих «Заметках режиссера». Спектакль начинался с довольно обширного вступления, в котором поочередно говорили оба автора.

Миляев, который не имел привычки носить яркую одежду и почти всегда пребывал в своем любимом сером костюме, был по воле Канера запихнут в черный фрак с красной бабочкой. По замыслу ему еще полагался и парик, который он одевать не стал, а просто держал в руке, боязливо косясь на Канера, стоявшего на другом конце сцены. В спиче Миляева о родственных связях исполнителей была упомянута и моя история: "Четвертый по счету Бахус, доктор физ.-мат. наук, поступивший на физфак МГУ лишь только потому, что посмотрел оперу "Архимед", и его жена, тоже доктор физ.- мат. наук..."

В.А. Миляев, В.В. Канер на сцене ДК МГУ 19.10.1996 г.

Это было на моей памяти первое выступление Миляева с оперой. Второй раз он выходил на сцену через 4 года, когда к сорокалетию премьеры уже стараниями Светы Ковалевой в нашей «alma mater» - ДК МГУ снова шла опера. Света смогла собрать коллектив, уже начинавший чахнуть, и возродить постановку «Архимеда». В заключение выступил Миляев, назвал Свету «героической женщиной», поблагодарил всех за поддержку уже ставшей легендарной оперы и вспомнил 40 - летней давности постановку «Архимеда» на этой же сцене Канером в далеком 1960 году.

Е. Трунковский :

Считаю себя счастливым человеком - я был хорошо знаком с Валерием Миляевым. Несмотря на то, что я начал участвовать в исполнении знаменитой физфаковской оперы «Архимед» еще весной 1972 года, когда я был всего лишь второкурсником физфака МГУ (это произошло в ДК ИАЭ им.И.В.Курчатова благодаря замечательному человеку и прекрасному физику Ю.В.Гапонову, который в течение многих лет был главным режиссером «Архимеда»), мне довелось лично познакомиться с одним из двух гениальных авторов оперы «Архимед» Валерием Александровичем Миляевым только в первых числах июня 2006 года, когда «Архимед» был приглашен выступить на международном фестивале-конкурсе древнегреческого искусства «Боспорские Агоны», который ежегодно проводился в Крыму в замечательном городе Керчь благодаря совместным усилиям организаций, руководивших культурной деятельностью в России, на Украине и в ряде других европейских стран. При этом подчеркну, что, насколько я помню, после многочисленных супер-успешных выступлений «Архимеда» в разных «городах и весях» не только России, но и некоторых других стран, нам впервые предстояло участвовать в реальном конкурсе и всерьез конкурировать с сильными профессиональными или полупрофессиональными театральными коллективами из ряда участвовавших стран.

Мое знакомство с Валерием Миляевым произошло в автобусе, который доставлял наш коллектив из Феодосии в Керчь, - а более конкретно, в прекрасный пансионат на берегу Черного моря в окрестностях города, где нас радушно поселили организаторы фестиваля-конкурса.

Мы с Валерой оказались соседями в этом автобусе, и почти сразу между нами возникло совершенно непринужденное общение. Валерий Александрович был великолепным собеседником, с которым было невероятно интересно и приятно общаться. Удовольствие от общения с ним было связано с такими его ценными качествами, как глубокое понимание самых сложных проблем науки и жизни, блестящая интуиция и подкупающее замечательное чувство юмора. При этом он был прекрасным слушателем, с искренним интересом внимавшим высказываниям или рассказам собеседника; в наше суетное время это стало весьма редким качеством, - ведь недаром еще в брежневскую эпоху появился абсолютно актуальный сейчас гениальный анекдот о чукче, который заявляет: «чукча не читатель, чукча – писатель!» Увы, мало кто сейчас готов внимательно слушать или внимательно читать чужие воспоминания, соображения или рассказы, - а вот Валера этими свойствами обладал в полной мере.

На нижеследующем фото изображена группа участников нашего коллектива, включающая В.Миляева, у автобуса вскоре после нашего приезда в упомянутый пансионат.

В течение недели нашего пребывания в Керчи Валерий держался совершенно на равных со всеми участниками нашего коллектива и никак «не выпячивал» свою персону как гениального автора «Архимеда». В тот период тяжелую ношу главного режиссера оперы взяла на себя энергичная и талантливая Светлана Ковалева. И за всю эту неделю Валера ни разу, в отличие от некоторых других участников, публично не вмешался в «творческий процесс» репетиций исполнения оперы (эти репетиции проходили тут же, в пансионате, где мы жили, в помещении, находившимся рядом с нашим пляжем), не попытался что-то диктовать или указывать главному режиссеру.

Конечно, свободное время мы прекрасно проводили в городе Керчи и на нашем пляже, получая большую пользу не только для здоровья, но и для своего «культурного обогащения». Вот несколько фотографий, иллюстрирующих этот факт.

Наши довольно утомительные (если учесть, что к их значительной продолжительности добавлялась еще и весьма сильная жара в Керчи в первых числах июля) и напряженные репетиции оперы в конечном счете, как и следовало ожидать, дали хороший результат: мы очень здорово, по нашим собственным ощущениям, исполнили оперу «Архимед» в решающий момент со сцены конкурса, и в результате жюри конкурса во главе с народным артистом СССР Василием Лановым, несколько «поломав голову» над вопросом, как им поступить с этим «неформатом» (наша опера, конечно, не очень «укладывалась» в представления жюри и публики о традиционных театральных постановках), присудило нам отдельный специальный приз. Главное материальное выражение этого приза представлено на нижеследующем фото.

Во время вручения этого приза на сцене центрального ДК г.Керчи С.К.Ковалевой я находился в зрительном зале и был невольным свидетелем любопытного разговора между тремя женщинами (судя по всему, это были местные «ценительницы искусства»), которые сидели в более близком к сцене ряду передо мной. Они говорили между собой примерно следующее: «Ясно же, что нас дурят: говорят нам, что исполнителями этой оперы якобы были настоящие физики - доктора и кандидаты наук, и даже член-корреспондент Академии наук. Но ведь понятно, что это обман, - на самом-то деле выступали профессиональные актеры и певцы...». Услышав эти речи, я испытал смешанные чувства: с одной стороны, это была очень высокая оценка нашего выступления, а с другой – было очевидное неверие в то, что настоящие физики способны на такое. И я счел невозможным промолчать: я сказал им, что вынужден их разочаровать, - все исполнители на самом деле

являются настоящими физиками, а автор этой оперы – вообще весьма крупный физик. Надо было видеть их ярко-эмоциональную реакцию!...

С.Чекалин:

На фестивале "Боспорские агоны" Валера присутствовал на всех репетициях, регулярно устраиваемых Ковалевой и репетировал даже роль "мальчика из Пелопоннеса". И тогда меня опять поразила его необычайная скромность - он ни разу не "вякнул" на репетиции (а для того были иногда причины), хотя мог, как автор. В этом плане он радикально отличался от второго автора "Архимеда". А когда опера получила специальный приз фестиваля, Валера долго допытывался, что это означает, т.к. формулировка была довольно туманной. Впрочем, он наверняка знал о роли Славы Письменного, уроженца и почетного гражданина Керчи, в организации этой поездки. Хотя я могу утверждать, что опера, как обычно, прошла с большим успехом, что подтвердил в своем рассказе в ЦДЛ в 2010 г. и Валера (запись с видео): "В Керчи такой роскошный театр оперный, такие там кресла, театр драматический - глубокая сцена, зал, все потрясающе, в общем, редко когда удавалось выступать в таких шикарных условиях. Но удивляло нас другое - среди приехавших коллективов играли, допустим, "Лес" Островского, какие-то вот такие вещи, никакого отношения даже географически к этому месту, не то, что к Греции, не имеющие, хотя это был Боспорский фестиваль, Керчь была столицей Боспорского царства. И только мы одни - а там серьезные театры работали - мы были все в белых простынях, как идиоты, седые, лысые (ну, да, в париках). Но, поскольку опера идет всегда на бешеном энтузиазме исполнителей, сами понимаете, то успех был бешеный, и мы вроде так шутя-шутя, а получили там диплом лауреата:

С. Семенов: Крымский фестиваль

В тумане теплится восход
Сражаться глупо и опасно
Смириться может Санчо Панса
А Дон Кихот, а Дон Кихот...

Эти строки Валерия Миляева могут служить эпиграфом для всей его творческой биографии. Ее главные квантовые числа – физика, поэзия, романтика. И эти замечательные качества проявлялись и в выступлениях, и в повседневной обстановке. В этом убеждались все, кто был знаком с Валерием Александровичем. В июне 2006 года состоялись уже ставшие легендарными гастроли студии “Архимед” в городе Керчь на Фестивале античного искусства “Боспорские агонии”. Валерий Миляев, один из создателей оперы, принимал участие в поездке, как артист хора. Время тогда в Крыму было непростое, оранжевое. Когда на открытии фестиваля объявили, что приехал коллектив из Москвы, вся площадь у подножия знаменитой Митридадской лестницы взорвалась аплодисментами. Все мы понимали, что такой прием означает, что нас воспринимают, прежде всего, как представителей родной для всех крымчан России. Ощущение ответственности еще больше усилилось, когда во время экскурсии по городу нас привезли к театру, где мы должны были выступать. Керчь вообще богата театральными традициями, первый театр появился в ней еще до Крымской войны. Величественный Драматический театр им. А.С. Пушкина, размерами не меньше, чем Малый, построенный в классическом архитектурном стиле, словно смотрел на нас и обязывал держать марку столичных физиков. Поневоле вспомнился диалог двух странствующих актеров из пьесы “Лес” А.Н. Островского: “Ты куда путь держишь? - Из Вологды в Керчь. А ты? – Из Керчи в Вологду.”

Главный режиссер оперы Светлана Ковалева объявила, прямо скажем, непривычный режим подготовки к спектаклю - две репетиции в день! Наравне со всеми Валерий Миляев выполнял все режиссерские установки Светланы. Во время перерывов мы всем коллективом прогуливались по живописным окрестностям гостеприимного Дома отдыха “Залив” Керченского судоремонтного завода, где нас разместили радушные сотрудники Фонда “Боспор”. По тому, как пристально Валерий Александрович вглядывался в прекрасные крымские пейзажи, было видно, что у него особое, теплое отношение к земле древней Тавриды. Мне это стало тем более ясно, когда через несколько лет, находясь в Алуште, я однажды включил симферопольский канал телевидения и вдруг увидел заставку передачи “Моя усадьба”, а затем Людмилу Ивановну и Валерия Александровича, принимающих корреспондента на своей даче недалеко от Старого

Крыма. Дача, пожалуй, больше была похожа на туристскую базу, где часто гостили друзья и артисты театра “Экспромт”. И все же у нее был свой стиль, о котором увлеченно говорили хозяева. Валерий Александрович всячески стремился поддержать своеобразный облик, крымский колорит и дома, и сада.

И вот настал день выхода на сцену. Выступление прошло отлично. Героическая история молодого древнегреческого ученого Архимеда захватила керченских театралов, что вновь говорит о том, какое талантливое произведение создали Валерий Канер и Валерий Миляев. После спектакля Валерий Александрович поделился с нами интересным наблюдением. Когда он, среди публики, выходил из театра, то оказался свидетелем такого разговора. Одна зрительница спрашивала свою подругу – А кто сейчас играл? - Ну как, кто, - кандидаты, доктора, профессора! - До чего же людей довели! Наверное, это высшая оценка профессионализму исполнителей.

Керчь. Дворец кораблестроителей. 2006 год.
Артисты студии «Архимед» в день награждения лауреатов фестиваля
(из архива С.Семенова)

В этом небольшом эпизоде проявляется очень важное свойство творческого подхода Валерия Миляева - его наблюдательность, умение увидеть в жизни моменты, которые при литературном воплощении становятся символическими. Восемь лет назад в

Дубне проводилась встреча студии “Архимед” с физиками-ядерщиками. Валерий Александрович делился воспоминаниями о своем друге, выдающемся теоретике И.Н. Сисакяне, брате директора ОИЯИ академика А.Н. Сисакяна. У Исаака Норайровича была любимая присказка – после обсуждения какой-либо проблемы, включавшего, зачастую, и критические замечания в адрес той или иной стороны действительности, он неизменно говорил: “В России можно жить!”. Эти слова стали рефреном в либретто мюзикла “Доходное место”, которое Валерий Миляев написал для театра “Экспромт”.

Итак, Керчь, Дворец кораблестроителей, завершение Фестиваля. Студия “Архимед” стала лауреатом! С огромной благодарностью мы вспоминаем участие Валерия Миляева в этой поездке, как автора, как артиста, как удивительно простого и талантливое человека.

С. Щеголькова: Поездка в Дубну

Скромность, благородство, непосредственность – это черты, присущие Валере на протяжении всей жизни. На наших коллективных мероприятиях он всегда держался «незаметно». Есть главный организатор, его указания без спора, без всяких возражений должны выполняться.

Опера «Архимед» - выступление в Дубне. Светлана Ковалева, как главный организатор и режиссер, обращается к Валере (автору оперы): «Едут только выступающие и только им будет предоставлена гостиница. Валера, бери с собой костюм – будешь петь в хоре».

Репетиция перед выступлением. Валера стоит в розовой хламиде (видимо Мила постаралась найти подходящий костюм) в дальнем ряду хора, поет. Сцена свистопляски – танцуют все. Света: «Валера! Иди вперед, будешь плясать здесь». Выполняется незамедлительно.

Выступление в Дубне 22 апреля 2006 года

Надо заметить, что Валера мог поехать в Дубну и поселиться в гостинице в любое время. А.Н.Сисакян (академик, директор ОИЯИ) хорошо знает Миляева по работе и они друзья.

Кстати, после выступления вечером мы собрались в столовой, обсуждали прошедшую оперу. Валера поднялся и поделился своими впечатлениями. В заключение сказал: «Процессом руководит режиссер. Никто не должен вмешиваться и возражать ни на репетиции, ни на сцене». Это его выводы из работы в театре, что полностью противоречило нашему поведению. Каждый хотел всегда что-нибудь посоветовать и часто обижался, когда Света его останавливала.

В. Канер и В. Миляев: МЕМУАР, Как была написана опера «Архимед». Из «*Всеобщей истории Архимеда*», том 3, Москва, 1976.

Здесь не обошлось без насилия. Нас вызвали в комсомольское бюро и обязали в двухмесячный срок подготовить программу праздника «Архимед». Хотели мы того или нет – срок был назначен, отступить стало некуда. Первые две недели мы читали собственные стихи и знакомили друг друга со своими музами, благо учились на разных курсах. Всё было очень трогательно, но время шло, а кроме надписи «Архимед» в общей тетради не возникало ничего.

Прочитали в БСЭ статью об Архимеде – смешного не обнаружили. Списать неоткуда. Стало грустно. Тогда решили пойти в народ и собирать студенческий фольклор. Дело сдвинулось. Кое-что мы не записывали (о чём теперь сожалеем), кое-что вошло в оперу и общеизвестно, а кое-что осталось в черновиках. Вот, например, что не вошло (не пропадать же добру):

Надпись на студенческом страховом полисе:

Пускай, превратности судьбы
Меня развеют в дым –
Возьмёт расходы на гробы
Наш староста Вадим.

Пускай снаряд, ударив в пах,
Меня развеет в прах –
Сомненья чужды мне и страх –
Да здравствует Госстрах!

После сокращения вошло в арию Архимеда: «... и в инспекции Госстрах!»

Текст из 2-го действия:

Где эта комната 5-35,
Где я экзамены буду сдавать,
Где этот старый мудрец Архимед?
Спятил, должно быть, на старости лет.

Отвергнуто за непочтение к учёному.

Текст из 3-го действия:

Любили девушки и нас,
Но инспектриссы не любили,
И на проверке всякий раз
Нас никогда не находили.

Отвергнуто как слишком личное.

Текст из 4-го действия:

«Хочешь, Лида, хочешь, Лида, влезу я на пирамиду» – по той же причине.
«В зоне "Г" лаяли собаки» – слишком абстрактно.
«Жрать хочу как утопленник» – суховато.
«Ну, что скажешь хорошего? – Тебе - ничего, даже если б знал» – грубовато.
«Кому деньги обуза, вступай в члены профсоюза» – глуповато.

«...и пронизывающий всю нашу жизнь, как вектор Умова-Пойнтинга», «Диссертация на тему "Ошибки задачника Гюнтера"», «...товарищ капитан, пропала эмиссия. – Чтоб к вечеру была на месте» – слишком наукообразно.

«Нам сказали в деканате: $E=Mc^2$ » – не подобралась мелодия.

Заключительные слова оперы:

БАХУС: «Заспиртуйте меня рядом с ним!!!» – двусмысленно.

Остальное почти всё вошло.

Оставался месяц. Написали объявление, висевшее перед входом на физфак, текст которого был в дальнейшем утерян; воспроизводим его по черновикам:

ФИЗИК! СТОЙ!!!

УВАЖАЙ СВОЕГО ПРАДЕДА!

26 АПРЕЛЯ 1960 ГОДА – ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АРХИМЕДА!!!

В этот день смеха над скукой полная победа!

В программе явление Архимеда, концерт-бал, перед всем этим – карнавал.

На следующий день выезд в лес в физкультурной форме и без: игры, спортивные встречи, все залезают друг другу на плечи и произносят речи! Веселиться не то, что сеять или пахать, не умеешь работать – умей отдыхать!

Праздник считается плановым мероприятием – скажи об этом друзьям и приятелям.

Вас ждёт опера и капустник, а кто не придёт – ну и пусть его!

Сам об этом пожалеет, когда его бюро за неявку взгреет!

Грусть размоют веселья реки,

не останется камня на камне, человека на человеке!

Все, кто не любит звуков симфоний, приходите слушать игру на саксофоне.

*А кто терпеть не может джаза –
приходите слушать 1-ый концерт Прокофьева подряд три раза.
Для скучающего ротозея – уникальные сокровища Архимедова музея!
Для тех, у кого от смеха воротит нутро, есть буфет, а в буфете ситро.
И кто рос без мамы, как яблонька-дичка,
для того и сорокоградусный напиток типа водичка!
Фестиваль – не такая даль, вот и берись за фестивальное дело,
так, чтобы в глазах у одних черно, у других – бело!
Не покладай в работе рук на пузо – будешь награждён от имени профсоюза!
ТОВАРИЩ! ОТ РАДОСТИ АХАЙ И УХАЙ –
ВСЕ УЧАСТНИКИ НАГРАЖДАЮТСЯ ПОВЫШЕННОЙ СТИПУХОЙ!!!
Наиболее шумные и весёлые лица
деканат приглашает в одиночке поселиться!
Пусть обрушится грязь поток на того, кто в праздник останется в блоке!
Сыграем вместе в опере и концерте, чтоб смеялись даже черти,
не говоря о работниках клуба, пусть уныние даст дуба!
Кто предложит свои услуги в новой интерпретации буги-вуги????
Кто умеет играть на скрипке? Тому отпустят грехи и простят ошибки.
А кто слегка бренчит на лире – иди в 15-34.
У кого лежит к этому делу нутро – получай справки в комсомольском бюро.
Праздник войдёт в ежегодную традицию – веди себя так,
чтобы не позвали милицию!*

Успех окрылил, начались репетиции 1-го действия, великий Саша Кессених нас заметил и благословил, подарил песню «Полюшко-Поле», подправил авторский текст. Потом Стёпа Солуян, аспирант, а ныне профессор, ввёл в действие кордебалет и выбросил всё лишнее, объяснив нам, что смешно, а что – нет. Он посадил Венеру и Марса на пьедесталы известных памятников, Саша Кессених читал авторский текст, актёры пели прекрасными голосами, зрители смеялись в нужных и ненужных местах, так что нам оставалось только выйти и поклониться.

А. Харламов: о дате рождения «Архимеда».

В отношении даты рождения праздника «Архимед» существуют расхождения. Все мы знаем, что первый праздник был 7 мая 1960 г. Но почему в черновиках у авторов стоит 26 апреля? В исторической монографии О. Герасимовой, упомянутой в библиографии этой книги [7], на стр. 459 тоже упоминается эта дата (26 апреля). Однако, на стр. 516 у нее указано уже 7 мая. Откуда она взяла ту же дату 26 апреля? Какое-то странное совпадение. Теперь уже трудно выяснить, откуда она появилась.

А. Замятнин.

Эта дата - “26 апреля”- просто опечатка. В этот день представления “Архимеда” не было – это говорю я – первый аккомпаниатор оперы. Первое представление состоялось 29 апреля днем в ДК МГУ специально для партийного бюро физфака. Однако, первое

представление для зрителей состоялось 7 мая 1960 года. Ее и следует считать датой рождения «Архимеда».

Это подтверждают сами авторы оперы:

В.В. Канер, В.А. Миляев журнал «Природа», 1980, №5, стр. 125-128.

:

«ДЕНЬ ФИЗИКА» В МГУ.

...Провести праздник «День рождения физики».

Считать Днём физика день рождения Архимеда.

Постановить, что Архимед родился 7 мая 287 г. до н.э.

Из решения комсомольской конференции

физического факультета МГУ, 1958 г.

Сказано – сделано. Создаётся штаб подготовки к празднику. Два года имя Архимед, словно призрак, бродит по общежитию студентов-физиков. В почтовых ящиках они находят незапечатанные конверты с интригующей надписью «Физики! Архимед!» Изображения великого старца с факелом в руке, развешанные по всему факультету, напоминают о том, что затевается нечто грандиозное.

И вот в мае 1960 г. серебряные звуки фанфар впервые возвестили о появлении Архимеда на ступенях физфака. Он вышел из огромного, величиной с парадную дверь факультета, тома «Основ физики».

«Эврика!» – трижды провозгласил великий физик. Началось торжественное шествие, которое возглавили ненастоящие Архимед, Рентген, Ломоносов и настоящий Л.Д. Ландау. А вечером в университетском Доме культуры состоялось первое представление комической оперы «Архимед». Так родилась традиция.

С тех пор не раз ступеньки физического факультета превращались в дни праздника в фантастическую сцену. Отмечался на этих ступенях и юбилей великого грека, когда вход физфака украшал огромный плакат «Старику стукнуло 2250 лет! Привет юбиляру!» и когда сотни студентов в античных костюмах рапортовали Архимеду о жизни своего курса и вручали соответствующие времени и месту хитрофизические подарки.

Бывало и так, что дымовая завеса, организованная с помощью пиротехников из подшефной воинской части, окутывала памятник Ломоносову, и он оживал: из клубов дыма выезжал традиционный электрокар, а на нём – Михайло Васильевич Ломоносов (аспирант физфака Игорь Алексеев, ныне доктор философских наук).

Случалась и экскурсия на обратную сторону Луны, где в связи с нехваткой места для лабораторий учреждался филиал физфака. Фасад факультета был закрыт грандиозным

занавесом небесного цвета с блёстками звёзд, а когда занавес падал, открывалась огромная ракета от первого этажа до крыши. Из люка этой ракеты на втором этаже появлялся Архимед, неуверенно спускаясь по трапу спиной к публике, а приглашённый на праздник космонавт Герман Титов говорил очень тепло о том, что он рад возможности побывать на обратной стороне Луны, и, не касаясь руками лестницы, лицом к зрителям, спускался к рукоплещущей многотысячной толпе...

Сотни участников, многие тысячи зрителей, множество известных физиков на ступеньках физфака – всё это создавало атмосферу настоящего праздника. «Вершиной праздника, – вспоминает наш бывший преподаватель математики на физфаке Н.Н. Константинов, – всегда была опера. Здесь энергия достигала максимума. После оперы люди изнемогали и слабели, и никакие праздничные мероприятия после оперы не могли произойти. Как же мог жить человек, который не пошёл на оперу? Для всех, кто знал, что к чему, попасть на оперу было необходимо. Но главное, что это всегда было трудно. Один раз я придумал, как всех перехитрить. Днём, когда бдительность клубных работников ещё дремала, я решил залезть в оркестр и там спрятаться, с тем чтобы перед началом представления выйти в зал и занять место. Но я оказался не первым – оркестр был уже полным. Все мы уже не могли остаться незамеченными... Затем переполненный зал, где заняты все сидячие и стоячие места, ждёт. Начинать нельзя, так как в дверях творится что-то невообразимое, и тщетные попытки закрыть двери безнадежны. Наконец, несмотря ни на что, выходит ведущий и начинает читать знакомое до единого слова либретто. Началось!»

*Николай Николаевич Константинов
и Валерий Александрович Миляев*

Ходит шутка, что успех оперы определялся по числу сломанных в зале кресел и что в тот майский день 1961 г., когда в зале находился Нильс Бор и Ландау переводил ему происходящее на сцене, это число перевалило за десяток. На пригласительном билете, вручённом Бору, было напечатано: «Ты займешь кусочек кресла лишь ценой больших побед, потому что в зале тесном появился Архимед!» И это вполне соответствовало

действительности. Но когда из-за кулис вышел Архимед, кто-то сказал: «Не знаешь, куда смотреть: то ли на сцену, то ли в зал – три великих физика сразу».

«Это остроумно, это замечательно, это что-то необыкновенное... – заявил Бор после праздника. – Если студенты работают так же, как веселятся, я спокоен за завтрашнюю науку».

Прошло немало лет. Двадцатый раз отмечается праздник в этом году, свыше трехсот представлений выдержала опера «Архимед». Коллектив оперы, работающий ныне при Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова под бессменным руководством неутомимого энтузиаста «физического искусства», учёного секретаря отдела института Юрия Гапонова, пополняется студентами и выпускниками физфака. Оперу много возили. В Краковский университет, в Ленинград, Таллин, Дубну, на Сахалин, на Воронежскую АЭС, в Ригу, Обнинск, Пущино, приглашали в Париж... Оперу показывали почти во всех крупных вузах столицы, в концертном зале Института им. Гнесиных, в Центральном Доме литераторов. После просмотра Константин Симонов сказал: «Трёх Аид за одного Архимеда».

Есть документальный фильм «Гвоздики нужны влюблённым», рассказывающий о традициях студентов всего мира. Тут и «похоронная процессия» через всю Вену (хоронят конспекты после сессии), и французские студенты, сжигающие карету с такими же отслужившими свою службу тетрадами во дворе Парижского университета, и многое другое. А из студенческих традиций нашей страны выбрана одна – день рождения Архимеда... Сменялись поколения студентов-физиков, но опера оставалась жить. Многие участники её первых представлений теперь известные физики, для некоторых опера стала шагом в большое искусство: одна из первых исполнительниц роли Венеры в «Архимеде» Л. Богданова – ныне солистка Большого театра.

Что же это за опера, в чём секрет её успеха?

Секрет нехитрый. Его знает каждый, кому доводилось погрузиться в атмосферу студенческого капустника.

Но именно поэтому мы оказались в затруднении, когда нас как авторов либретто «Архимеда» (а поскольку музыка заимствована у многих авторов, то, стало быть, и композиторов) попросили отобрать отрывки из оперы для публикации в «Природе». Без сценического действия с греческим хором, Архимедом, таскающим в руке огромный подковообразный магнит, без декораций, изображающих вход на физический факультет, где на пьедесталах памятников Лебедеву и Столетову восседают Марс и Венера (посаженные туда первым режиссёром физических опер Степаном Солуяном, теперь профессором), а главное – без музыки (вернее, без, казалось бы, нелепого чередования

песенных и оперных мелодий, рождающего комический эффект) пародийный стихотворный текст оперы воспринимается плохо.

Может быть, после нашего рассказа некоторое представление об опере даст «канонический текст» вступлений, которые перед каждым действием читал на авансцене одетый в чёрное высокий и элегантный Александр Кессених (ныне доктор физико-математических наук) – автор двух предыдущих студенческих опер физфака, «Дубинушки» и «Серого камня».

Рисунки к предлагаемому тексту по просьбе редакции «Природы» нарисовал доктор физико-математических наук, профессор, зав.кафедрой оптики и спектроскопии Виталий Васильевич Михайлин, принимавший участие в оформлении первых праздников на физфаке.

С. Солуян, студент 5-ого курса, ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА. *«Московский Университет»*, №62 (1660), четверг, 13 ноября 1958 года.

– А почему у вас культмассовая работа хромает? – неоднократно спрашивали разные инструкторы и представители.

– Уж мы такие, такой у нас факультет, вы знаете, сколько мы работаем, – и глубокомысленно покачивалась лысеющая голова.

И было это совсем недавно – всего три-четыре года тому назад.

Вдруг, как гром среди ясного неба: «Ду-би-нуш-ка...» И как эхо – аплодисменты. Замечательные были времена!

Пожилые седеющие профессора: «Вы видите – Полев, Беспалова, да-да, у меня на кафедре. Да-да, у меня на отделении».

Работники деканата: «Конечно, благодарность, конечно, благодарность, но не всем подряд. Кессениху – можно, Курочкину – само собой, но Сезнева, Сезнева – у неё ведь задолженность!»

К этому времени забылись все печали и невзгоды, сопутствовавшие нашей работе, то, что называется трудностями созидания, которые, по правде сказать, доставили коллективу не меньше радости, чем успех самой постановки. А успех, как известно, вдохновляет не новые дела. Но от вдохновения до дела не один шаг и даже не четыре.

Короткое объявление: работает «Гонг» (Группа обозрения нового года). Действительно, работало немало людей: раз, два, три, четыре – все! А когда было объявлено о репетиции пьесы с интригующим названием «Серый Камень», авторы наметили только начало первого акта. Мы всё ещё спорили, не зная на чём остановиться. И те наметки, о которых сейчас узнает читатель, это глубоко наше, это «кухня», это сокровенно.

«Появляются автор и фея.

Автор: Вот наш этаж, вы, верно, здесь бывали?

Фея: Во сне возможно, наяву едва ли.

Ведь я из сказки, из мечты...

Чёрт (появляясь): ... из бреда!

Автор (недовольно): Ах, ты уж здесь?

Чёрт: Втроём живей беседа.

Автор: Своей поспешностью, о дьявол, ты вредишь мне,

Как некогда мешает третий лишний!,

Чёрт: Но почему считают третьим чёрта?

(игриво подсаживаясь к Фее)

Не изменить ли нам начало счёта.

Автор: Как, ты и с алгеброй знаком! Прелестно!

Чёрт: И с интегралом в плоскости комплексной!

Фея: Ах, интегралы, косинусы, фи,

Какая это гадость, фи!»

Или заседание райского профкома, попросту – райпрофкома, с распределением путёвок и одиночных комнат между членами оного.

Или аврал по очистке ада перед приходом санкомиссии Дома Студента. Да и сама-то новая опера называлась тогда «Повесть о третьей любви», «Тринадцать подвигов Саши Балалайкина», «Прекрасная Елена» и так далее.

Бессонные ночи следовали одна за другой. Крепкий чай с лимоном, сигареты и ни капли спиртного. Кессених, Гапонов, я спорим до хрипоты. Каким будет главный герой? Что будет происходить с ним от акта к акту? Отправные пункты – характеры и поступки знакомых, с вымыслом, обобщением. Зачастую было горько и обидно: Хорошие люди, а вместе с тем, какие-то не такие. И как всё это уместить в комический жанр с трагическим концом? Что же касается деталей, типа: «Проведёмте, друзья, эту ночь веселей...», «Ах, ты душка, моя красотка...», «Развались моя машинка пополам, посещения свободного не дам!» – одни были отработаны много ранее, а другие появлялись собой в ходе репетиций. А репетиции проходили гораздо труднее, чем мы, умудрённые опытом «Дубинушки», предполагали. Игорь Трофименко с поразительной настойчивостью и упорством бьётся над хором содмила, а с девушками просто горе: то они не желают приседать, изображая печатающих инспектрисс, то никак не придут к единому мнению о костюме «четвёрок», а Беспалова, рождённая актрисой, наотрез отказывается целовать Борю Пуговкина, якобы из принципиальных соображений: мол, это не в характере героини. Или вспомните Прекальского, который всячески старался протащить в спектакль рок-энд-ролл то под видом дуэта пьяного с милиционером, то ещё как-нибудь.

Курочкин – золотой человек. Какую тяжесть он вынес на своих плечах. Загляните в его нотную тетрадь, жутко станет не только музыканту, но даже и выдавшему виды физику.

Не будем говорить о втором громе-молнии с ясного неба. Сейчас нас беспокоит другое. Курильчик, Коренко, Пака на днях предстанут перед государственной комиссией по распределению, а главные исполнители, как и автор этих строк, приступают к серьёзной работе над дипломом, не говоря уже о Саше Кессенихе, у которого начинается последний год аспирантуры.

Нам грустно, мы опечалены. Как мы сдружились и полюбили друг друга.

Косичкин, Шкурский, Гальцев, Сизов, Рыбаков, Касумов! В ваших руках эстафета, и кубок мы тоже вам с радостью подарим. Мы не знаем ещё имён тех, кто придёт в новую оперу, в новый коллектив. Но мы желаем всем им больших радостных успехов.

И. Сокольская: Об отношении В. Миляева к опере.

Как-то Валера на выступлении оперы «Архимед» сидел в зале зрителем. На банкете высказался:

- Ребята, раньше я все удивлялся, что этот капустник так долго идет и все еще кому-то интересен! А сегодня вдруг понял, что в этой опере очень крепкая и напряженная драматургия. В последнем действии я даже заплакал – так мне стало жалко, когда убили Архимеда. Ведь это, действительно, человеческая трагедия! –

Удивительно отстраненно для автора!

В Керчи на международном фестивале античного искусства «Боспорские агоны», 2006 г. Валера – участник хора, наслаждается, как и все мы, этой прекрасной и авантюрной поездкой. Но пришел час выступления, жюри на месте, зал переполнен (ведь выступают москвичи!) и «Архимед» победно начал свой путь. Мы в костюмах на сцене между действиями разговариваем с Валерой, авторский текст заканчивается, скоро поднимется занавес. Вдруг я соображаю, что он стоит с непокрытой головой. А у нас железное требование нашей предводительницы Светы Ковалевой:

- Как хотите, но никаких седых волос на сцене! Девочкам - покрасить волосы, солистам - парики, мальчикам – закрыть седину бейсболкой! Вы же студенты!!

- Валер, а где твоя бейсболка?

Он хватается за голову и с ужасом смотрит на меня.

- Я ее забыл в раздевалке, - уже сделал пару шагов, заметался – А вдруг я не успею встать в хор?

- Успеешь. Или сзади тихонько вольешься в него.

- Думаешь, за опоздание меньше попадет, чем за седину? (от Светы при разборе полетов)

- Думаю, да.

Валера зайцем метнулся в раздевалку (на другом этаже). Успел!

Вот это скромность автора и ответственность исполнителя!

Для большинства друзей выступление «Архимеда» было подарком, украшавшим жизнь. Вот выдержка из письма М.Куделиной, отправленного на Сахалин 3 декабря 1975 года И.Сивковой о выступлении в Концертном зале ГМПИ им.Гнесиных 27 ноября 1975 года. (из архива С.Щегольковой).

Сбылась моя мечта. Я побывала на Архимеде. Уже и не ждала, что Наташа Константинова сохранит мой телефон и позвонит в одно прекрасное утро. Это было очень приятной неожиданностью. Передать словами все мои впечатления мне, к сожалению, не удастся, т.к. я заикливаюсь на выражениях типа "это здорово (!)", "это было прекрасно (!)", "вот еще бы туда сводить..." и т.д. и т.п. Это действительно было здорово! На сцене — великий, объединяющий и зажигающий, радостный энтузиазм! Ни капли натянутости или театральности. Как будто они все время и живут на сцене. Полный эффект соприсутствия, соучастия и сопереживания всего зрительного зала со сценой. Это проявлялось в бурной реакции зрителей практически по любому эпизоду "современной музыкальной древнегреческой трагедии — Архимед".

Главные роли исполняли:

Архимед — Г.Иванов

Марс — В.Ковалевский

Венера — Л.Богданова (чудесный голос. Она после окончания фразы поступила в Гнесинское на вокал)

Аполлон — С.Дуленец

Бахус — С.Чекалин

Божий отпрыск — А.Прохоров

Кстати, Прохоров в небольших паузах между картинками обалденно танцевал разные танцы с одной девицей (было бы очень интересно узнать, кто же это девица? — А.Х.) (танго, чарльстон, и папуасский танец), которые, как говорил ведущий: "...к действию никакого отношения не имеют", — но на самом деле добавили всей постановке в целом очень колоритный штрих. Кроме всего этого в хоре из "остальных богов, сиракузской молодежи, филонов, профессоров и студентов" я узрела Валерочку Якушева с Любкой Кроль и Ирку Сокольскую! Вот какие пироги!

С. Чекалин:

Выживший во всех этих перипетиях состав сохранился в основном и по сей день. самое замечательное — до сих пор опера проходит с огромным успехом (если только удастся собрать необходимое количество исполнителей, которое, к сожалению, убывает, в том числе и естественным путем). Когда мы начинали нашу оперную деятельность, коллектив состоял практически целиком из студентов. Со временем связь со студентами МГУ нарушилась, и среди участников оперы можно было видеть самую разнообразную публику — от солистов Большого театра до членов-корреспондентов Академии наук. С одной стороны, опыт чрезвычайно важен, но с другой, не очень правильно, когда

пенсионеры со стажем изображают абитуриентов. Поэтому особенно успешным (я бы даже сказал, самым успешным за время моего участия в опере) было последнее выступление в ДК МГУ (наша alma mater!) 14.11.2013 г по случаю 80-летия физфака. К этому спектаклю неутомимая Света Ковалева набрала человек 20 настоящих студентов, которые и определили необыкновенно восторженный прием собравшейся публики.

Бурная овация продолжалась минут пять. Обидно, что до этого триумфа не дожили авторы «Архимеда». Валера Миляев ушел двумя годами рыше, так же неожиданно, как Юра Гапонов. Но "Архимед" жив!

А. Замятнин.

Прошло более полувека. Наступили новые времена и для всех нас и для всей нашей страны. Увы, многих среди нас уже нет. Нет и ни Валерия Канера, и ни Валерия Миляева. Но есть их творение – опера «Архимед», которая стараниями представителей нескольких поколений физиков и присоединившихся к ним некоторых лириков продолжает жить и демонстрироваться на разных сценах. Трудно теперь уже представить себе Юбилей физфака МГУ без постановки этого произведения на сцене Дома Культуры МГУ. А как же прекрасно встречаться на представлениях оперы всем тем, кто так или иначе способствовал ее рождению, а также ее долгой и счастливой жизни. И гордиться своей причастностью к этому мощному культурному пласту физического факультета МГУ!

Глава 4. Театр.

Роль театра в жизни Валерия Миляева и Людмилы Ивановой трудно переоценить. Это особая тема, которая заслуживает издания отдельной книги. И действительно, такая книга вышла совсем недавно под названием «Л.Иванова. Презентация назначена на 23 февраля 2018 года. В ней нашлось место воспоминаниям известных артистов и театральных деятелей. А мы ограничимся небольшими отрывками из опубликованных книг и новыми материалами, предоставленными друзьями Валеры. Кроме театра «Экспромт», Валерий принимал деятельное участие в коллективе ДУЭТа (Дом Ученых – Эстрадный Театр)».

Е. Фиштик: МУЗ

Да, да, именно МУЗ!

С первого нашего знакомства, которое состоялось довольно давно, я сразу поняла, что Валерий Александрович - физик, академик, является, не только супругом своей звездной жены народной артистки Людмилы Ивановой, но и ее музой, или как я его называла - Муз!

За долгие годы общения и совместного творчества, именно творчества, я его знала хорошо только с этой стороны, так как я композитор, а он писал стихи. Валерий Миляев - самый настоящий лирик! Он не написал и не издал многотомники со стихами, но те полотна, которые создал он, действительно, очень замечательные. Все его стихи необыкновенно песенные. Легко ложатся на музыку. У Валерия Александровича потрясающее чувство ритма, формы, что является очень важным для любого композитора, сочиняющего музыку на готовые стихи.

Валерий Александрович очень тонкий и остроумный человек. Мы с ним написали несколько мюзиклов для театра Экспромт (Москва), где была художественным руководителем его супруга Людмила Иванова. Его тексты к ариям, буквально пропитаны интеллектом, впрочем, как и стихи.

Из песен, самой первой была написана песня "Уехать на три дня". Как-то Валерий Александрович принес мне тоненький сборник стихов и предложил написать музыку на любые стихи, которые мне понравятся. Вот я и заметила сразу "Уехать на три дня" - это про Валерия Миляева, несомненно.

Песню сразу все полюбили: и на концертах, и в домашних посиделках с друзьями - без нее уже не обходилось. Людмила Ивановна всегда говорила: "Я очень люблю эту песню, могу слушать по несколько раз, только вот жаль, не обо мне она!"

О ком поэты пишут свои стихи, мы не всегда знаем, это сокровенное, но то, что это уникальные стихи - очевидно!

"Пойти в овраг к ручью, к гремящим водопадам,
Услышать голос твой в кипении воды.
В разрывах серых туч с тобой встречаться взглядом.
На мартовском снегу прочесть твои следы."

*Центральный дом
работников искусства.
3 ноября 2005 г.
Презентация книги
С.Ковалевой
«Когда отказывают
все приборы».*

*Валерий Миляев,
Людмила Иванова,
Елена Фиштик,
В театре
«Экспромт»*

Затем была "Москва моя" - так точно описанная зимняя Москва -

"Забытые, замерзшие бульвары,
Двойные стекла, шубы, сапоги.
Темнеет рано, яростные фары
В лицо, в лицо, и не видать не зги."

"И будет день, и снег уйдет растаяв,
Заглубеют, дрогнут небеса.
Москва моя! Пантографы трамваев -
Наполненные ветром паруса."

По такому же типу, и даже идя еще дальше, уговаривая потерпеть и заверяя нас, что завтра будет все намного лучше, написаны его добрые стихи:

"Крыши! Не плачьте!
Это не вечно -
Тучи и дождь и холодный вечер."
И очень быстро он успокаивает:
"Не долго вам тосковать
Без солнца..."
А в коде:
"Тысячекратно
Бодрей и краше
Исцелует
Мокрые
Щеки ваши."

И ему веришь!

Валерий Миляев и в жизни был таким. "Его стакан всегда был наполовину полон."
- такое было его мироощущение!

В поэзии Валерия Александровича было много юмора. Но, этот юмор имел свой глубокий подтекст. Он сам сочинил несколько песен на такие вот стихи, и тот факт, что они полюбились публике, говорит о его многогранном таланте.

*Елена Фиштик дома
у Миляева и Ивановой .*

А потом я увлеклась, и появились песни на стихи его друга Г. Иванова. "Дождь молчаливый", но самое большое впечатление на Валерия Миляева произвела песня "Как жаль, что осень не случилась...". Он вновь и вновь просил меня ее спеть. И хоть эти стихи знал давно, всегда поражался и восхищался песней. Валерий Миляев вообще, был совершенно не завистлив, и искренне радовался успехам друзей.

Скромность - это, несомненно, про Валерия Миляева!

С. Щеголькова. Несколько слов о поэзии.

Поэзию Валера полюбил еще в школе. Много читал. На первом курсе начал пробовать писать стихи и на лекциях часто подкидывал их мне. Это были в основном лирические стихи, чувствовалось подражание любимым поэтам. Было много коротких, шуточных стишков, иногда в виде комментариев к моим рисункам в тетрадях с лекциями.

Поэтическая натура требовала объекта преклонения. Это были в основном сокурсницы. Некоторых знаю: Лида Приходько, чернобровая красавица Жанна, Ляля Гарипова (Киселева). Именно Ляле было посвящено стихотворение «Ласкающийся еж». Это было серьезное увлечение. Валера собирался жениться и даже купил кольцо. И припев: «...ля-ля-ля» не случаен. Позднее Дима Гольцов написал музыку.

Большое значение для творчества Валеры была встреча с Левиным Г.М., руководителем литературного объединения «Магистраль». С большой благодарностью Валера вспоминал Григория Михайловича, который помог глубже понимать поэзию и способствовал развитию и становлению его как поэта. Занятия в литературном объединении способствовали увлечению философией, переосмыслению сути поэзии.

В стихах заложен глубокий философский смысл. Гармония содержания и формы. На вопрос Бориса Комберга, как писать стихи, Валера ответил: «Писать надо тогда, когда ты уже переполнен мыслями и эмоциями, и уже нет сил сдерживать их».

Возможно, мы бы не услышали многих стихов Валеры, поскольку он не пытался их издать. То, что уже сделано, его не интересовало. Впереди другие дела. Изданием сборника стихов поэтов-физиков занималась Мила. Книга «Ласкающийся еж» была написана под большим непрерывным давлением и подталкиванием Милы. Валера не искал славы, он смотрел всегда вперед.

Валера фактически был членом коллектива театра Экспромт. Он входил в художественный совет, к его мнению прислушивались, его любили. Мила привлекала Валеру к совместному созданию либретто к спектаклям. Он даже участвовал в спектакле, подыгрывая Миле на гитаре.

Для Милы мнение Валеры о ее творчестве было очень важным. Он был камертоном ее творчества. Мила говорила, если Валера одобрил созданные ей произведения (стихи, песни, пьесы), она спокойно шла с этим в коллектив. После ухода Валеры ей очень этого не хватало. Часто она звонила мне, приглашала на премьеру спектакля или домой послушать только что написанный сценарий. Ей было интересно мнение «со стороны». Несмотря на слабость здоровья, она смогла руководить театром, к ней приезжали домой заниматься студенты Славянского университета. Однажды я застала в ее квартире целую группу малышей, занимающихся с актером ее театра.

Заботливость, любовь к актерам, стремление помочь всегда присущи Миле. Она знала и помнила все их проблемы. Искренне сопереживала за каждого и радовалась их успеху.

Дом Миляева - Ивановой всегда был полон друзей. Квартира находилась на одной площадке со служебным входом в театр Экспромт. Входная дверь почти никогда не запиралась, актеры и сотрудники театра свободно заходили в квартиру. Мила обычно встречала вопросом; «Есть хочешь?» и предлагала борщ или блины, которые она готовила в большом объеме, чтобы накормить всех желающих. В интервью журналу «Винная карта» Мила рассказывает: «Люди приходят все время, и мы всегда держим бутылочку про запас: чуть-чуть выпить в компании, немного расслабиться. У нас, как видите, все получается на ходу. Вот только перед вами ребята из моей студии приходили: мы много работали, устали, и я, конечно, сделала им бутерброды, кофе, сварила пельмени (борщ и блины еще раньше съели другие гости). Предложила им немного водки. Кто захотел – полрюмочки выпил».

Мила часто звонила мне: «Света, приходи, я соскучилась!». Не успев войти в комнату услышала крик: «Валера! Света пришла». Из своей комнаты выплывал Валера, везя по полу свои большие домашние тапочки. «Садись, пей чай и делай бутерброды с икрой!» - следовала мне команда Милы. Отказываться было бесполезно – тут же раздавалось грозно: «Ешь, икра очень хорошая!». Пьем чай, беседуем. Мила предлагает почитать сценарий новой сказки или показать какие-либо новые записи.

Однажды, на входной двери квартиры с внутренней стороны появилось объявление-обращение следующего содержания:

Уважаемые гости!

Если случайно кто-то взял лисью горжетку и деньги, просьба вернуть мне.

Людмила Иванова

Эта горжетка была подарена Миле в день ее юбилея театром Современник на торжественном вечере. На обращение никто не откликнулся. И хотя ничего не вернули,

отношение к людям ни у Милы, не у Валеры не изменилось. Вход в их дом всегда оставался открыт.

На кухне часто собирались друзья, физики-лирики, актеры, чтобы обсудить прошедшую премьеру, отметить праздничную дату, поздравить с днем рождения кого-либо или просто так.

А сколько наших встреч прошло в Экспромте! Театр есть театр. Это запланированные спектакли, репетиции и т.д. Не всегда легко предоставить сцену для проведения наших мероприятий. И все же собирались мы очень часто! Творческие вечера С.Никитина, С.Крылова, С.Ковалевой, Г.Иванова и др.; юбилеи; презентации книг. Здесь, в частности, проходила презентация книги стихов А.Сисакяна, - члена Президиума РАН, Директора объединенного института ядерных исследований.

В. Фридман : *из главы «Театральный Миляев» из книги «Ласкающийся ёж».*

В театре «Современник» у меня появились новые друзья – и стали возникать новые проекты. Я познакомился, в частности, с Милочкой Ивановой, которая проявляла бешеную творческую активность – помимо театра и кино сочиняла стихи и песни. Мало того что сама их прелестно пела, но и отдавала их известным певицам – Гелене Великановой, Анне Герман и другим. Знакомство наше началось с того, что меня попросили записать фонограмму некоторых её песен. Рядом с ней находился скромного вида гитарист – и представьте моё удивление, когда я узнал, что это её муж, легендарный сочинитель «Архимеда», физик-лазерщик Валерий Миляев. Я знал несколько песен на его замечательные стихи, например, о Дон-Кихоте “В тумане теплится восход...” и, конечно, “Ласкающийся ёж”, песню, которую мы с квартетом С. Никитина исполняли в комсомольско-агитационной поездке в Рязанскую область в 1965 году.

Сотрудничество наше с Людмилой Ивановой разворачивалось – мы сочинили несколько песен, затем Милочка придумала радио-спектакль по Михаилу Светлову (тема меня не оставляла и получился цикл). Эту передачу мы записали на радиостанции «Юность» с артистами «Современника» Милой Ивановой, Сергеем Сазонтьевым, Авангардом Леонтьевым, Машей Шверубович, Жорой Богадистом. Была там, кстати, и Милочкина песня – музыка на светловские стихи.

*В. Фридман, Л. Иванова, С.Никитин
В театре «Экспромт».*

А дальше Милочка, артистка характерная, решила осуществить детскую свою мечту – сыграть Кукушкину из “Доходного места”. До этого она играла её в школьном театре – разумеется, с музыкой – песнями и танцами – без этого Милочка не мыслила вообще ничего. Она сочинила диалоги в стихах, причем очень удачно – сохранилась даже старая лексика текста А.Н. Островского, я сочинил музыку – и неожиданно это получилось весьма убедительно. Тогда и зародилась крамольная мысль сделать таким целый спектакль – но это уже была огромная работа и без всякой надежды на сценическое воплощение. Энтузиазм, однако, был велик. С трудом заставили Валеру Миляева присоединиться. Потом я убедился (и так было все 30 лет сотрудничества), что начальный период работы у Миляева – не быстрый (что связано, возможно, с тщательным обдумыванием материала), затем он передавал мне написанный красивым почерком текст – как правило, безупречный. Интересно, что Миляев, подобно Гоголю, проявляет стойкое равнодушие к дальнейшей судьбе написанного – пожалуйста, переделывайте, кромсайте, вставляйте... Не такой была и остаётся Милочка – она готова перегрызть горло за каждое сочиненное слово.

Помимо музыкальных номеров, в которых, так сказать, двигалось действие – были и вставные номера. Их, в основном, сочинял Миляев, цепляясь иногда за кусочки стихотворных текстов у Островского. Так родились его шедевры “Чуден в свете человек...”, песня чиновников, песня нищих, – тексты, исполненные мудрости и поэтических достоинств.

Бредем мы по свету – хромые, слепые,
Шарманка в руках и сума за плечами.
Живем и живем – значит, богу угодно...
Подайте нам ради Христа!..

Итак, у нас был готов вариант музыкального спектакля “Доходное место” – и никаких идей относительно его реальной сценической жизни. Показывали куски всем друзьям, на концертах – и однажды показали весь материал Никитиным, Сергею и Татьяне. Это им так понравилось, что решили сыграть спектакль в концертном исполнении на бардовских сценах – в клубе Москворечье и в клубе издательства «Правда».

*В столовой «Курчатовского института» после концерта
«Архимедовцев» в честь юбилея Ю.Гапонова.*

Новая жизнь началась не только у “Доходного места”, но и у нашей авторской группы, когда рождался новый театр – на основе выпуска режиссерского курса ГИТИСа 1984 году. Художественный руководитель – Людмила Иванова, режиссер – доцент ГИТИСа Жанна Тертерян. Сначала, не имея помещения, – театр этот был как бы виртуальный, но когда появилась счастливая идея сделать его детским, то удалось раздобыть и помещение для нового образования – в районе Чистых прудов – стараниями, как легко понять, неутомимой Людмилы Ивановны Ивановой, в те годы депутата районного совета. Кстати, и Валерий Миляев вырос к тому времени из простого кандидата в доктора физ.-мат. наук.

Особо следует сказать о Миляеве как о сочинителе прозаических текстов, которые он составляет к разным случаям – юбилеям, творческим вечерам и т.д. – и зачитывает,

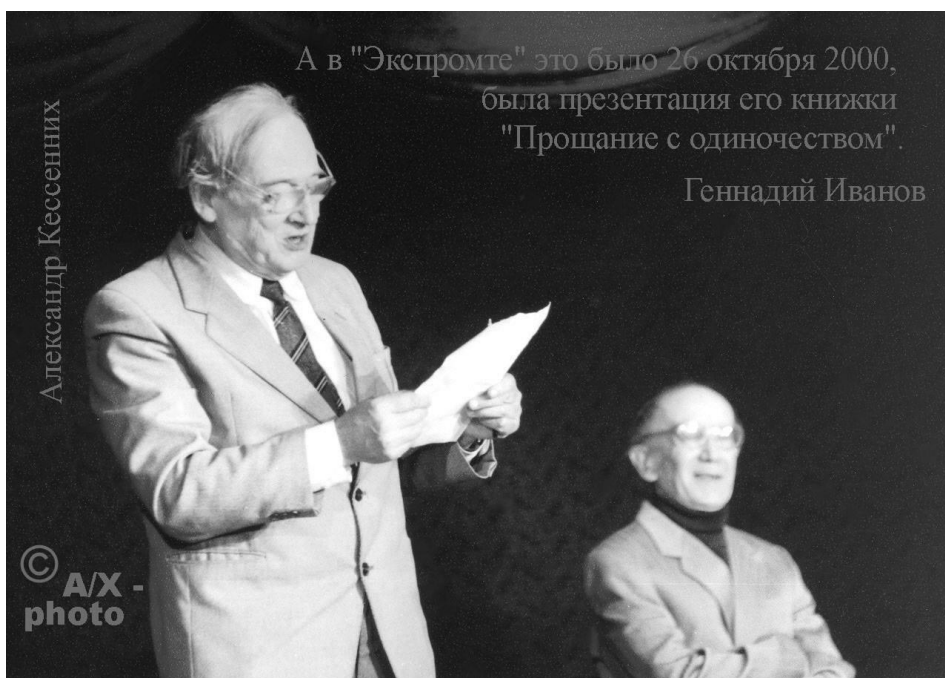
напялив академическую мантию, нарочито скучным голосом, доводя до смеховой истерики зрительный зал. Лучшая из его шуток в мой адрес связана с тем, что мою дочь зовут Таня Ларина. На моем творческом вечере в ЦДРИ он сказал среди прочего, что Виктор Фридман пошел дальше Пушкина, поскольку Пушкин создал только *образ* Татьяны Лариной...

Я не остаюсь в долгу – и к его шестидесятилетнему юбилею сочинил поздравительные стишки – второй раз в жизни. Первый был в девятилетнем возрасте – стихи о Ленине. Понятно, что мое поэтическое творчество связано только с крупными личностями... В 2006 году наша авторская группа вывела на сцену театра ЭКСПРОМТ спектакль «Медной горы хозяйка», по сказам Павла Бажова, а в 2014 году прошла премьера той самой, давно задуманной, «Красной Шапочки», украшением которой явился дуэт Волка и Красной Шапочки, искрометный, остроумный – детище Вали Миляева

Таруса – Москва, август 1997 года

В. Недорезов.

В театре «Экспромт» стали часто проводиться встречи друзей, выступления бардов, юбилеи. Это позволяло нам регулярно общаться друг с другом и поддерживать хорошее настроение.

*А.Кессених на презентации книги Г. Иванова «Прощание с одиночеством» Театр «Экспромт», 26 октября 2000 года.
(из архива С.Рылова)*

*В.А. Миляев на сцене театра «Экспромт» после выступления «Архимеда»
23 января 2010 г. (из архива С.Рылова).
)*

С. Крылов: Стенограмма выступления с видео вечеров памяти в Экспромте (из архива С.Щегольковой):

Валера был для меня человеком системообразующим. Он как гравитационное поле. Что-то внутри тебя есть - и вот он приходит. Он ничего особого не делал. Он был тихий, спокойный и очень мудрый. Он не говорил громко.

Вот мы собирались в коллективе, иногда у нас происходил раздрай, один хотел одного, другой другого. Приходил Валера, делал небольшую паузу, потом говорил несколько слов и все поворачивалось куда надо. И все было правильно, потому что было мудро. Время тогда было - начало 60-годов и чтобы передать мое ощущение того времени, я прочитаю свое стихотворение «Подснежники» и, оно, по-моему, про Валеру.

-« Да здравствуют подснежники, фанатики и мятежники...»

2015 г.

Мы с ним очень плотно жили, как и многие ребята из нашей агитбригады, и у нас было много разных разговоров. И Валера никогда никого не ругал. Он мыслил сущностно и поиску сути того, что ты делаешь, он меня даже не научил, а просто обратил. Это главное его. Он никогда не говорил «это плохо, безобразие, это выкинь», а всегда только по сути. Этим он всегда помогал другим авторам, и мне тоже. Не то, что он за руки меня водил, а в том смысле, что если у меня что-то новое появлялось и я ему показывал, он

серьезно к этому относился и глубоко и мне объяснял. А мало кто, сочиняя сам песни, так глубоко понимает другого !

2016 г.

Много всего (творчества, событий) взросло в агитбригаде. Ну, вот был я, что-то сочинял бы, был Сергей (Никитин), тоже что-то бы сочинял, но я уверен, но мы были бы совсем другими, если бы не встретились в агитбригаде с Валерой. Он был человеком абсолютного авторитета. Он не был человеком, который борется ни за власть, ни за что. Но когда он что-то тихим голосом говорил, а мы спорили и ругались, то все вдруг постигали истину . Почему? Во-первых, он был мудрый человеком. Во вторых, с чувством юмора, который мог как-то улучшить обстановку. Это был настоящий нормальный, замечательный живой человек, и таким остался в моем сердце.

С. Никитин: *Стенограмма выступления с видео вечеров памяти в Экспромте (из архива С.Щегольковой):*

Грустный, конечно день, но в то же время какой-то светлый, потому что Валера был настолько светлым человеком, и деятельным, без всякой показухи . Он предпочитал делать, а не говорить про это. И столько оставил после себя дел и людей столько вдохновил! Это было и в Тарусе и на Ленинском проспекте и в других местах и здесь. Актеры его очень любили и уважали. И сами скажут об этом. Потому, что он в нескольких словах мог выявить суть (спел Дон-Кихота).

А. Харламов:

27 октября 2007 года в Экспромте был Архимед, посвященный 70-летию Валеры. В заключение Архимед подарил Валере гитару. И был вот такой пригласительный билет:

**БУДЬ ЖИВ,
БУДЬ ЗДРАВ,
НАШ ВАЛЕРА!**

А. Харламов

Экспромт, 27 октября 2007 г. 70-летний юбилей В.Миляева.

В. Недорезов :

В 1986 г. в Центральном Доме Учёных (ЦДУ) был создан эстрадный театр «ДУЭТ», который стал центром общения большого количества людей. Одним из главных организаторов и первым режиссером ДУЭТа был В. Канер. В. Миляев тоже был в числе его организаторов и авторов.

На первом представлении сцена была украшена плакатами с фотографиями друзей. Миляева на сцене нет. Но он виден вверху на плакате слева в характерной позе, как бы оглядывая и оценивая происходящее действие. А на сцене авторы и исполнители: Любовь Гордина, Петр Лягин, Лия Голден, Валерий Канер, Андрей Петров, Лена Зеляева, Ольга Сухревская и другие.

На первом представлении ДУЭТа «Шаги по дому».

В 2006 году состоялся юбилейный спектакль ДУЭТа. На нем была показана презентация, которая состояла из персональных старниц, посвященных участникам ДУЭТа. Фотопрезентация «ДУЭТ – 20 лет» была выполнена В.Шараповым с текстами авторов ДУЭТа, в которой каждому участника коллектива была отведена персональная страница. Например, «С какого часа дихлофос» имеет к Миляеву самое непосредственное отношение, поскольку повторяет строку из его песни – пародии на рекламу на первом представлении ДУЭТа.

В.Шарапов:

На приведённой ниже персональной странице Миляева в тексте используется строчка из номера «Лаванда» первого спектакля ДУЭТа. Этот номер был пародией на ситуацию в тогдашний период борьбы с алкоголизмом, когда из магазинов исчезли алкогольные напитки. Текст «Лаванды» был написан В.Миляевым на музыку известной песни и исполнялся под слайды, на которых были изображены флаконы с одеколоном и туалетной водой. Пародия «Лаванда» сохранилась благодаря архиву Марины Сучковой,

которая сохранила материалы почти всех спектаклей ДУЭТа. По ним можно было бы написать отдельную книгу. Но это, как говорится, совсем другая история.

Итак, - ЛАВАНДА

В жизни всякое бывало –
Водку пили, где попало.
Сколько разных вин стояло -
“Зверобой”, “Солнцедар”...
Но куда ушло все это?
Вина сняли из буфета,
Бормотухи тоже нету,
Дихлофос - с двух часов.

“Лаванда”, “ Рижская лаванда”!
Туалетная лучшая вода!
“Лаванда”, “ Рижская лаванда”!
Одеколон в продаже есть всегда!

*Из фото-презентации
В.Шарапова
«ДУЭТ – 20 лет»*

Н. Селезнева:

В декабре месяце 2016 года в Доме ученых состоялся спектакль ДУЭТа, посвященный 30-ти летнему юбилею нашего славного коллектива. Мне было радостно услышать, как со сцены прозвучали слова поздравления Володи Гребняка в мой адрес – инициатора создания этого так называемого «капустника», авторскую группу которого возглавили члены Дома ученых Валера Канер и Валера Миляев, на то время уже известные барды. Без Валеры Канера и без Валеры Миляева немислимо было бы создание такого уровня коллектива, каким отличался ДУЭТ, так как именно они были авторами

наших хитов, повторение которых требовал зал, они обладали энергией притяжения всего талантливого, что было заложено в каждом из участников, и умели направить талант в нужное русло.

Именно благодаря их авторским задумкам на злободневные темы в исполнении талантливых самодеятельных актеров, певцов, музыкантов Дома ученых, наш «капустник» имел оглушительный успех у зрителей, как в эпоху гласности – тогда особенно важны были свобода слова и выражения, так и в более позднее время.

В моей песне, музыку к которой сочинил наш композитор Дмитрий Гальцов, а исполнена она была нашим вокалистом Петром Лягиным на 20-летнем юбилее ДУЭТа, есть такие слова:

Связала крепко нас судьба,
И вместе мы идти готовы.
И лишь одна у нас мольба,
Чтоб были все всегда здоровы.
Уходят лучшие из нас...
О, как горьки наши потери!
Их не вернуть уже сейчас,
Как мы того бы ни хотели.

Действительно, ушли «лучшие из нас», сначала ушел талантливейший Валерий Канер, а потом не стало и нашего любимого всеми Валерия Миляева. Но их знаменитые авторские песни «Все кончается...» и «Приходит время», которые стали поистине народными песнями, останутся на долгие времена как эталоны авторской песни.

Какое было счастье для меня получить весной 2004г. От Валеры Миляева его книгу «Ласкающийся еж» с надписью «Дорогой Наташе от автора», чтобы неоднократно перечитывать и просматривать фотографии.

Не менее интересной для меня была и книга Людмилы Ивановой «Когда я буду снова молодым» с великолепными фотографиями из семейного альбома, так много говорившего об этой удивительной семье. А подарил мне книгу сын Валеры Иван Миляев в 2012 году с надписью «Спасибо за отца! Жду на все вечера!» Очень я благодарна Ване за понимание нашего плодотворного сотрудничества в создании спектаклей ДУЭТа. Мне часто приходилось приезжать к Людмиле и Валерию на квартиру, особенно накануне спектаклей, когда возникали вопросы, которые разрешались на кухне за чаем самым наилучшим образом. В доме всегда было уютно и весело, так как семья была очень гостеприимна и хлебосольна. А мудрый совет можно было получить на все случаи жизни, никогда не отказывали и в помощи.

Особенно я была потрясена последней встречей с Людмилой Ивановой в городской больнице №13, где мы случайно встретились, так как оказались там на лечении

летом 2016 года. Зная о моей судебной тяжбе по поводу лишения меня наследства, она, несмотря на тяжелую болезнь, не только спросила меня, как обстоят дела, но тут же предложила свою помощь в огласке на телевидении этого вопиющего случая беззакония. Людмила знала, что восстановление справедливости мне необходимо, не только ,как физическому лицу, а для моего творчества, как члена Союза писателей России. Я дарила ей книги, выпущенные при поддержке Правительства Москвы, и она знала, что я более двадцати лет посвящаю свое творчество патриотическому и экологическому воспитанию подрастающего поколения.

Светлая память останется в моем сердце о Валерии Миляеве и Людмиле Ивановой, которые подарили мне радость общения с ними и радость при соприкосновении с их творчеством. Какое счастье, что есть продолжатель дела своих гениальных родителей Иван Миляев!

И. Зубова:

С Валерием Александровичем Миляевым я познакомилась в 1986 году, когда судьба в лице Валентины Борисовны Сваловой свела меня с замечательным коллективом Дома ученых — театром ДУЭТ (Дом Ученых Эстрадный Театр). Костяк этого коллектива составили выпускники разных лет физического ф-та МГУ, так называемые шестидесятники, которых еще называли физики-лирики. Это было совершенно уникальное и потрясающее братство удивительно талантливых и целеустремленных людей. И хотя все они были физиками, среди них были замечательные поэты, музыканты, художники, барды, известные ныне не только во всей нашей стране, но и далеко за её пределами... Одним словом это было замечательное сообщество, объединившее очень творческих людей, которым тесно было в рамках только основной специальности, и поэтому они не менее ярко блистали в самых разных творческих сферах. И одним из них был В.А.Миляев.

Физик, доктор наук, профессор и к тому же замечательный поэт, бард. Одну из самых известных его песен «Весеннее танго» уже не один десяток лет поют во всех концах планеты. Он один из создателей театра ДУЭТ, первый спектакль которого состоялся на большой сцене Центрального Дома Ученых (тогда он назывался Московский Дом Ученых) в декабре 1986 года. Вместе с В.Канером и Н.Селезневой они собрали в труппе этого театрального коллектива очень творческих и талантливых людей не только из физфаковцев, но и из других областей науки. Сюда вошли люди и других профессий, но главное, что их всех объединяло — это любовь к искусству, великолепное чувство юмора и большое желание создавать интересные, веселые и острые спектакли.

В.Миляев очень много времени и сил посвящал созданию таких спектаклей. С ним было очень легко работать и выступать. Прежде всего, наверное, потому что он был не только замечательным поэтом и тонким знатоком литературы, истории, русского языка и еще многих других интересных вещей, но и чудесным человеком — умным, деликатным, удивительно тактичным и скромным. Никогда не стремился выдвинуть себя на первый план, но при этом его замечали все и всегда. И всегда прислушивались к нему, к его мнению. Когда он появлялся, становилось как-то теплее что ли, спокойнее. Настроение поднималось от его добрых и остроумных шуток, от его вообще доброжелательного настроя в отношении людей, с которыми он общался. Во всяком случае, у меня всегда его появление на репетициях вызывало именно эти ощущения.

К нему можно было обратиться с любым вопросом, поговорить на любую тему. Он был очень прост в общении, но это была простота свойственная очень умным, много знающим, доброжелательным и исключительно воспитанным людям. Я даже представить себе не могу, чтобы он мог кого-нибудь обидеть, унижить или оскорбить. Даже если человек был ему не очень интересен, он никогда не показывал этого.

Он был одним из авторов наших спектаклей. Вообще у нас авторская группа сложилась из нескольких очень ярких людей, но принимались идеи и предложения всех членов труппы. Валера всегда очень внимательно относился к таким идеям, а главное — было легко разговаривать с ним об этом. Известно, что любой человек, предлагая что-то свое, всегда волнуется, особенно если не чувствует себя очень уверенно. Но с Валерой, как я уже сказала, в этом смысле было удивительно легко. Даже если он считал идею или её изложение неудачными, он всегда находил нужные слова, которые не только не обижали, не смущали, но наоборот, помогали понять, что не так, и вызывали желание доработать или переделать и сделать ТАК. Но даже если приходилось отказываться от своей идеи, то все равно благодаря его тактичности и мудрости становилось понятно, почему это не подходит, и никакого негативного осадка не оставалось. Полагаю, вы согласитесь со мной в том, что такое умение ладить с людьми дано далеко не каждому.

Валера был не только автором. Иногда он участвовал и в сценическом действе. Я очень хорошо помню, как замечательно он смотрелся с контрабасом, в седоватом коротком парике, когда мы делали музыкальные пародии на известных эстрадных звезд. Глядя на него, не возникало сомнений в том, что он музыкант, так органично он смотрелся с контрабасом и не без изящества играл на этом большом инструменте.

Он всегда очень внимательно смотрел и слушал репетируемые номера и, если замечал какие-то неточности или ошибки, то обязательно говорил об этом. Но не громко на всю аудиторию, а просто подходил к человеку, когда тот заканчивал репетируемый кусочек,

и тет-а-тет говорил ему, что и как нужно исправить и почему. Для меня его советы и поправки всегда были очень важны. Иногда я сама подходила к нему и спрашивала, как мне лучше сделать тот или другой номер. И всегда его советы оказывались очень правильными и полезными. Могу с уверенностью сказать, что многому у него научилась, за что остаюсь и по сей день очень ему благодарна.

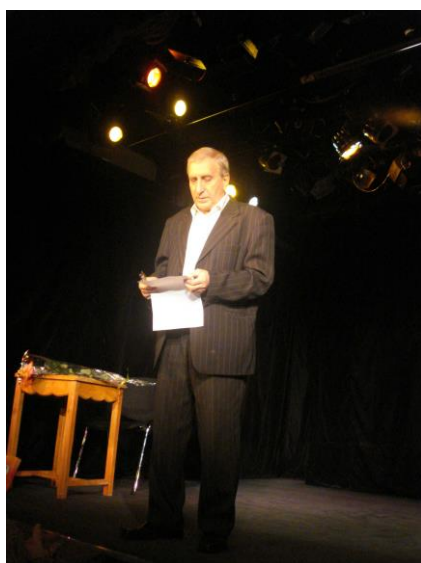
Но ДУЭТ был его вторым детищем в смысле эстрадного капустника. А первым детищем его и В.Канера была опера «Архимед», написанная ими еще в студенческие годы. В эту оперу меня ввел В.Канер в 1994 году. Таким образом, расширился мой круг знакомых с физиками-лириками, чему я очень рада. И здесь Валера тоже был абсолютно незаменим. К тому времени, когда я пришла в «Архимед», он уже практически в самом действе не участвовал, но очень внимательно отслеживал процесс на репетициях и выступлениях. И что еще всегда было для нас важно. Он отмечал не только недостатки, как это иногда бывает с авторами, с постановщиками и др. Он никогда не упускал случая отметить и хорошее исполнение, удачную находку, импровизацию, если таковая случалась. А похвала такого человека была не только очень приятна, но и очень важна. Она придавала уверенность, поднимала настроение.

В работе коллектива ДУЭТ иногда принимала участие и супруга Валеры Людмила Ивановна Иванова, актриса театра «Современник» и кино, народная артистка РСФСР основатель и худ.рук детского музыкального театра «Экспромт». Она бывала на наших репетициях и очень помогала нам своим советами в процессе постановки спектаклей ДУЭТа. Периодически в основном с «Архимедом» или с бардовскими концертами мы выступали на сцене театра «Экспромт». Для меня всегда было большой радостью участвовать в этих концертах и видеть и чувствовать, что мое участие в них радует не только меня самую, но и тех, кто находится в это время в зрительном зале, в том числе и Валеру с Милой. Всегда приятно, когда то, что ты делаешь для людей, им нравится.

Одним из последних очень весомых Валериных вкладов в жизнь и работу ДУЭТа была работа над спектаклем «Полумертвые души» в 2008 году. Это был очень трудный для нас период по нашим внутренним причинам. Сложилась некая кризисная ситуация, изменился состав труппы, царил некоторая растерянность, и вообще было ощущение, что будущее наше под большим сомнением. Очень не хотелось, чтобы театр прекратил свое существование, и было решено обратиться к классике и в частности к Гоголю несмотря на то, что это казалось на первый взгляд отходом от жанра, в котором мы работали все предыдущие годы.

Валентин Николаевич Руденко, тоже известный физик и один из представителей физфаковской команды шестидесятых годов, и в то же время один из наших актеров,

обратился к В.Миляеву с предложением написать сценарий для нового спектакля, взяв за основу «Мертвые души» Гоголя. Валера с удовольствием откликнулся на эту идею, и сценарий был написан. Он был написан замечательным гоголевским языком, но о нашей нынешней жизни. Конечно, так написать мог только человек, блестяще владеющий не только исходным материалом, но и обладающий не менее блестящим чувством юмора, тонко чувствующий все нюансы современного языка и обладающий высочайшими внутренней культурой тактом. Премьера этого спектакля состоялась в 2009 году на большой сцене ЦДУ и потом еще на протяжении следующих двух сезонов мы не расставались с этим сценарием. С некоторыми изменениями и дополнениями этот спектакль мы показывали еще в 2010 и в 2011 годах. В течение всех лет существования ДУЭТа у нас была традиция такая — никогда спектакли наши не повторялись, что называется, один в один. Мы всегда старались идти в ногу со временем, и поэтому в каждом новом представлении приходилось что-то менять или дополнять, учитывая происходящие в жизни страны новые события.

Поздравление В.Миляеву с юбилеем от ДУЭТа в лице Иры Zubовой .

Я очень рада тому, что жизнь свела меня с такими замечательными людьми, как В.Миляев, Л.Иванова, В.Канер и многими другими дуэтянами, архимедовцами и с теми, кто по разным причинам оказался в орбите этого замечательного не просто товарищества, а настоящего братства. А Валере я особенно благодарна за его добрые советы, за доброе отношение, за всё то хорошее, что связано было с театром «Экспромт». Светлая память таким замечательным людям. Хотелось бы почаще встречать таких удивительных и ярких людей.

В. Недорезов:

Вспоминаются не только выступления ДУЭТа, но и многочисленные встречи с друзьями, которые происходили в ЦДУ. Вот поздравление от ДУЭТа В.А.Миляеву по поводу презентации его книги “Ласкающийся ёж” (из архива М.Сучковой). К сожалению, фамилия автора в архивах отсутствует. Судя по стилю, им мог быть А.Петров или О.Сухаревская, но в дуэте существовала авторская группа, куда входила еще Е.Зеляева, В.Канер, В.Руденко и другие. Поэтому авторское творчество было коллективным.

Исполняет Валентино Табуретти (В.Н.Руденко) на мотив “Volare”.

Che vam cantare, signori, pro nostro amici?
Mare talanta, com a Leonardo da Vinci,
Una contora, che on - direttore, doctore.
Libra nuova, theatro, felice amore...

Valera! A-a!
Miljare! A-a-a-a!
Paloma volare con terra,
La tempora e primavera.
Compre subito uno biglietto da Moska - Auistralia va,
Et in corpore sano con vino butyl non bolit golova.

E tu musika, physika, lyrika - vita absurda...
Valera! A-a!
Miljare! A-a-a-a!
Paloma volare con terra,
La tempora e primavera...

O, recordare, Valerio, tempora retro:
Fare “koshara” grandissima, coma San Pietro,
Com u kostra-to cantare gitara nemalo.
Tut “Don Kicot”, “Archimedo” e “Jozhik La Scala”!

Valera! A-a!
Miljare! A-a-a-a!
Paloma volare con terra,
La tempora e primavera!

В.Шарапов:

Я участвовал в «ДУЭТ»е в качестве (как называл меня Канер) фотослайдохудожика. Слайды были важным оформительским элементом, их количество в спектакле доходило до 40 и больше. Кроме того, я фотографировал также участников «ДУЭТ»а. Однажды Валера Миляев попросил меня помочь «Экспромту» с фотооформлением - сделать

фотографии сцен из спектаклей и фотографии артистов. Сказал, что это у меня хорошо получается. Время было тяжёлое, «лихие» 90-е годы, и денег на профессиональных фотографов у театра не было. Так я стал часто бывать в театре, где и познакомился с Людмилой Ивановной. Вообще Мила и Валера не стеснялись привлекать нужных по делу людей, и это шло только на пользу дела. С Виктором Фридманом, тоже выпускником МГУ, кандидатом физико-математических наук, а также профессиональным музыкантом и композитором они сделали много спектаклей, начиная с мюзикла по пьесе А.Н. Островского "Доходное место". Историю их дружеского творческого содружества он сам рассказывает в этой книге.

Однажды я был свидетелем разговора по телефону первого директора "Экспромта" Ю. Архипова. Он говорил с пафосом: "У меня такой театр, похожего на который нет нигде. У нас автор – доктор физ.-мат наук, композитор – кандидат физ.-мат. наук, даже фотограф доктор физ.-мат. наук! Где ты ещё такое видел?!"

Мне было интересно, я видел театр изнутри, познакомился с артистами. Были неплохие фотографии, которые висели в фойе театра. Часть из них Мила потом использовала в своих книгах. Как-то одна из её фотографий мне показалась удачной. Я считал, что "центром тяжести" фотографии были глаза, они у неё здесь светятся. Во взгляде много экспрессии, что вообще было ей свойственно. Но когда я показал ей эту фотографию, её реакция была для меня обескураживающей. "Спрячь эту фотографию и никому не показывай! А ещё лучше порви!!" - очень энергично и раздражённо сказала она. Я, конечно, расстроился и она, заметив это, примирительно сказала "Фотография плохая, потому что у тебя слишком хороший фотоаппарат!" Ничего себе, утешила! Я всю жизнь занимаюсь экспериментальной физикой, и этот вывод, что результат оказался плохим, потому что прибор слишком хороший, был для меня крамольным. Она не уточнила, что выявил "слишком хороший фотоаппарат". Но и так было понятно, что таким необычным и даже эпатажным способом она выразила ту мысль, что на фотографии есть какие-то "ненужные" детали. Конечно, она по-своему права. Но для того, чтобы какие-либо "ненужные" детали не выпячивались, нужен определённый ракурс, соответствующее освещение. Всё это является элементами постановочного снимка. А в "моментальных", репортажных снимках всё это невозможно осуществить, можно надеяться только на удачу, которая приходит с опытом.

Этот эпизод закончился вполне миролюбиво. Через какое-то время ко мне подошел Валера и сказал: "Пойдем, Мила приглашает тебя на обед!" Наверное, она хотела загладить возникшую неловкость. Мы перешли из театра в их квартиру, благо для этого надо было только пересечь лестничную площадку. Готовила Мила хорошо. Обед

получился вкусный, обстановка была очень доброжелательной. Мы говорили о жизни, о театре да и вообще обо всём на свете. Вот так и началось наше близкое знакомство, перешедшее в тесные дружеские отношения. "Театральным фотографом" я был не очень долго, но и после этого часто посещал "Экспромт", а ещё чаще их дом, а наши дружеские отношения сохранились вплоть до смерти Милы.

У Милы было много талантов. То, что она талантливая артистка, знают все. Что она талантливый поэт, писатель, музыкант и известный бард знают меньше. Но ещё меньше людей знают, что она была и талантливым зрителем. Когда был жив Валера, да и сама она передвигалась ещё без коляски, то на спектаклях в театре "Экспромт" они, как правило, сидели в правом углу последнего ряда. Обычно они занимали места, когда спектакль начинался, поэтому их появление проходило незаметно. Когда я бывал по их приглашению на спектаклях (а это бывало довольно часто), сидел вместе с ними, и мог наблюдать их реакцию на происходящее на сцене. Валера был сдержан и редко выражал свои эмоции. Но Мила, напротив, "погружалась" в спектакль и живо реагировала на всё. Вот начинается спектакль, и Мила забывает про нас. Она там, на сцене. Волнуется, переживает. Радуетса и смеётся, когда у артистов всё получается. Или тихо ворчит, когда что-то не нравится. Однажды я поймал себя на том, что слежу уже не только за тем, что происходит на сцене, но и за тем, как она это воспринимает. Вскоре замечаю, что не только у меня раздваивается внимание. Сидящие в непосредственной близости зрители также прислушиваются и тихонько наблюдают за её реакцией. И начинают её поддерживать. А потом за ними и все остальные. Так, сама того не подозревая, она уже определяет реакцию зала на происходящее на сцене.

Кстати, об этой её способности погружаться в происходящее на сцене она сама писала в своей книге "Счастлирое время". Вернувшись из гастрольной поездки с театром Н. Сац, где она тогда работала, она увидела спектакль "Вечно живые", сыгранного её однокурсниками в постановке О.Ефремова, с чего собственно и начался "Современник". Вот её ощущения от спектакля: "Я плакала, **абсолютно веря во всё происходящее на сцене**, и навсегда полюбила этот театр." Меня это поразило: перед тобой на сцене твои друзья-однокурсники, с которыми тебя связывает многое в жизни, а ты видишь не их, а героев пьесы В.Розова. Это какая-то магия! Вот это умение погружаться в театральное действие есть особый талант прежде всего самого артиста, и мне кажется, что он присущ всем большим артистам. Может быть, и Станиславский говорил своё знаменитое "Не верю!", если происходящее на сцене его не захватывало и он не погружался в него?

Это сродни детскому восприятию театрального действия. Недаром во время спектакля дети активно участвуют в том, что происходит на сцене, подсказывая герою о

грозящей ему опасности. И не случайно говорят, что детей (как и животных) невозможно переиграть, потому что они "живут" на сцене во время спектакля, хотя и сидят в зале.

Вот этим талантом Мила обладала в полной мере и как актриса, и как зритель. А зрителем она была не только талантливым, но и благодарным, обязательно хваля артистов за хорошую работу. Не раз она говорила Валере и мне: "Крикните "браво"! Что вам жалко что ли? Ведь хорошо сыграли, похвалите же их!"

В.Шарапов с Л.Ивановой и В.Миляевым дома на обеде.

Перефразируя слова известной песни, у неё вообще была "святая к театру любовь", какая-то сакральная привязанность. Вспоминается такой случай. Перед спектаклем я зашел к ним в гости, и мы посидели немного в кухне. Потом Мила ушла в театр пораньше, чтобы перед спектаклем что-то обсудить с артистами, и сказала, что будет ждать нас там. Ближе к началу идём и мы. Валера не стал переодеваться и пошел в домашней одежде. Говорит, что и так сойдёт, посидим в уголке, где нас не будет видно. В зале в последнем ряду с краю сидит Мила. Мы хотели пристроиться рядом. Но увидев нас, она напустилась на Валеру. «Ты в чём пришел? Это же театр!! Давай немедленно иди переодевайся!». Не слушая его возражений и оправданий, прогоняет его. Он, немного обиженный, ушел, но вскоре вернулся уже в брюках, ботинках и пиджаке.

Она так любила театр, что для неё придти в театр в домашней одежде было кощунственно, даже если тебя никто не видит.

Глава 5. О личном

И. Миляев: Мой папа бард и физик (из книги Л.Ивановой «Когда я буду снова молодым»).

Моя дочь в детстве считала, что есть всего несколько профессий: художник, актриса, детский врач и физик. Я спросил: «Кто такие физики?» и услышал в ответ: «Это хорошие люди, которые всё могут». Довольно ёмко. А в моём детстве, кроме детского врача, были артисты и физики. А когда физики брали в руки гитары или читали стихи, а это на моих глазах они делали регулярно, то ребенок вообще не чувствовал грани между двумя профессиями.

Конец 50-х – начало 60-х было временем оттепели и надежд. У нас это было связано с приходом Н.С. Хрущёва. Но теперь мы знаем, что во всем мире происходили большие перемены.

В 1956 году открылся легендарный театр «Современник», куда в 1957 году пришла моя мама - актриса Людмила Иванова. А ещё папа писал замечательные стихи и песни. В студенческие годы они вместе с Валерием Канером написали оперу «Архимед», которая имела огромный успех и до сих пор идёт на физфаке МГУ. В 1961 году представление посмотрел Нильс Бор и заявил: «Если студенты делают такие замечательные спектакли, физика у них точно получится, и за её будущее я спокоен».

Е. Фиштик:

О Дачи! Святые места любимого мужа Людмилы Ивановны. Там побывали все друзья Ивановых-Миляевых. Мы часто ездили на ближнюю дачу под Москвой, которую Валерий Александрович сам построил.

Людмила Ивановна обычно звонила мне с вечера и приглашала всю семью. Мы заезжали за ними, а когда приезжали на дачу, там уже нас встречали сыновья Людмилы Ивановны и Валерия Александровича - Ваня и Саша с их семьями. Получалась большая, теплая компания. Застолье, и конечно же, песни под гитару, на которой играли все.

А вечером банька и посиделки у камина. И свежий воздух в сосновом дачном поселке просто сводил с ума. В такие минуты Людмила Ивановна начинала расхваливать мужа. А и правда, дачи - это хобби Валерия Александровича. Построив одну дачу, он тут же задумывает новую. Таким образом, он выстроил три дачи. Еще одна в селе Шишкино под Тарусой, и еще одна в Крыму.

А как он умилялся и гордился, что увлечением его внука, Тришки, с самого детства было строительство. Однажды, он даже топор 6-ти летнему внуку подарил на день рождения. Мы долго смеялись, а Тришка был рад.

"Гений! Слышишь, Валерик, ты у меня гений!" - именно так и очень часто говаривала Людмила Ивановна своему мужу.

Он расплывался в улыбке. Идиллия!

Дорогое хобби - строить дачи, но это был кайф для Валерия Миляева! Благо, что жена смотрела на это весьма умиленно и даже поощряла. Людмила Ивановна Иванова, очень и очень любила своего мужа, говорю вам, как человек, который хорошо и долго, не только знал эту семью, а плотно, ежедневно, а иногда и круглосуточно общалась с ними, и как друзья, и как член творческого состава. Она могла ему простить многое, и прощала.

Сказать, что так уж всегда ей хотелось ехать на дачу, не могу. Иногда она мне звонила и говорила: "Лен, составь компанию, Валерий хочет на дачу, давай сделаем ему приятное, прогуляемся туда и обратно!" Я часто бывала у них на дачах. Валерий Александрович там просто расцветал. Он тут же, как настоящий хозяин начинал бегать, суесться, предлагал баню истопить, ему все было в удовольствие.

А мы с Милочкой - как принцессы; если это лето - то в саду слушаем птичий хор, если зима - нежимся у камина. Правда, он умел создавать уют и атмосферу!

Н. Тиме:

Осень глубокая, снег припорошил землю. Мы едем на дачу к Валере Миляеву под Сергиевым Посадом. Заезжаем за ним к дому (около театра «Современник»). Дом огорожен забором, идет кап. ремонт. Миляев грузит на багажник грязные доски со стройки. Оказывается, ГАИ имеет право инспекции – откуда строй-материал - и В.М. запасся справкой из домоуправления, что доски – строительный мусор. Потом на даче он их отстругивал и получались замечательные доски для всего. На совершенно голых садовых участках стояло 2-3 сарая. У Миляевых дом был просторный, он купил его в Загорске на вывоз и собрал на садовом участке. Внутри была печь и сразу пришли замерзшие соседи: дама из актрис Современника и муж Лили Толмачевой, - поэт, говорят хороший, но красавец мужчина бесспорно.

Два Валеры построгали доски и прибили их к потолку.

Потом, когда у Миляевых появились еще 3 дачи, на мое удивление он ответил: я люблю строить, а остальное меня не заботит.

Как-то летом поехали к Миляевым в Тарусу. Ехали двумя машинами. Валера Миляев с сыном Сашей,я (за рулем), Валера Канер и моя дочь Лиза. В дороге застал

страшнейший ливень с грозой. Вынуждены были остановиться и выбрали самое низкое место как самое безопасное. Миляев любил объяснять физику явлений.

Домик под Тарусой был крошечный, границ участка не было. Поместиться в нем мы все не могли и Мила смотрела на нас с грустью. Но когда я достала из машины большую кастрюлю с пшенной кашей с тыквой, она повеселела. Это была наша первая встреча. Мила приняла меня в свой круг, хотя, как выяснилось позже из ее мемуаров, она с опаской относилась к женам Валеры Канера. Дети наши, почти ровесники, играли и вдруг я вижу: Лиза стоит у забора с яблоком на голове, а Саша стреляет в нее из самодельного лука. Я бросилась спасать дочь, а Миляев пытался вразумить юного Робина Гуда, почему этого не нужно делать.

В Москве мы несколько раз бывали в гостях у Миляевых на старой и новой квартирах. Обычно Мила просила Валеру Канера послушать ее новые стихи. Валера всегда одобрял ее творчество и очень нежно относился к ней. И Мила любила его и иногда просила помочь в обустройстве новой квартиры (по мелочам).

В экстренных случаях Канер обращался к Миляеву. Однажды Миляев вез меня из одной больницы в другую после эвакуации клиники из-за предупрежденного теракта зимой 1993 года. Он же перевозил Канера из туберкулезной больницы в Центр радиологии.

Миляев всегда участвовал в организуемых мною вечерах памяти Канера. Читал стихи. Советовал – чередуй жанры выступлений. Говорил – на сцене сделаю все, что хочешь, но уволь от организационной работы - не люблю.

В каждом своем выступлении, когда речь шла об опере Архимед, Миляев говорил о своем соавторе. Особенно это воспринималось с благодарностью в течение многих лет, когда Канера с нами уже не было.

В. Недорезов:

Как-то на Миляевской даче под Загорском, обшивая веранду тесом и общаясь друг с другом, мы обсуждали разные темы. Миляев как обычно был замкнут и молчалив. Но вечером состоялся большой вечерний костер, на котором я впервые увидел вместе и сразу столько артистов. Больше всего запомнился цыганский хор. Артисты были в своих цыганских нарядах и выступали здорово. И тут Валера представил меня всей публике как бывшего бойца студенческих строительных отрядов и сказал, что я - единственный человек, который до конца знает слова песни «Весна наступает». Эта песня популярна до сих пор, но тогда ее пели как бы под запретом, как и всю «камерную лирику». Мне

пришлось спеть эту песню от начала до конца под цыганскую гитару и выслушать аплодисменты в свой адрес.

Я думаю, популярность этой песни связана с тем, что она хорошо отражает дух того времени. Сейчас эту песню в авторском исполнении Аркадия Северного можно услышать в Интернете, а тогда ее передавали только из рук в руки. Возможно поэтому, и слова и мелодия, немного отличаются от авторского варианта. Миляеву, который бывал на целине, эта песня тоже нравилась, поэтому я считаю уместным привести здесь слова этой песни в том виде, как мы пели ее тогда и поем теперь.

Весна наступает как в сказке старинной.
Звезды, луна, голубой небосвод..
Как хочется слышать напев соловьиный
И видеть богатые виды природ.

Давай же с тобою подружим немного,
И сердце мужское ты лаской согрей.
Оно заблудилось, не зная дороги,
А ну не молчи, отвечай поскорей.

Ответить не можешь, пришли пару строчек,
А может, ты занята с кем-то другим,
А может, ты знаться со мною не хочешь,
Давай по серьезному поговорим.

Прими во вниманье, что я заключенный,
Но чувства мужские томятся в груди.
А я утомленный тоской и неволей,
Осталось немного еще впереди.

Уральские горы давно надоели.
Как хочется видеть сады, города.
Как хочется слышать напев соловьиный,
А там распрощаться с судьбой навсегда.

Весна наступает и все оживает.
И птицы в родную сторонку летят.
А ветер весенний всю кровь разгоняет,
Когда слышу звонкие песни девчат.

Тема студенческих строительных отрядов почти не затронута в этой книге, хотя Миляев был ее активным участником и много писал о ней в своей книге «Ласкающийся еж». Вспоминаю об этом в связи с юбилейными мероприятиями : ССО-50 лет.

В. Рукавишников.

Песни Валеры Миляева студенты всех московских институтов пели в походах и на вечеринках. Я впервые песню «Убегу не остановишь...» услышал в начале шестидесятых

годов. Позднее мы его песни пели в стройотрядах, особенно активно в отряде в пос. Озерновский в 1976 году, когда в отряде оказалась участница многих поездок университетских агитбригад Кнарик Агаджанян. Она же приучала нас к песне Валеры Канера «А все кончается».

И в этом же году я имел шанс близко познакомиться с Валерой Миляевым, когда Валера Чечин и Валера Канер пригласили меня поехать к Миляеву на дачу, что бы помочь в строительстве дома. «Кормить нас будет народная артистка Мила Иванова, жена Валеры» - уговаривали меня. Но я не смог поехать по семейным обстоятельствам и впервые увидел и услышал Миляева на встрече физиков в доме культуры Курчатовского института. Читали стихи и пели песни известные университетские барды, показывали сцены из Архимеда, а Валера, когда ему предоставили слова, сказал с десяток фраз, которые он когда-то придумал. Все они

С Валерой Миляевым у меня было мало встреч, но все они запомнились. Однажды он пообещал связать нашу строительную команду с знакомым председателем колхоза, где была дача Миляева, по вопросу возможного строительства в колхозе детского городка. Накануне мы с Канером немного расслабились в доме на Курсовом переулке, поздно заснули и утром были разбужены звонком Валеры, что надо ехать. Мы приехали к Миляеву в дом «на первой мещанской в конце». Валера сам был необычным человеком и квартира его тоже оказалась необычной - в небольшом коридоре внутри квартиры было окно во двор, что придавало помещению какую-то фундаментальность. Сели в машину и поехали под Загорск. У нас с Валерой болела голова после вчерашнего, но приходилось терпеть и участвовать в разговорах. Когда приехали на место и переговорили с председателем колхоза (не удачно),

Миляев открыл капот багажника и там было несколько бутылок пива. Сам он был за рулем и пиво было приготовлено для нас. Это было чудесно. В тяжелые девяностые он с Валерой Канером приехали ко мне, немного закусили и Валера Канер от имени Миляева попросил заключить договор по молекулярной эпитахии с ИОФАНОМ, что бы поддержать ученых. Я выяснил у Валеры подробности работы, но в ту ужасную пору бюджетные деньги разделялись между своими или требовали откаты. Именно последнее не удалось, к сожалению, оформить и договор не состоялся. Через десять лет откаты прочно вошли в нашу жизнь, а тогда это было чудовищным явлением.

Вспоминается вечер, посвященный пятидесятилетию Валеры. В небольшом зале театра Были представители агитбригады 0. Зубкова, В. Козлов, С. Крылов, Сергей Никитин, Геннадий Иванов, Сергей Пулинец, Сергей Семенов, А. Кессених, Д. Гальцов С. Ковалева, В. Чирков и другие. Висел плакат, изображающий трех богатырей на конях с

лицами Кессениха, Канера, Миляева. Теплая атмосфера, песни и сцены из спектакля Доходное место с музыкой Валеры Миляева.

Валера был скромным человеком, предпочитая даже в минуты славы оставаться как бы в тени.

В. Недорезов.

К сожалению, Миляев редко отмечался на многочисленных встречах ветеранов ССО. Может быть, это было связано с тем, что он ездил на целину и комсомольские стройки еще до того, как организация ССО вышла на правительственный уровень и приобрела общесоюзный характер. Первым командиром всесоюзного ССО в 1958 году стал Сергей Литвиненко. Недавно с помощью друзей он написал об этом отдельную книгу, которая скоро выходит в свет.

*В. Миляев, В. Кандидов в большой физической аудитории, 50 – лет ССО.
25 октября 2008 г.*

*В. Миляев, В. Письменный, С. Пулинец, Н. Зотов на праздновании 50-летия ССО
БФА, физфак, 25 октября 2008 г.*

*В. Миляев и С. Щеголькова
На ступеньках физфака МГУ.
25 октября 2008 г.*

*В. Миляев, А.Беляев, В. Ефимков, Т. Красильникова, М. Глушков, А. Логгинов, Н.Чекалин,
С.Чекалин на банкете 50 лет ССО в столовой МГУ, 25.10.2008.
(из архива С.Чекалина)*

Иногда мне доводилось бывать у Миляева дома на квартире рядом с театром Современник. А в театр «Экспромт» можно было попасть, не выходя из квартиры. Окна в его комнате, распложенной на первом этаже, всегда были завешены шторами и Валера говорил: ну вот, - это моя берлога. Между окнами висел большой экран современного телевизора и он как бы служил окном во внешний мир.

В 1992 году мы поехали на хутор в Эстонию с Наташей Тиме встречать новый год. Хозяйкой хутора была Лидия Павловна Стрелкова, ее мама. Кстати, она была известной личностью на физфаке и написала книгу « Воспоминания в московском университете», М. 2003». Здесь нет опечатки: это воспоминания В , а не воспоминания О, так и было.

Моя семья была в полном составе, а Валера был с младшим сыном Сашей. Мила пришла проводить их на поезд Москва - Таллин с наставлениями и продуктами. От станции Печоры, где останавливался поезд, ехали на местном автобусе, который долго кружился между хуторами и наконец высадил нас на маленькой остановке посреди большого поля. Было холодно, а снегу было мало. Потом около километра шли пешком до большого бревенчатого дома, окруженного садом и забором. В доме было две больших комнаты, в одной из них стояла высокая круглая железная печка, которую сразу начали топить. Но за дровами, точнее за хворостом, приходилось ехать на санках в лес вдоль по ручью, а потом через горку. Мужчины делали это по очереди. Но времени на отдых было много, ночи стояли очень длинные.

Днем катались на лыжах, главным образом, по просекам и старым лесным дорогам. Однажды попались следы какого-то большого зверя. Долго обсуждали, кто бы это мог быть. Сошлись на том, что это была рысь.

Вечером разговаривали, играли в карты, крутили пластинки на радиоле и танцевали. Миляев большую часть времени лежал на диване и читал старую подшивку журнала «Наука и жизнь». Заводилой активной жизни был Канер. Однажды он устроил баню, которая стояла отдельно, в низине. На новый год Канер, как всегда, был неистощим на выдумки. Рисовал стенгазету, писал поздравления. К сожалению, почти ничего не сохранилось.

Однажды мы собрались поехать к дяде Федору, брату Лидии Павловны. Он жил на хуторе в пятнадцати километрах отсюда и попросил помочь напилить дрова. Валера Канер пошел к соседу просить лошадь. Он привел лошадь домой и поставил во дворе. Но лошадь чего-то испугалась, взбрыкнула и помчалась к себе домой. Ее хозяин – старик-эстонец, посмотрел на Канера и сказал: «Москва что умеет ? – Курыть только». И сам

взялся нас отвезти. Лошадь неслась очень быстро и низкие розвальни, где мы сидели рядком, забрасывало снегом из под копыт. Мороз и быстрая езда запомнились надолго.

С. Щеголькова:

Наша первая студенческая группа продолжала встречаться и после окончания университета. Сначала мы собирались на московских квартирах. Валера приходил на все встречи. Все чувствовали себя свободно, шутили пели песни. Я очень удивилась, услышав однажды от Милы, что Валера очень волновался, собираясь на встречу и спрашивал её: «Наверно надо будет что-то рассказать. Что?». Мила его успокоила: «Скажи, где работаешь, чем занимаешься, какая семья».

Встреча курса. Апрель 1996г.

В. Миляев, Ю. Шубин, Л. Киселева, С. Щеголькова, В. Варнин, Е. Губочкина

Вскоре наши встречи стали проходить у Валеры на даче, которую он только что построил. К стандартному дому он пристроил вдоль боковой стены большую просторную террасу, где мы собирались. Но самой большой гордостью была баня. Валера тщательно готовился, наводил порядок в доме и бане. Здесь, как хозяин, он был активен, поддерживал хорошее настроение. Он с удовольствием демонстрировал камин собственной конструкции. Делал он камин (на всех своих дачах) из деталей выброшенной аппаратуры и других ненужных вещей. Валера рассказывал, что первые

камины имели различные недостатки, которые он со временем устранил и впоследствии довёл конструкции до совершенства.

Валера брал на дачу гитару и под его аккомпанемент мы все дружно пели. Таких встреч на даче прошло много и осталось много прекрасных воспоминаний и фотографий. С уходом Валера мы больше не встречались.

Вспоминаю ещё одну поездку на дачу в 2000-м году. После репетиции оперы «Архимед» (Валера был одним из инициаторов восстановления оперы) предложил поехать к нему на дачу мне, Степану Солуяну и Любе Богдановой. На дачу приехал также Прохоров с дамой. Милу Валера отвёз на дачу ещё утром. Готовили на природе шашлыки и, конечно, была предложена баня. Мужчины с удовольствием попарились. В память об этой замечательной встрече сохранились фотографии:

*У машины на даче:
Таня Макушкина,
Валера Миляев,
Светлага Щеголькова,
Анатолий Карасев,
Володя Фетисов*

*В гостях у Юрия Шубина
в Обнинске.
Слева направо:
Валя Шубина,
Света Щеголькова,
Валера Миляев,
Юра Шубин,
Тана Макушкина.*

*Люба Богданова,
Мила Иванова,
Света Щеголькова,
Кирилл Прохоров*

*На даче. Встреча
117-ой группы.*

М. Некрасова:

Дружба с семьей Людмилы Ивановны Ивановой и Валерия Александровича Миляева подарила мне много счастья! Первое, что я вспоминаю, когда думаю о Валерии - как мы вместе поехали в Крым покупать дачи. И как он привез меня на гору Тепе-Оба, и мы сразу восхитились красотой места, и приняли решение, что надо здесь обязательно что-то найти! Только не знали, как с этой горы спуститься к морю. Приехали-то мы по верхней дороге, и как мы туда забрались, так никогда мы потом понять и не смогли, потому что этим путем больше никто и никогда до меня не добирался. Так что Валерий Александрович обладал талантом прокладывать свой таинственный путь в жизни.

*В Крыму на даче у В. Миляева.
Рядом с Валерой Людмила Иванова и режиссер Владимир Байчер*

А когда я снимала свой первый фильм и притащила к ним на дачу четырех артистов-студентов, да еще оператора с осветителем, Валерий Александрович на своем «жигуленке» исколесил с нами половину Восточного Крыма в поисках нужной природы. И тоже, как нашел этот старый заброшенный аэродром, и как отсняли мы там, с крыши его автомобиля, бегство героя, так с тех пор никогда мы больше того места не видели, хотя, кажется, проезжали по тем же дорогам много раз, но место это без него больше не открывалось нам.

Так что для меня он безусловно - Друг-первооткрыватель!

И. Егорова:

Однажды Мила пригласила нас с Крыловым на спектакль «Старшая сестра». В этом спектакле была занята Людмила Гурченко. Это был сложный период ее жизни. Ее мало снимали и в театре она была не на главных ролях. А с Милой они, видимо, дружили. В спектакле у нее был один эпизод с небезызвестной цитатой: «Доброе слово и кошке приятно».

После спектакля мы встретились с Валерой, Милой и Гурченко. Тогда «Современник» находился на площади Маяковского, а Гурченко жила недалеко на Садовом Кольце. Стояло жаркое лето, день был долгий, и было совсем светло. По дороге зашли в магазин, что-то купили. Мои спутники возбужденно обсуждали всякие проблемы, а я шла рядом, внимательно слушала. Были мысли, что уже поздно, и мне бы пора домой, ведь родители не предупреждены. Но разве я могла покинуть эту звездную компанию? Поэтому я помалкивала и продолжала путь.

И вот мы зашли в огромную по моим понятиям квартиру, когда было около 11 вечера. Сразу на кухню, хозяйка разлила шампанское. И тут в дверь зашла маленькая девочка, подошла к столу и потянулась ручкой за наполненным бокалом! «Ты что, Маня, тоже хочешь? Ну возьми, попробуй!» Я остолбенела, ведь ей не больше 6 лет! Мы с ней разговорились. Она ходит в садик, когда одна, а когда и нет. Я сделала ей какой-то бутерброд, и она, так же тихо как пришла, растворилась в этой квартире.

Ну а мы пошли в гостиную, Гурченко села за пианино. Оказывается, она скоро должна ехать на гастроли по стране, и ей надо подобрать интересную программу. Гурченко исполнила то, с чем она собирается ехать в глубинку, где ее любят и ждут. А дальше барды в лицах Миляева и Крылова стали демонстрировать ей свои сочинения. Гурченко очень оживилась, ей явно песни нравились, и она начала их подбирать и разучивать.....

О времени никто не вспоминал, обо мне все забыли. И тут я поняла, что это на всю ночь, а в Москве транспорт уже не ходит, денег на такси у меня нет, дома родители с ума сходят, а спросить, где телефон, я стесняюсь, обстановка не позволяет. Я с трудом вклинилась в бурное обсуждение и напомнила о себе. Джентельмены сразу вникли в проблему, и сказали, что ненадолго отлучатся.

И чем же закончился этот необыкновенный вечер, который я буду помнить всю свою жизнь!

Мы вышли на пустынную улицу Горького, Валера и Сергей продолжали энергично обсуждать концертную программу Гурченко, забыв о том, что они на ночной улице. Но все же через какой-то момент спохватились и стали ловить машину. Сердце мое ушло в пятки, когда перед нами остановилась машина, не такси, открылась дверь. В салоне за рулем и рядом сидели два кавказца, отец и сын. Им объяснили, что меня надо доставить по адресу (район метро Университет), дали денег, развернулись и... пошли. А мне ничего не оставалось как залезть в салон на заднее сиденье. Я даже пикнуть не успела как машина сорвалась с места.

Сколько мыслей сразу пронеслось в голове. Что же обо не могли подумать эти кавказцы? Два мужика засунули девчонку в машину и сразу ушли. А вдруг у них недобрые мысли? Может это последние минуты моей жизни? Ведь никто не знает, где я, с кем я. Как же мои звездные спутники меня вот так бросили? Пока я так себя пугала, машина благополучно доехала до моей улицы. Кавказцы, наверно, поняли, какие жуткие мысли у меня в голове, и не разговаривали со мной. Машина подъехала к дому, и я, поблагодарив их, пулей умчалась в подъезд.

Только оказавшись на своем пороге, появилась мысль: а запомнили ли мои провожавшие хотя бы номер машины? Оказалось, что НЕТ. Ведь они были так увлечены обсуждением программы концерта, где будут исполняться наши физфаковские песни и их в том числе! Их услышат в глубинке и далеко от Москвы. Ведь это здорово! Мы все об этом мечтали!

Прошло много лет.... А я всегда вспоминаю этот вечер с большой теплотой и благодарностью. Для меня молоденькой девчонки это был незабываемый фееричный вечер. Я

осталась жива, никто не покусился на мою честь, и я провела вечер в компании самых замечательных людей на свете!

В.Фридман: из книги «Ласкающийся ёж».

Когда мы праздновали 70-летие академика Миляева, ничто не предвещало нашего расставания. Я написал поздравительные вирши юбиляру, понятные, думаю, только тем, кто близко знал его. В них упоминались три его известнейшие песни: «В тумане теплится восход» (Дон-Кихот), «Убегу, не остановишь» (Я нелепое сокровище – ласкающийся ёж), и знаменитое «Весеннее танго»:

Академику Валерию Миляеву к юбилею-70:

*Товарищ мой, собрат по Alma Mater,
(А также и по некоторым спорным,
Простительным по сути, увлечениям) –
Вступает в пору зрелости неспешно.*

*И в день очередного юбилея
(которых, полагаю безусловно,
Немало мы отпразнуем совместно)
Попробуем осмыслить сей феномен.*

*Перед глазами – образ романтический,
И трогательный, и непримиримый,
Идальго Безупречного, в тумане
Плещущегося к цели недоступной.*

*За ним бредет Ласкающийся Ёжик,
Оруженосец верный и нелепый –
И это (понимаете, конечно)
Две грани поэтической натуры.*

*Другая сторона его таланта –
Могучий ум натуро-философа:
Он охватить старается пространство,
Растолковать всё сущее в природе.*

*Среди открытий – главное, пожалуй, –
Теория латентного явления,
Которое коварно ускользало
От взора искушенной и пытливой
Научников настойчивых когорты.*

*Итак – рекомендую юбиляра:
Валерий Александрович Миляев!
Поэт и бард, мыслитель и ученый –
Открывший парадокс релятивизма:*

Он первым сообщил – Приходит Время!

декабрь, 2007 г.

С. Щеголькова: дополнение к штрихам портрета.

Я пригласила Валеру Миляева в Сокольники на выставку «Строительные материалы», организатором и директором которой была моя дочь Татьяна Рузавина. Выставка занимала несколько павильонов. Валера был поражён таким обилием интересных для него вещей и удивлялся, как такая хрупкая женщина может все это организовать.

На выставке он купил два водонагревателя для дачи. Продавцу с гордостью сказал: «у меня жена Людмила Иванова - народная артистка».

Дома с восхищением говорил: «Мила, Светина дочь такие потрясающие выставки делает».

«Да»,-сказала Мила, обращаясь ко мне: «Всю свою зарплату он тратит на деревяшки». Какое удовольствие было для Валеры превращать эти деревянные бани, собираться там с друзьями и иногда « уехать на три дня ...»

Открытость и непосредственность, способность к состраданию, сопереживание - это Валера. Он был строгим ценителем искусства и в то же время очень чутко воспринимал его, особенно поэзию и музыку

Однажды, на даче у Валеры мы сидели втроём тихо беседуя. Вечерело. Я спонтанно прочитала стихотворение Марины Цветаевой. Видимо, Валере оно раньше не попадалось. Он замер, широко раскрыв глаза и почти не дыша, прослушал до конца.

В театре «Экспромт» шёл спектакль -концерт. Молодая актриса исполняла лирическую песню 70-х годов. В зале свет был приглушен. Я повернула голову к Валере и увидела, как по крутой мужской скуле скатывается слеза. Он заметил и сказал: «Как хорошо она поёт». Вот такое отзывчатое сердце. В нем не было злобы. Будучи свидетелем какого-либо грубого высказывания или несоответствующего поведения, он с каким-то грустным выражением, морщась, говорил: «Зачем он (она) так ?»

Он был интересным собеседником, спектр его увлечений был широк, но о своих трудностях и неприятностях он почти никогда не говорил.

А. Прохоров.

Небольшая элегия Валерию Миляеву и «Большая элегия Джону Донну»

«Джон Донн уснул, уснуло все вокруг...»

Где-то в конце октября 2011 года мне неожиданно позвонил Миляев....

Неожиданно – потому что, хоть за последние годы мы с Валерой подружились и разговаривали почти на равных (с моей стороны), - я какой-то подводной глубиной своего организма всегда смутно, но значимо чувствовал: он из какого-то другого мира... Да, он из той же плоти и крови, и, наверное, изредка даже ест мясо, НО – вся его жизнь протекает где-то в параллельной реальности – там, где живут Ландау и Копылов, Капица-старший и Турчин и другие боги античного Физфака. Он сейчас протягивает мне руку, он сейчас со мной разговаривает, и хоть в этом – уже с его стороны, - нет ни малейшего высокомерия, я-то чувствую эту высоту, я-то её меряю!

Поступив – вернее, с трудом просочившись, на последнем проходном балле, - на физфак, а через полгода – после испуганно-истерически переживаемой первой сессии, - и в «Архимед», я понял, - точнее, какими-то кишками ощутил! - что попал куда-то не туда. Вернее, туда-то туда – туда, куда я хотел, мечтал, грезил, - но все равно ощущение нереальности физфаковско-архимедовской реальности не проходило.

Это не был мир теней, каким нам должен был бы показаться Аид, если бы мы пошли сдавать сессию туда. Это был «Аид наоборот»: я сам был бесплотной тенью, скользившей глубоко внутри конденсировано-материальных – аж до мраморности стен, аж до гигантских скульптур академических богов, рассаженных в пустых и тесноватых им античных залах второго этажа Главного здания, - интерьеров. И эта сугубая - до ошупи и одури!! – материальность дворцовых стен МГУ в моей пошатнувшейся чувственности склеивалась с фантастически пышным убранством дворцов Людовика Баварского в соответствующем фильме миланского патриция и коммуниста дона Лукино Висконти ди Модроне, графа Лонате Поццоло, синьора ди Корджело, консиньора ди Сомма, Кренна и Аньяделло.

Стесняясь своего плебейства и, возможно, какой-то сексуальной страсти к мрамору, я – проходя в столовку, в общежитие или на лекции мехмата в Б-1/Б-2, - всегда старался забежать на второй этаж, к Богам, в пространство олимпийского спокойствия, дворцового полумрака и такой тишины на вершине горы Олимп, что даже бог Ветра (как же его звали там, в настоящей Греции? – Ах, да, Эол!) слегка испуганно подбирает полы своей развивающейся ветреной одежды, чтобы не разбудить Зевса, задремавшего после богатого обеда в профессорской столовой. Потому что на Олимпе должна стоять полная тишина... Вот мы там вдвоем и стояли, – я и полная тишина, - переходя от одной скульптуры к другой, рассматривая серую или темно-красную яшму их постаментов и – главное! – забыв о времени, брэнности, толпах студентов этажом ниже и скудном студенческом обеде двумя этажами ниже, где-то уже в преддверьях Аида, ниже которого – только студенческий бассейн и технические помещения, тоже отделанные мрамором...

Таким же богом для меня был и Валера Миляев, один из «Трех поэтов физфака: Канер, Миляев и Кессених », к которым - как к «Трем мушкетерам»! - потом нагло втерся мой почти-современник и почти-друг Гена Иванов. Такой д'артаньянистый, что три скромных небожителя и служителя физической Музы (с характерным греческим именем Теорейя) даже не успели задуматься: а кто он, собственно, такой? а что он тут, у нас на Олимпе, делает? – как Гена уже был среди них... Я думаю, это произошло потому, что он вовремя запел «Когда на небе огонь погас...». Всем ведь и всегда было ясно, что в исполнении Гены – это не песня, и даже не вакхический гимн. Это – сеанс гипнотического транса и больше к этому определению добавить нечего.

...Так вот, когда мне позвонил Валера, он сказал: «Я вчера в интернете случайно наткнулся на сообщение о том, что выпущен двухтомник Бродского - тот самый, который собирал Лев Лосев. Слушай, ты там вертишься среди разных кругов. Ты бы не мог его мне достать?».

Кто такой Лев Лосев, я не знал, но сразу смутно заподозрил, что этот не тот Лосев, яркими сценами разврата ренессансных мастеров, герцогов и дождей в книге которого «Эстетика Возрождения» я зачитывался в студенческом пубертате. Бродского я, естественно, знал, но больше, чем с парой десятков его стихов, я знаком не был. Хотя эта пара десятков мне нравилась. Я даже не знал его теперь знаменитое среди меня стихотворение «Пристань Фегердала» (1993), которое я не могу не привести здесь хотя бы потому, что, быть может, вы не все его так хорошо помните:

(Напоминаю, что Бродского необходимо – просто НЕОБХОДИМО! – не читать глазами, - как мы, физики, привыкли, - а прямо-таки декламировать про себя, проживая всем телом этот раскачивающий тебя ритм, эти открыто режущие и собирающие тебя созвучья. А потом вдруг ахнуть, обнаруживая еще и виртуозную игру СМЫСЛОВ.)

Деревья ночью шумят на берегу пролива.
Видимо, дождь; ибо навряд ли ива,
не говоря — сосна, в состояньи узнать, в потемках,
в мелкой дроби листа, в блеске иглы, в подтеках
ту же самую воду, данную вертикально.
Осознать это может только спальня
с ее опытом всхлипывания; либо — голые мачты шведских
яхт, безмятежно спящих в одних подвязках, в одних подвесках
сном вертикали, привыкшей к горизонтали,

комкая мокрые простыни пристани в Фегердале.

Сам факт, что сам Миляев обратился ко мне с просьбой – КАКОЙ, уже совершенно неважно, это - мелочь, на которую и внимание-то обратить уже просто не получается, поскольку все пространство сознания под завязку заполнено самим фактом, что с просьбой ко мне обратился сам Миляев, - неожиданно для меня поставил меня же в стойку немецкой сторожевой, а может, русской гончей, когда она откуда-то понимает, что сейчас на неё смотрит весь собачий и человеческий мир, поскольку хозяин только что похвастался ею своей своре гостей, понаехавших к нему на большую охоту за маленькими и беспомощными зайцами.

Понятно, что я тут же бросил всё, чем занимал свое время, и принялся искать, где можно найти этот двухтомник. Надо сказать, что я - в отличие от Валеры – не «книжник», который живет книжками, знает, где что выпустили, и где что можно достать. Тут никак нельзя не вставить фразу воспоминания о самом сумасшедшем книжнике из моих друзей – тоже Валере, Валере Рузине. Человеке странных жизненных путей сообщения, которые каждые лет десять, вновь и вновь, неожиданно и сумбурно пересекаются с моими железными дорогами жизни. В 70-ых на его полустанках, в его станционных буфетах засиживался не только я, но и весь «Архимед», включая аж саму Эльвиру! Вот, две фразы воспоминаний о Рузине я вставил, и это почему-то сразу перекинуло меня обратно, к паническим размышлениям: где же мне достать этот двухтомник?? Ведь его же теперь нельзя не достать!!

Я бросился – просто реально бросился, словно через 10 минут мне бежать стометровку на очередной Олимпиаде, а еще кроссовки не собраны, трусы не стираны, нагрудный номер от прошлой Олимпиады куда-то делся, и главное: олимпийские Боги не оповещены!! – к компьютеру и стал набирать слова «Бродский», «Лосев», «двухтомник» в разных комбинациях. И вдруг, где-то через пару часов, одна комбинация сработала, сейф открылся и я прочел запись какого-то частного букиниста из абстрактного Липецка или, не дай бог, Стерлитамака, что оно у него есть!! Я не помню, списывались мы с ним или созванивались, но помню, что в последнюю секунду договоренностей мне в голову стукнуло спросить его, а сколько экземпляров этого двухтомника у него есть? Да, наверно, мы списывались, потому, что помню его письменный вопрос: «а сколько вам надо?..»

У меня от всегда присущей мне жадности аж дыхание сперло. Я выдохнул: «Шесть!». Это я прикинул, что один - Валере, другой - Андрею, третий – Юре, еще один – мне, и еще один – тоже мне, но пусть стоит у Вовки в Былово. И последний – мне прозапас... Покупать книжки прозапас - это моя привычка 60-80-х годов, когда я еще был

таким же книжником, как оба Валеры, как всё наше интеллигентствующее поколение. Про одну такую закупку не могу не рассказать, поскольку речь идет о двух блестящих литературных фигурах 20-го века: Володе Герцике и Бруно Шульце.

О том, что Бруно Шульц – писатель гипнотического дара, знают все, кто знает Бруно Шульца. О том, что эта фигура по своей то хлещущей, то сочащейся из него стилистике превосходит Набокова, тоже знают все. О том, что этот скромный школьный учитель живописи и труда был бы лауреатом Нобелевской премии, о каковой для него и хлопотал Рильке, если бы в 43-году его не пристрелил на улице очередной немецкий солдат, тоже знают все. По счастью, Бруно был польским, а не австрийским или венгерским евреем, родившемся в задрипанном австро-венгерском городке Дрогобыче. Поэтому он писал по-польски, и, соответственно, его беспредельно чувственная манера письма дошла до русского языка почти беспрепятственно. Господи, какое же это счастье! Вы можете себе представить, сколько бы все мы, русскоязычные, потеряли, если бы Шульц писал по-венгерски?..

Так вот, звонит мне как-то – летом 1993 года, - Вова Герцик, фигура не менее легендарная в кулуарах «Архимеда», чем Бруно Шульц в кулуарах того мирового, но столь же узкого слоя фанатов высокой литературы, которые знают Бруно Шульца. И говорит: «Слушай, а ты знаешь, что рядом с тобой, в «Академкниге» на Вавилова, сейчас еще продают Бруно Шульца. Тебе просто надо сходить и купить его, пока не кончилось...» А надо сказать, что Герцик по моему разряду богов и героев физфака проходил, конечно, ниже Гены Иванова, но все-таки куда выше Чуриловой – где-то на уровне Гапонова. Разумеется, он никак не дотягивал до уровня Кармен, но, тем не менее, Герцик есть Герцик - живой полубог!

И вот, живой полубог говорит тебе, что надо купить книжку в соседнем квартале! Что ты делаешь? Всовываешь босые ноги в брюки и башмаки и бежишь покупать. Даже не идешь – бежишь!!! Ведь оно может кончиться! Как обычно и бывало в Советском Союзе. Ведь Советский Союз потому и кончился!! Просто на всех не хватило... Потому что брали помногу. А надо было больше двух в одни руки не давать. Короче, прибегаю через полторы минуты после того, как положил трубку, а книжка все еще продается!! Не то что, не читая, а даже не глядя на обложку, покупаю, пока дают. Выхожу из магазина, поворачиваю за угол к дому, начинаю читать - и всё...

И мою голову сносит с первых строк... И через полквартала я понимаю, что я – идиот: такую книгу ОДНУ не покупают! Я поворачиваю обратно к «Академкниге», чтобы купить вторую, продолжая впиваться в «Коричные лавки». И когда я уже почти дошел до книжного, то понял, что надо купить еще не одну, а НЕСКОЛЬКО книг, на что у меня в

кошельке нет денег, и мне за ними надо снова поворачивать домой . Но поскольку все это время я не болтаюсь по пыльным летним московским улицам с дохлыми тополями, а хожу с Бруно по тихому ночному Дрогобычу, то мне пофиг, что я своим осмысленным поведением напоминаю гигантскую курицу, бегающую по столице нашей очередной Родины с отрубленной головой – я весь там, в австро-венгерской ночи польского еврея!

Короче, я купил 20 (!) экземпляров этой небольшой книжицы, которые я за прошедшие почти 25 лет раздарил 15-ти каким-то (не помню никого, кроме – наверно, - Андрея!) ужасно понравившимся мне людям. Кстати, Шульца я в свое время подарил и Валере.

...Итак, я ответил этому букинисту: «Шесть!». И тут он мне говорит:

- Ну, у меня сейчас столько нет...

- А когда будут????

- Ну, наверное, через несколько недель...

- Хорошо, я подожду. А они точно будут?

- Ну, наверное, да...

- А давайте, я куплю те, что у вас сейчас есть!

- Да что же я вам два раза посылать почтой все это буду? Давайте, я все это достану и напишу вам...

Процесс доставки развивался как-то почти самостоятельно, пока через пару-тройку недель мне домой не принесли достаточно объемный картонный ящик с множеством Бродских. Я был счастлив!!..

И тут же - в восторге от своего грядущего успеха в аудитории Валеры, - стал сценарировать и почти режиссировать, как бы мне как можно эффектнее поразить Валеру своим подарком. Ну, это было легко придумать, главное было – забежать к нему столь неожиданно, чтобы он не успел заподозрить меня ни в чем хорошем. А для этого святого дела несложно найти любой повод. Через несколько дней наслаждения самим фактом обладания шестью двухтомниками я позвонил Валере и сказал что-то типа, вот я сегодня вечером после рабочей встречи буду пробегать мимо вашего театра-квартиры, ты будешь дома? И он сказал: «О, отлично, заходи часам к десяти, я как раз вернусь от Милы, она в больнице».

Я зашел. В прихожей я отдал ему двухтомник, сказав, что это – единственная цель моего появления у него дома, и повернулся, чтобы уйти. На что Валера, обалдевший как от Бродского, так и от моего стремительного наскока с подарком и отскока без подарка, тут же сказал: «Ты что! Ты куда?! Сейчас же мы будем всё это праздновать!».

И мы стали праздновать. Валера хлопотал по дому и холодильнику, постепенно доставая отовсюду и крутую салями, и крутой коньяк, и крутой кипяток для заварки немеряно крутого чая из желтой Сычуани. А я сидел и распирался от гордости и счастья: какой человек мне колбасу несет! какой человек мне чай заваривает! А разговор наш – и пока Валера бегал, и когда, наконец, он уселся за кухонный стол – был про ВСЁ. Благо, что к тому времени – много позже, чем мои университетские страдания о богах и героях, о легендах и мифах и о полной, абсолютной, как температура по Кельвину, беспредельной невозможности когда-нибудь оказаться ТАМ, на Олимпе, но, однако, намного раньше, чем прозвучал звонок Миляева о двухтомнике, – короче, где-то в нулевых годах нового века, мы с Валерой познакомились на новых основаниях. Вероятно, на основаниях физиков, ставших лириками, осознавших непростоту этих обоих дел – более того, их внутреннюю связь!! – и вернувшихся в физику с новой миссией – рассказать, как из сора и обыденности этих обеих жизненных практик растет совсем иное – неизмеримо более масштабное, чем ранее, и слитное до невозможности уже растащить их в разные стороны, помыслить их по-отдельности, – ощущение Общего мира, Общего дела, Общей жизни.

Как-то Валера вытащил меня в Дубну на какой-то круглый стол по витиеватым темам, связывающим физику с чем угодно. Эти два-три дня мы, поселенные в одном номере, все время ходили какими-то тихими аллеями рядом с крошечной Волгой и под разваливающимися от древности бетонными фонарными столбами с почти угасшим от той же древности светом. Ходили и говорили, говорили... Говорили о чем-то почти том же самом, что и на этих «столах», но таком параллельном, таком невозможном для них хотя бы в силу рабочей простоты интонации. Вот в этой простоте – Валера. В этом отсутствии самопредъявления, в этом рисунке жизни, где все его многочисленные хобби и профессиональные направления на равных продолжали ткать кружево времени – день за днем, без особой надежды на успех, без особой веры в человека, но с явной окрашенностью неспешной любовью к каждому дню, своему и чужому.

Он пил коньяк, рассказывал о Миле в больнице, об их новых спектаклях, с огромной нежностью говорил о новых Ваниных проектах....

Мы были на равных, но я по-прежнему чувствовал: он из какого-то другого мира. Ему Бродский куда ближе, чем мне. Ближе просто по определению.

Меньше чем через месяц, 15 декабря, Валера уснул, но не проснулся. Уже потом, когда я встретился с Ваней Миляевым, он мне сказал: «А знаешь, когда отец умер, на тумбочке около его кровати я увидел открытый том Бродского. Отец мне говорил, что его подарил ему ты».

Как жаль, что я не знаю, на какой странице был открыт этот том...

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло всё. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.
Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
среди бумаг, в столе, в готовой речи,
в ее словах, в дровах, в щипцах, в угле
остывшего камина, в каждой вещи.
В камзоле, башмаках, в чулках, в тенях,
за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
опять в тазу, в распятыях, в простынях,
в метле у входа, в туфлях. Всё уснуло.
Уснуло всё. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть.
Уснули арки, стены, окна, всё.
Булыжники, торцы, решетки, клумбы.
Не вспыхнет свет, не скрипнет колесо...
Ограды, украшенья, цепи, тумбы.
Уснули двери, кольца, ручки, крюк,
замки, засовы, их ключи, запоры.
Нигде не слышен шепот, шорох, стук.
Лишь снег скрипит. Все спит. Рассвет не скоро.
Уснули тюрьмы, за'мки. Спят весы
среди рыбной лавки. Спят свиные туши.
Дома, задворки. Спят цепные псы.
В подвалах кошки спят, торчат их уши.
Спят мыши, люди. Лондон крепко спит.
Спит парусник в порту. Вода со снегом
под кузовом его во сне сипит,
сливаясь вдалеке с уснувшим небом.
Джон Донн уснул. И море вместе с ним.
И берег меловой уснул над морем.
Весь остров спит, объятый сном одним.
И каждый сад закрыт тройным запором.
Спят клены, сосны, грабы, пихты, ель.
Спят склоны гор, ручьи на склонах, тропы.
Лисицы, волк. Залез медведь в постель.
Наносит снег у входов нор сугробы.
И птицы спят. Не слышно пенья их.
Вороний крик не слышен, ночь, свиный
не слышен смех. Простор английский тих.
Звезда сверкает. Мышь идет с повинной.
Уснуло всё. Лежат в своих гробах

все мертвецы. Спокойно спят. В кроватях
живые спят в морях своих рубях.
По одиночке. Крепко. Спят в объятьях.
Уснуло всё. Спят реки, горы, лес.
Спят звери, птицы, мертвый мир, живое.
Лишь белый снег летит с ночных небес.
Но спят и там, у всех над головою.
Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми -- к их стыду святому.
Геенна спит и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.
Господь уснул. Земля сейчас чужда.
Глаза не видят, слух не внемлет боле.
И дьявол спит. И вместе с ним вражда
заснула на снегу в английском поле.
Спят всадники. Архангел спит с трубой.
И кони спят, во сне качаясь плавно.
И херувимы все -- одной толпой,
обнявшись, спят под сводом церкви Павла.
Джон Донн уснул. Уснули, спят стихи.
Все образы, все рифмы. Сильных, слабых
найти нельзя. Порок, тоска, грехи,
равно тихи, лежат в своих силлабах.
И каждый стих с другим, как близкий брат,
хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься.
Но каждый так далек от райских врат,
так беден, густ, так чист, что в них -- единство.
Все строки спят. Спит ямбов строгий свод.
Хореи спят, как стражи, слева, справа.
И спит виденье в них летейских вод.
И крепко спит за ним другое -- слава.
Спят беды все. Страданья крепко спят.
Пороки спят. Добро со злом обнялось.
Пророки спят. Белесый снегопад
в пространстве ищет черных пятен малость.
Уснуло все. Спят крепко толпы книг.
Спят реки слов, покрыты льдом забвенья.
Спят речи все, со всею правдой в них.
Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья.
Все крепко спят: святые, дьявол, Бог.
Их слуги злые. Их друзья. Их дети.
И только снег шуршит во тьме дорог.
И больше звуков нет на целом свете.

Но чу! Ты слышишь -- там, в холодной тьме,
там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе.
Там кто-то предоставлен всей зиме.
И плачет он. Там кто-то есть во мраке.
Так тонок голос. Тонок, впрямь игла.
А нити нет... И он так одиноко
плывет в снегу. Повсюду холод, мгла...
Сшивая ночь с рассветом... Так высоко!

"Кто ж там рыдает? Ты ли, ангел мой,
возврата ждешь, под снегом ждешь, как лета,
любви моей?.. Во тьме идешь домой.
Не ты ль кричишь во мраке?" -- Нет ответа.
"Не вы ль там, херувимы? Грустный хор
напомнило мне этих слез звучанье.
Не вы ль решились спящий мой собор
покинуть вдруг? Не вы ль? Не вы ль?" -- Молчанье.
"Не ты ли, Павел? Правда, голос твой
уж слишком огрублен суровой речью.
Не ты ль поник во тьме седой главой
и плачешь там?" -- Но тишь летит навстречу.
"Не та ль во тьме прикрыла взор рука,
которая повсюду здесь маячит?
Не ты ль, Господь? Пусть мысль моя дика,
но слишком уж высокий голос плачет".
Молчанье. Тишь. -- "Не ты ли, Гавриил,
подул в трубу, а кто-то громко лает?
Но что ж лишь я один глаза открыл,
а всадники своих коней седлают.
Всё крепко спит. В объятьях крепкой тьмы.
А гончие уж мчат с небес толпою.
Не ты ли, Гавриил, среди зимы
рыдаешь тут, один, впотьмах, с трубою?"

"Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси
о том, что создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли.
Ты с этим грузом мог вершить полет
среди страстей, среди грехов, и выше.
Ты птицей был и видел свой народ
повсюду, весь, взлетал над скатом крыши.
Ты видел все моря, весь дальний край.
И Ад ты зрел -- в себе, а после -- в яви.
Ты видел также явно светлый Рай
в печальнейшей -- из всех страстей -- оправе.
Ты видел: жизнь, она как остров твой.
И с Океаном этим ты встречался:
со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой.
Ты Бога облетел и вспять помчался.
Но этот груз тебя не пустит ввысь,
откуда этот мир -- лишь сотня башен
да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд совсем не страшен.
И климат там недвижим, в той стране.
Откуда все, как сон больной в истоме.
Господь оттуда -- только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме.
Поля бывают. Их не пашет плуг.
Года не пашет. И века не пашет.
Одни леса стоят стеной вокруг,

а только дождь в траве огромной пляшет.
Тот первый дровосек, чей тощий конь
вбежит туда, плутая в страхе чащей,
на сосну взлезши, вдруг узрит огонь
в своей долине, там, вдали лежащей.
Всё, всё вдали. А здесь неясный край.
Спокойный взгляд скользит по дальним крышам.
Здесь так светло. Не слышен псиный лай.
И колокольный звон совсем не слышен.
И он поймет, что всё -- вдали. К лесам
он лошадь повернет движеньем резким.
И тотчас вожжи, сани, ночь, он сам
и бедный конь -- всё станет сном библейским.
Ну, вот я плачу, плачу, нет пути.
Вернуться суждено мне в эти камни.
Нельзя прийти туда мне во плоти.
Лишь мертвой суждено взлететь туда мне.
Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
в сырой земле, забыв навек, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб сшить своею плотью, сшить разлуку.
Но чу! пока я плачем твой ночлег
смущаю здесь, -- летит во тьму, не тает,
разлуку нашу здесь сшивая, снег,
и взад-вперед игла, игла летает.
Не я рыдаю -- плачешь ты, Джон Донн.
Лежишь один, и спит в шкафах посуда,
покуда снег летит на спящий дом,
покуда снег летит во тьму оттуда".

Подобье птиц, он спит в своем гнезде,
свой чистый путь и жажду жизни лучшей
раз навсегда доверив той звезде,
которая сейчас закрыта тучей.
Подобье птиц. Душа его чиста,
а светский путь, хотя, должно быть, грешен,
естественней вороньего гнезда
над серою толпой пустых скворешен.
Подобье птиц, и он проснется днем.
Сейчас -- лежит под покрывалом белым,
покуда сшито снегом, сшито сном
пространство меж душой и спящим телом.
Уснуло всё. Но ждут еще конца
два-три стиха и скалят рот щербато,
что светская любовь -- лишь долг певца,
духовная любовь -- лишь плоть аббата.
На чье бы колесо сих вод не лить,
оно все тот же хлеб на свете мелет.
Ведь если можно с кем-то жизнь делить,
то кто же с нами нашу смерть разделит?
Дыра в сей ткани. Всяк, кто хочет, рвет.
Со всех концов. Уйдет. Вернется снова.

Еще рывок! И только небосвод
во мраке иногда берет иглу портного.
Спи, спи, Джон Донн. Усни, себя не мучь.
Кафтан дыряв, дыряв. Висит уныло.
Того гляди и выглянет из туч
Звезда, что столько лет твой мир хранила.

7 марта 1963

В. Байчер:

Я по первой своей специальности инженер-конструктор. То есть «физик». По второй театральный режиссер. То есть «лирик». И эти мои половинки находили в Валерии Александровиче Миляеве самого истового и горячего собеседника. Причем мое «физическое» полушарие нередко дискутировало с его лирическим началом, а мой нежный «лирик» прекрасно уживался с его умным «физиком». Потому что Миляев был таким необъятным, разнонаправленным, разносторонним человеком, что его душа, открытая абсолютно всему в этом мире, могла вместить в себе самые полярные точки зрения.

К примеру, посмотрев мой спектакль для маленьких детей, он разбирал его с позиций синергии или вдруг находил библейские мотивы в самых простых и незатейливых эпизодах действия. А на мои возражения, что я совсем не это собирался здесь выразить, спокойно возражал: «Ты сам не знаешь, что хотел сказать». Приходилось соглашаться, а как иначе? Он все равно видел самые простые вещи другими, - своими, - глазами. А его глаза были устроены по-иному, не так, как у нас, простых смертных. Он сразу проникал в какие-то глубокие глубины сущего и вытаскивал истины, дремлющие под оболочкой простых и неоспоримых правил. Он был «физический лирик» и «лирический физик», он был средоточием самых современных смыслов и шел в авангарде самых передовых идей «про все». Он мог рассказывать о каком-то сложнейшем физическом явлении так же просто и увлеченно, как читал детское стихотворение, и мог писать детские стихи для очередного музыкального спектакля, как будто это сложнейший физический трактат, соединяющий бесконечное количество научных концепций.

Но более всего его гений находил себя в строительстве самых разных дачных сооружений, от подмосковных «вилл» до «имений» в Крыму, который тогда еще не был «наш», а был просто Крым с его прекрасной природой и прекрасными пейзажами, и Валерий Александрович объезжал его на своей машине с такой хозяйской сосредоточенностью, что становилось понятно, – это его земля, он знает на ней каждый камушек и каждый уголок. Домик Ивановой и Миляева недалеко от Коктебеля был летним пристанищем многочисленных московских гостей, в частности, и наша семья тоже

была радушно принята в этом крымском раю с виноградом, ползущим по стенам и туалетом во дворе.

Туалет, кстати, - моя работа и гордость. Как-то случилось, что в разных миляевских «поместьях», где я нередко гостил, на мою долю выпадало обустройство именно этого важнейшего дачного строения. Я рыл ямы, колотил, перетаскивал готовое деревянное изделие на положенное ему место, так что был квалифицированным «туалетным работником». А находясь на даче рядом с Валерием Александровичем, нельзя было не впасть в его строительный раж. И делалось все рядом с ним с невероятной легкостью, азартом и энтузиазмом. А вечером, после рабочего дня, пение под гитару, которых в доме всегда было несколько, и нужно было найти ту, которая сегодня звучит особенно верно. Я сам позволял себе при хозяине исполнить с гитарой в руках одну из его песен, на что он смотрел с нескрываемым интересом и величественным снисхождением. «А ко мне в огород залетела сорока, дом, сарай, туалет, огурцы в парнике, подбежала поближе в четыре прыжка – и давай верещать на своем языке». Так пели до раннего утра, потом шли спать.

Уж не знаю, что там в мире физики вспоминают про Милеева, – знаю, что был он в этих кругах авторитетным и уважаемым, - но знаю точно, что многие из моих коллег по театру, очень ждали честных и прямых оценок Валерия Александровича, его обстоятельных бесед. И так жаль, что мы лишились его невероятных, парадоксальных «искусствоведческих» разборов. Но до сих пор слышится его негромкий голос и легкий ироничный тон, голос, не похожий ни на один голос в этом мире.

И. Сокольская:

Однажды мы в большой компании вместе с Валерой поехали отмечать мой день рождения на природу. Проснувшийся к костру и песням Валера буквально ожил. А несколькими часами раньше он буквально свалился посреди поляны на землю и сразу заснул под солнцем, под громкий гвалт примерно полсотни человек. Хорошо, что у кого-то нашелся поролоновый коврик (дело было в июне, погода – то дождь, то солнце, земля сырая). Его переложили на коврик, накрыли куртками и так он еще пару часов проспал. То ли это была накопившаяся огромная усталость, то ли начинающиеся проблемы с сердцем, но он поразил всех. «А мне все время хочется спать» - сказал он. Как ему удавалось в таком состоянии продолжать свою многостороннюю и такую напряженную работу последние годы – для меня загадка.

На моем дне рождения в лесу под Москвой, 2007 год.

Н. Тиме:

Валера Канер пользовался большой популярностью в МГУ, тем не менее он с большим уважением относился к университетскому пишущему цеху. В своей книге «Шизики Футят» он впервые публикует текст оперы «Архимед» вместе с музыкальными комментариями и рисунками В.Михайлина. и популяризирует творчество всех поэтов и композиторов физиков поколения 70 - ых. Он никогда не расставлял их по ранжиру, считая это плохим тоном. Из всех поэтов-друзей Канера связывала откровенная дружба с Миляевым. Оба авторы оперы Архимед, они через много лет, продолжили творческое сотрудничество в московском доме ученых. Канер пригласил Миляева участвовать в ДУЭТе МДУ. Я не слышала, чтобы Миляев позволял себе критиковать действия главного режиссера – он всегда поддерживал друга.

Канер очень был чувствителен к мнению физиков о его творчестве и очень переживал, когда его бескорыстную деятельность не одобряли. Так, на презентации книги «Шизики футят» Гена Иванов грубо высказался о книге, чем выбил Канера из душевного равновесия надолго. Миляев никогда не мог бы себе этого позволить в отношении творчества любого человека, его деликатность и уважение к труду служили образцом хорошего воспитания. Но, когда вечера проходили в Экспромте, Миляев брал на себя всю ответственность за проведение мероприятия, вкупе с хозяйственно-организационными вопросами, вплоть до выноса мусора.

В. Рукавишников

Взаимоотношения Миляева с Канером были теплыми и уважительными. Так же тепло и уважительно относился к Канеру другой поэт физфака, Гена Иванов. В 1978 году в стройотряде «Ветеран 20» на поэтическом вечере Гена прочитал стихотворение, в котором были слова, что все поэты физфака припадают к пупку Канера, на что Канер съехидничал – можно и пониже. Но Гена не обиделся и в дальнейшем молча сносил разнообразные колкости Канера, не отвечая на них. Для Гены Миляев и Канер были его учителями.

В. Недорезов.

Я тоже хочу отметить, что соперничество трех поэтов было равным, хотя Иванов признавал себя учеником Канера и Миляева. Как правило, оно не выходило за поэтические рамки. Достаточно вспомнить стенгазету «Кувалда», которую в стройотрядах выпускал Канер и где друг на друга часто печатались пародии. При этом обид не возникало, потому что обиды возникают у людей, лишенных чувства юмора. А нашим героям было его не занимать. И потом, стройотряд не допускал в своей среде существования сачков, халтурщиков и недоброжелателей. Они как-то сами исчезали оттуда. Это был «коммунизм в отдельно взятом районе». А от соперничества друзей – поэтов мы получали удовольствие. Вот один из примеров.

Г. Иванов, пародия на стихотворение В.Миляева «Как размножаются крокодилы»,
(Всеобщая история Архимеда, том 3, Москва, 1976).

Предисловие Г.Иванова :

ЗА ЧТО?

Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен –
тот,
по- моему,
просто глуп.

В.В. Маяковский

А за то, что он всегда наполнен. За то, что всегда в себе и в нас и во всех. За то, что он открыл нам Окуджаву ещё в 1961 г. И ещё бог знает за что мы любим Миляева Валеру уже на протяжении стольких лет.

Он любит шутку, но с ним шутить опасно.

Его легко любить, понимать и не понимать, потому что он ничего этого не требует.

Для меня он больше всего похож на хороший стих, настоящий, в котором всегда есть тайна, как и в Поэзии и в Музыке.

Эту тайну не надо искать и пытаться понять. Она так и входит тайной, как песни Окуджавы, и остаётся в организме и уже ничем не выводится.

Я хотел написать всем троим пародии. Но не могу этого сделать по отношению к Миляеву. Потому что это будет пошло.

Да не обидятся на меня Канер и Кессених, но я не буду писать пародию на Миляева, т.к. я не знаю как это делается.

Сам он читает сейчас эти строки и улыбается.

Самоирония – его органичное свойство.

И всё-таки. И всё-таки...

1965

КАК РАЗМНОЖАЮТСЯ АВТОМОБИЛИ ?

Не верьте ВАЗу насчёт автомобилей.
С конвейеров чаще сходят с ума.
Автомобили размножаются совсем по-другому.
Летит он себе по дороге,
Скажем 60,80 или 100-120.
А навстречу ему птичка – «Запорожец» или «Уазик».
Бах! Но не насовсем.
А только хрупнуло крылышко.
Но это ещё не процесс размножения.
А только плохое знание правил безопасности движения.
Но вот едем мы, скажем, на юг или на дачу.
А навстречу «Мазик» или, наоборот, «Кразик».
Едет себе и едет.
Ни влево, ни вправо не сворачивает, сволочь.
Бах!
Казалось бы, нету машины.
Казалось бы, и никого не осталось в живых.
Но это-то и есть процесс размножения.
Сейчас только родилось десять новых машин
В нежном дорожном объятьи,
Ночном или даже при дневном свете –
Это не имеет значения.
И тут же с конвейеров сходит десяток
Новеньких еще безусых «жигулёнков».
Который же из них не хочет размножиться?
Дудки! Таких нету.

С. Смирнов:

Спокойный, немногословный, ничем вроде особенным не отличающийся, меня Валера поразил в нашей первой поездке агитбригады в Казахстан, по-моему, в марте 1963 года. Вот этот степенный человек в каком – то сарае, выполнявшем роль сельского клуба, соорудил ширму для показа местным детишкам кукольного спектакля и с энтузиазмом этот спектакль провел.

Оказалось, что кроме всего прочего, он писал стихи, и одна из знаменитых физических опер – «Архимед» - была создана с его самым активным участием. Валерий Канер, Александр Кессених и Валерий Миляев – вот знаменитая тройка создателей основ нашего физического искусства. Тут же это самое физическое искусство стало буйно расцветать при помощи студентов – физиков, поэтов Геннадия Иванова и Сергея Крылова. Но если эта знаменитая тройка при написании опер использовала уже известную музыку, то уже появились и сочинители музыки на собственные стихи, либо на стихи своих друзей с физфака. Однако, на стихи Геннадия Иванова мехматянин Юрий Колесников придумал песню «Я смотрю на Москву через призму поэзии...», которая в то время была лучшей песней о Москве. Тот же Сергей Крылов создал и стихи, и музыку к известной теперь всем песне «Зимняя Сказка» (Желтый цыпленок), а Сергей Никитин написал музыку к его «Песне о маленьком трубаче», которые теперь входят в школьную программу, и все мы гордимся этим. На стихи Крылова Сергей Смирнов написал песню «Светлая осень», и также множество других, и теперь в репертуаре каждого из Сергеев насчитываются сотни своих песен и песен друзей – бардов. И теперь уже три Сергея – Крылов, Никитин и Смирнов, участники знаменитой в стране агитбригады физического факультета МГУ, распевают свои песни на просторах нашей необъятной Родины.

А поэт - физик Валерий Миляев еще в студенческие годы написал стихи про Дон Кихота, которая стала песней благодаря Никитину. Но большим потрясением для меня было то, что Валера сам сочинил и музыку, и стихи к песне «Весеннее танго» (Вот идет по свету человек – чудак), которую пела Анна Герман, а теперь поют практически на всех бардовских площадках. Да и его супруга, актриса театра и кино, Руководитель Московского детского музыкального театра «Экспромт», Людмила Иванова – тоже писала песни. Еще студентом я с удовольствием пел песню, где были строчки «Бесконечной тоскою охвачена, я иду по вечерней Москве. То ли дождь идет, то ли плачу я, и все думаю я о тебе...», не зная, что ее сочинила будущая жена Валерия Миляева. А их старший сын Иван – много лет директор Художественной школы им. Ватагина, которую в этом году закончила моя внучка Маша. Постоянно приходится удивляться, как тесен мир, как мы все близки друг другу, и все мы варимся в этом чудном творческом котле, мечтая, чтобы такая интересная жизнь продолжалась вечно.

Б. Комберг: *(из архива С.Щегольковой) В.Миляеву.*

Свои стихи я дал почитать
Физику-лирику страстному
И попросил его мне сказать
Мнение о них беспристрастное.

Он просьбу мою исполнил сполна,
Сказавши мне доверительно:
Поэзия – это ведь как волна,
Несущая душу стремительно.

Когда переполнена чувством душа,
Поэту сказать неймётся –
Цунами слов, всё вокруг круша,
Наружу рифмой прорвётся...

А ты, как Некрасов, идёшь от ума,
И мыслей, в тебе созревших,
От этого в чувствах не та глубина
И красок много поблекших.

И нет колдовства в твоих стихах
Изыска нет поэтического.
В них слишком много «увы и ах...» -
Взгляда на жизнь критического...»

Всё верно сказал о стихах мой друг,
Всё верно и всё не верно!
Ведь мысль, заключённая в «ведьмин круг»
Из рифм, усилена этим безмерно.

И если рифмы в нужный момент,
И в нужном месте рождаются,
То значит, не зря трудился поэт-
Для дела они сгодятся...

«Вот видишь – для дела, а не души,
О чём и толкую тебе я.
И если уж взялся писать – пиши
Для избранных, не для плебея!

На этом мы с другом моим разошлись,
Решив, что не стоит нам спорить:
Пусть каждый пишет на свой мотив
Дорожку свою пусть торит.

Февраль, 2005г.

Памяти Валерия Миляева:

«Физфак в России больше, чем физфак!»-
Миляев говорить имел так право.
Он сам тому примером, как-никак,
Был больше полувека... Валя, bravo!

Он многое умел и многое успел
В поэзии, в науке, да и в жизни.
Имел он безошибочный прицел
На творческих людей в «малой отчизне».

Которая из наших сплошь друзей,
Подруг и почитателей талантов
Собралась со студенческих тех дней,
Когда мы у костров пели «Атлантов»...

Построил дом, театр и семью.
Подняв сынов вместе с Людмилой верной.
Уже про то я Вам не говорю,
Что стихотворный дар имел безмерный.

Мы помним и «Ласкающийся ёж»,
И «За окном пиликает гармошка»,
И «Архимеда» праздничный галдёж:
Как Бор с Ландау катят по дорожкам...

Всё было! И Валера этим жил.
И всё останется в сердцах и наших душах-
«Не говори с тоской: он был,
Но с благодарностью» стихи Валеры слушать...

20.12.2011.

С. Щеголькова:

Чем можно было удивить Валеру? Кажется, что ничем. Достиг высот в науке. Поэт, бард. С искусством знаком серьезно. Актеры, художники, композиторы - вот такое окружение. А какой строитель!

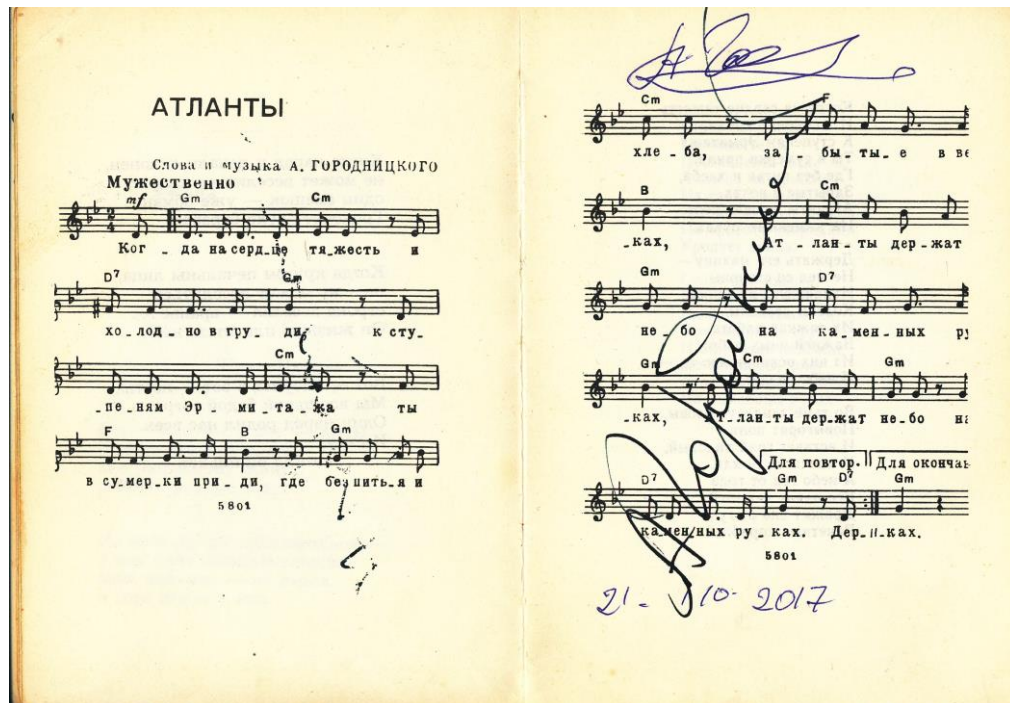
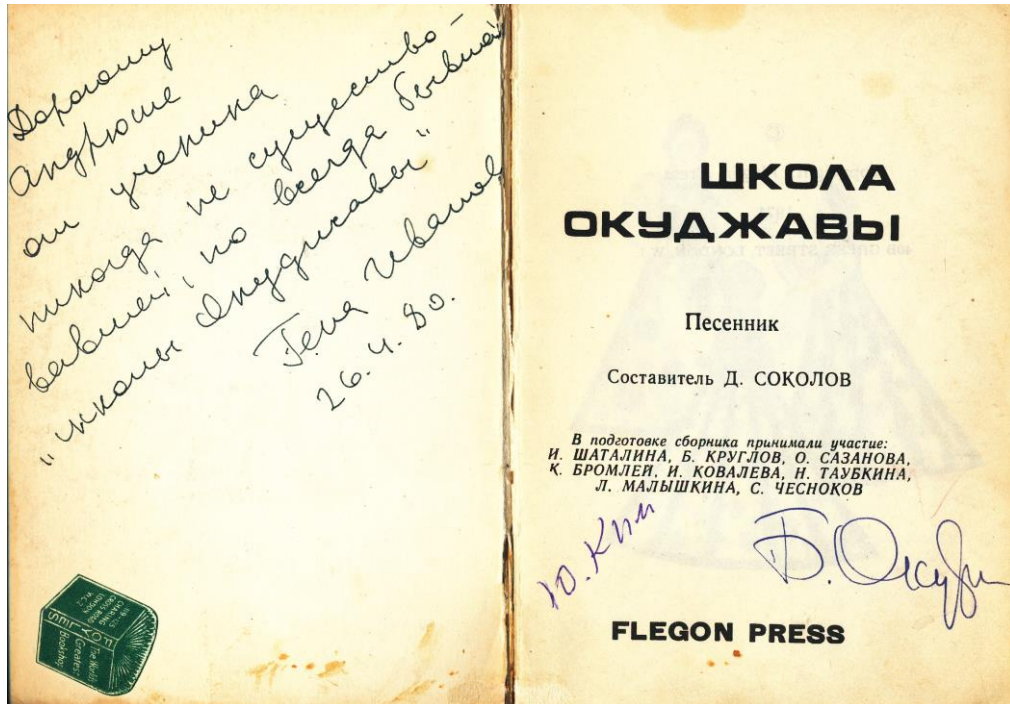
Оказалось, можно удивить ерундой!

Едем в поезде в Керчь (с оперой «Архимед»). Дорога длинная, на столе лежит кроссворд. Заполняем. Один вопрос очень простой, но ни одно слово не подходит. Я прочитала ещё раз вопрос и увидела в нем и другой смысл. Сказала слово. Валера посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и произнёс: «Как это ты так?»

Застолье. В кухне-гостиной Мила и Валера собрали друзей. Понадобилось открыть стеклянную банку с огурцами. Пытается Галя (помощница Милы по дому) - безуспешно. Подходит мужчина. Пытается повернуть крышку не получается, поддеть её тоже не удаётся. Я подошла, полила крышку из крана тёплой водой, постучала по ободу

крышки ручкой ножа и легко открыла. Валера аж подскочил со стула. « Я такого способа не знаю!?!» - воскликнул он. Вот и второе очко! Так на ерунде понемногу и набирала.

Важным элементом личного общения были, конечно, многочисленные концерты с участием друзей Валерия Миляева. Вот несколько автографов на эту тему:

Всегда - то мы тупоим вместе, Гена!
С. Никитин

26 **МАЛЕНЬКИЙ ТРУБАЧ**

Слова С. КРЫЛОВА Музыка С. НИКИТИНА

Сдержанно, мужественно

Кру-гом вой-на, а э-тот
ма-лень-кий, - над ним сме-
-я-лись все вра-чи,-
ку-да та-кой годит-ся ма-ленький?

5801

Всегда с Гобайо, Гена!
Иванов

27

Ну раз-ве толь-ков тру-ба-
-чи! А что е-му?
Все ни-по-чем:
ну тру-ба-чом, так
тру-ба-чом! Как и-чом!

Для повторения Для сокращения

5801
Иванов
21.10.17

Сергей Никитин, Светлана Щеглкова, Валерий Миляев после концерта Сергея Никитина на физфаке в кулуарах большой физической аудитории. 2000 год.

И. Сокольская. Последний счастливый день Валеры.

Это я так для себя его обозначила. Дело было 3 апреля 2010 г. накануне Пасхи. У «Архимеда» был сбор в Доме литераторов, в малом зале, а потом запланированный банкет дома у Тани Мещеряковой, ведь, как известно, «коль Опера банкетом не согрета, она рискует превратиться в оперетту» (Гена Иванов). Все были на высоком душевном подъеме и лихо провели домлитовскую часть нашей встречи.

*В. Гребняк, В. Миляев, В. Захаров, С. Ковалева, С. Семенов.
В доме литераторов 3 апреля 2010 года.*

Закончив наш концерт, мы вышли толпой на улицу Б. Никитская и, растянувшись по тротуару, побрели в сторону Арбата к Таниному дому. Эта была дорога между двумя очень приятными событиями - концертом и банкетом. Был ветреный, пронзительно яркий весенний день, мы шли медленно с Валерой по центру Москвы и весело болтали о том, что видели вокруг, как чукчи. Таким легким, спокойным и радостным я его прежде никогда не видела – он весь светился! Банкетную часть нашего сбора мы провели вечером также на привычно высоком архимедовском уровне, по Валере видно.

*Валера Миляев и Лена Широкова
на банкете у Тани Мецряковой после выступления в ЦДЛ 3 апреля 2010 года.*

*Борис Горобец и Ира Голубева
на банкете у Тани Мецряковой после выступления в ЦДЛ 3 апреля 2010 года.*

Через день пришло известие: умер прямо на праздновании Пасхи в родительской квартире его младший сын Саша. И покатилося... Мила в больнице... Мила опять в реанимации... Больше радостного Валеру мне не суждено было увидеть. Просто такого уже не могло случиться. Выражение серьезности и какой-то воспаленной озабоченности не сходило с его лица, и мысли, которые его волновали, стали куда мрачнее.

Через год в апреле мы с ним были в Химфизике на встрече Дуэта. И в такой же обстановке, как и год назад, Валера за фуршетом горячо и с болью долго говорил мне о том, что интеллигенция, одаренная, творческая, уходит. «Вот посмотри, у этого нет детей, у этого один, у этого умер (он перечислял людей из нашего общего физфаковского круга, Дуэта и т. д.) – нет воспроизводства, понижается интеллектуальный и духовный уровень, что же остается в стране? Какие перспективы?». И было понятно, что смерть сына, эта личная боль, уже не оставляла его, доходила до философских размышлений, порой, к сожалению, безысходных.

А у меня, почему-то, (может быть, по контрасту?) в воспоминаниях о нем, как заставка, всегда возникает одна и та же картина: залитая солнцем апрельская улица на закате, а на ней - светящийся от солнца и счастья Валера. Таким он запомнился.

Для меня Валера Миляев и Гена Иванов всегда казались в чем-то очень схожими, хотя мои отношения с ними развивались по разным сценариям. С Геной я познакомилась на втором курсе, когда пришла в Архимед, и наша дружба продолжилась до его смерти, он всегда был близко. Валера был на 10 лет старше меня, его я в студенческие годы видела редко и относилась как к живому классику, т. е., небожителю. Поэтому личностное человеческое сближение стало происходить у нас поздно, и по нарастающей в последние 20 лет. Этому способствовали как его более частые появления в Архимеде (особенно, на неофициальных мероприятиях), так и мое, в свою очередь, появление в Дуэте.

В чем я вижу сходство этих двух физиков – поэтов, что само по себе уже много? Оба очень интеллигентные люди и внутренне, и внешне. Увидев любого из них один раз, сразу понятно, кто перед тобой, - и не ошибешься в них в дальнейшем. Когда они находились на сцене, то исходило впечатление их полного комфорта в этом месте – ни волнения, ни старания что-то сыграть – они были такими же естественными и спокойными, как в жизни, и при этом прекрасно владели аудиторией, не повышая голоса. Бывало, даже во время бурного застолья, когда кто-то из них начинал негромко говорить, остальные затихали и прислушивались.

Оба были людьми высокого духовного уровня и искренности, и когда чем-то для себя значимым и интересным делились с другими, это всегда находило сочувствие и как

будто поднимало небо над головой слушателей. В какой-то момент после смерти Гены я поняла, что обычно его эту роль «поднимателя неба» и камертона в наших общих компаниях для меня стал играть Валера.

В чем еще вижу близость натур и поведения Валеры и Гены? Их отношение к любой не стандартной идее или творчеству любого человека было всегда самое внимательное и доброжелательное. И главное – они очень хорошо относились к людям и их все искренно любили. Сходство по жизни у них тоже большое: у обоих жены – энергетические торнадо, цунами, кому что нравится. Они же оба – внешне спокойные, тонко чувствующие люди, сильно погруженные в духовную внутреннюю жизнь. Оба жили с обнаженным сердцем и умерли от его недостаточности. Даты их смертей – 16 и 18 декабря – также оказались рядом. Сейчас мы поминаем их обоих сразу.

Последнее публичное выступление Валеры состоялось 16 октября, ровно за 2 месяца до его смерти, в ЦДЛ, где проходил вечер, посвященный десятилетию со дня смерти Гены и приуроченный к выходу книги его стихов. Негромко и спокойно, как всегда, Валера сформулировал свое отношение к физфаку фразой «физфак в России больше, чем физфак», горячо подхваченной присутствующими и ставшей затем крылатой.

С. Чекалин:

Песни, написанные Миляевым, как известно, исполнялись такими артистками, как Анна Герман и Гелена Великанова, и были «на слуху» по всему Советскому Союзу. Но, как отметил В.Фридман, у Валеры было «стойкое равнодушие к дальнейшей судьбе написанного», поэтому все его творчество в период с 1960 по 1987 год было опубликовано только в 1994 году в сборнике "Приходит время", в который вошли стихи пяти физфаковских поэтов. И это целиком заслуга Милы Ивановой, которая по словам того же Фридмана была «готова перегрызть горло за каждое сочиненное ей слово» (и, как мы видим, не только за сочиненное ей). В эту тоненькую книжечку вошли практически все лучшие стихи Валеры, написанные, можно сказать, в прошлом веке.

Песня «Приходит время» стала культовой и исполнялась практически на всех вечерах и встречах друзей.

*Сергей Никитин и хор МИФИ исполняют песню Валерия Милаева
"Приходит время" на вечере в ГАИШ*

В последующих нескольких книжках, изданных в 2003, 2006, 2007 гг (тоже исключительно благодаря упорству Милочки) и, наконец, в ее книге о Милаеве (2012 г.) новых стихов практически не появилось, за исключением написанных совместно либретто спектаклей для театра «Экспромт» (про эту деятельность у Фридмана "С трудом заставили Валеру Милаева присоединиться..»). Кроме того, Валера принимал участие и в создании спектаклей студии Дома ученых «Дуэт». Однако в этих текстах, где довольно сложно выделить долю Валеры, по моим представлениям слабо ощущается специфика милаевских произведений. Зато она по-прежнему сохранилась в его блестящей прозе: юмористических рассказах, написанных с присущей Милаеву очень тонкой иронией, его воспоминаниях и посвящениях, в которых много рассуждений философского характера (правда, не уверен, что они были написаны совсем недавно, последнее датируется 2006 годом).

Главной причиной спада (количественного, но отнюдь не качественного!) поэтической "продукции" Милаева было то, что ему в какой-то период пришлось выбирать приоритеты из того множества занятий, которые он любил. Валера относился к той категории людей, которые просто не могут делать что-нибудь плохо. Это в

наибольшей мере относилось к его стихам и прозе. Как отмечал Фридман, которому пришлось работать с Миляевым в этой ипостаси: «Начальный период работы у Миляева - не быстрый...написанный красивым почерком текст, как правило, безупречный». Поэтому у него нет ничего, написанного второпях или небрежно. Опера «Архимед» посвящена выбору жизненного пути – очень важной проблеме для молодежи. Именно поэтому она до сих пор не сошла со сцены. И к моменту ее создания сам Валера этот путь уже выбрал.

*В.А. Миляев на 70-летию
С. Ковалевой, Королев,
28.06.2008 г.*

Что всегда меня удивляло – это потрясающая толерантность Валеры. Его не задела метаморфоза, приключившаяся со многими партийными активистами, особенно женского пола, резко переключившимися в какой-то момент в преданных подданных РПЦ. Он до конца своих дней оставался активным ученым, для которого такое просто немыслимо. И, тем не менее, когда Мила и все остальное его семейство стали верующими людьми и соблюдали даже самые строгие посты, Валера прошел обряд венчания и прекрасно общался с духовником Милы. Смерть 39 летнего сына Саши после Великого поста, аккуратно в Пасху, здорово подкосила Валеру, оставив ему немного более полутора лет жизни. Но все это время он продолжал активно работать и держался достойно, несмотря на множество личных проблем. Поэтому внезапный уход Миляева стал страшной неожиданностью для всех, его знавших и с ним общавшихся людей...

В заключение хочу еще раз повторить строки Гены Иванова, написанные про Валеру еще при жизни их обоих: «Он...всегда в себе и в нас и во всех. Он больше всего похож на хороший стих, настоящий, в котором всегда есть тайна... Эту тайну не надо искать и пытаться понять. Она так и входит тайной, как песни Окуджавы, и остаётся в организме и уже ничем не выводится».

С. Щеголькова:

9-я мая – главный праздник Милы и Валеры! В этот день они обязательно приглашали друзей и устраивали праздничные застолья.

9-го мая я прилетела из Израиля во второй половине дня. Часов в девять вечера звоню Миле и Валере поздравить с праздником. Слышу праздничный шум, голоса друзей и немного возмущенный голос Милы: «Света! Ты где? Мы звонили тебе несколько раз, приезжай! Ничего не поздно. Вот Валерий кричит, чтобы ты приехала!». Трубку выхватывает Валера: «Света, бери такси и приезжай! Вот, Дима Лейбович обещает отвезти тебя потом на машине домой». Отступление невозможно. Ловлю какую-то машину и вот я уже вхожу в кухню-гостиную, заполненную друзьями. Тут и Иван Миляев, и друзья по театру, близкий друг Валера Шарапов, композитор Елена Фиштик, режиссер Владимир Байчер и многие другие. Праздник в разгаре! Счастливые и радостные лица, все пространство заполнено теплотой общения. Как хорошо, что я приехала!

Успеть сделать что-то для друзей.

Юра Гапонов обратился к Валере с просьбой устроить свой юбилейный вечер в «Экспромте». Юра очень тщательно готовился к вечеру, волновался, просил меня помочь в организации вечера. Звонил по поводу каждого приглашенного, относительно деталей программы и застолья. Как всегда основная забота по подготовке и проведению вечера легла на Валеру.

Накануне вечера я попросила Валеру помочь закупить продукты и он безотказно поехал со мной в магазин на Красную Пресню. Все купили, загрузили в багажник и привезли к Валере домой. При его участии все было организовано замечательно. Выступали наши барды, участники «Архимеда» и другие наши друзья. Юра был счастлив! К сожалению, это был последний день рождения Юры Гапонова.

*На юбилее Ю. Гапонова в Экспромте.
Н.Тиме, Е. Полищук, А. Похил, Ю. Гапонов, С. Щеголькова.*

(из архива С.Рылова)

Е. Трунковский:

После триумфального выступления «Архимеда» на «Боспорских Агонах» у меня с Валерием Миляевым установились весьма теплые дружеские отношения. Конечно, это вовсе не значит, что я чувствовал себя на равных с ним, - масштаб его личности по сравнению с моей был для меня очевиден; однако, тем не менее, мы с ним легко находили общий язык, и нам всегда было о чем поговорить. Как-то перед очередной встречей Нового года я пригласил его в ГАИШ на наш предновогодний вечер. Несмотря на занятость и, насколько помню, не самое хорошее его самочувствие, Валера пришел, приведя с собой для компании Светлану Щеголькову. И хотя в аудитории, где проходил этот вечер, было весьма тесно и шумно, Валера сумел своим рассказом о первых исполнениях «Архимеда» на ступеньках физфака и в ДК МГУ в мае 1960 года вызвать заинтересованное внимание всей аудитории, сопровождавшееся, естественно, установлением полной тишины в ней.

Через какое-то время я стал «званным гостем» в доме Валерия Александровича и его супруги, народной артистки РФ Людмилы Ивановны Ивановой, т.е. в доме, где располагается хорошо известный в Москве театр «Экспромт». Конечно, я приходил туда не в любой желательный для меня момент. Как правило, я бывал там по какому-либо серьезному поводу типа очередного выступления «Архимеда» перед приглашенной хозяевами публикой или творческого вечера кого-то из хозяев по случаю собственного очередного Дня рождения, либо кого-то из людей, близких к «Архимеду», В. Миляеву и Л.

Ивановой. Эти вечера всегда были наполнены ярким творческим содержанием, независимо от количества имеющихся на столе напитков и закусок. На них, естественно, можно было в непринужденной обстановке познакомиться и пообщаться с близкими друзьями хозяев, многие из которых являются очень известными творческими людьми.

В процессе такого общения я убедился, насколько широки и глубоки интересы Валерия Миляева в сферах науки и философии. Например, не являясь астрономом по образованию, но зная о том, что я астрофизик, он проявлял живой интерес к достижениям и проблемам нашей науки. При этом он не только задавал вопросы, но и зачастую высказывал весьма оригинальные и ценные идеи в, казалось бы, не своей области исследований. Поэтому у нас неоднократно возникали очень интересные обсуждения и дискуссии. Из всего этого мне было совершенно ясно, что **наука** является для него все-таки главным смыслом его, как оказалось, не очень долгой жизни. Царствие ему небесное!

Надо сказать, что по своей человеческой природе Валерий Миляев был, безусловно, философом, - не в узко профессиональном смысле этого слова, при котором представители названной профессии далеко не всегда, на мой взгляд, соответствуют, по большому счету, своему высокому официальному званию, а в настоящем, глубинном смысле этого понятия. И думаю, что именно поэтому ему вместе со своим соавтором удалось создать такую замечательную оперу, как «Архимед», - оперу, которая на протяжении многих десятков лет остается актуальной и вызывает живой отклик огромного количества думающих людей и их неподдельный восторг! Можно без натяжки сказать, что эта опера является одним из главных памятников творческим достижениям этого выдающегося человека (наряду с научными трудами и гениальными текстами некоторых песен на его стихи).

Одна из последних моих встреч с Валерием произошла совершенно случайно в вестибюле станции метро «Охотный Ряд» (вероятно, это было в конце 2010 года или зимой 2010/2011 годов). Я направлялся куда-то по своим делам, а Валера задумчиво шествовал по станции навстречу мне. Мы поздоровались, и он сказал, что идет в какое-то чиновничье учреждение по не очень приятным бюрократическим делам. Несмотря на это, он спросил меня с присущим ему живым интересом: «Ну а какие успехи у тебя?» Я ответил, что только недавно вышла моя научно-популярная статья в журнале «Наука и жизнь» под названием «Что такое наука?» (это самая первая статья в выпуске этого журнала № 10 за 2010 год). На это Валера с энтузиазмом сказал, что это замечательно, что об этом надо обязательно писать как можно больше...

Д. Гальцов:

Когда появились строчки «убегу, не остановишь...» я был более чем подготовлен к восприятию. Это было мое, здесь был воздух и свет. И солнце сияло из большого окна комнаты 309, где стоял концертный рояль Эстония и где по средам проходили занятия Ундины Михайловны. Мелодия появилась сама, и почти вся целиком сразу, помню только отдельные строчки потом слегка подправил. Было, правда, одно трудное место, там где «вечером снега сугробы обрушивают фонари». Пелось коряво. Валера пытался это переделать, но получалось хуже—«окутывают»? нет именно обрушивают. И потом «бродим вместе до гроба? до зари?» По музыке вопросительные знаки не выходили - скорее звучало как утверждение. Это я уже намного позже понял, как надо изобразить вопросительный знак, но Никитин уже пел первоначальную версию, которая пошла в народ. Почему-то в одном из сборников эти строчки заменили на «бродим вместе мы оба до зари». Отчего стихи совершенно потеряли первоначальный смысл.

Миляеву очень хотелось внедрить «Ежа» в профессиональный мир. Тем более что рядом с ним была Людмила Иванова, такая известная актриса, сама сочинявшая песни и исполнявшая их с эстрады, и написавшая про Валеру проникновенные строчки:

Я думала, ты – ты моя половинка,
А ты оказался холодным как льдинка.
А ты оказался такой головастый -
Всё время боюсь я, что буду несчастной.
Потом ты любил, ты был нежен и пылок,
И песенку эту совсем я забыла.
Но вдруг поглядишь ты такой безучастный,-
И снова боюсь я, что буду несчастной.

Мелодия этой песни мне тоже кажется замечательной, как и ее звучание в исполнении автора. Холодный как льдинка – это конечно со стороны. А головастый – одна из самых точных характеристик, которые можно было дать Валере.

Мы с Валерием ходили к Олегу Далю, который тогда начинал петь. Но «Ежа» петь не стал. Комментариев не помню, но в целом мне понятно: не было драматизма и подтекста, который в то время все хотели видеть в стихах – тут была чистая лирика. Еще у нас с Миляевым был Дон Кихот (который потом стал песней из двух частей- моей и Сережи Никитина), там был некоторый подтекст, и его Олег, кажется, спел. Потом еще ходили к Гелене Великановой, но уже не помню, что из этого вышло. Но так или иначе, именно «Еж» стал этаким пуповиной, связавшей нас с Валерой на всю жизнь. Иногда мне

даже казалось, что это его тяготит. Позже Валера выберет «Ежа» как главного героя своего поэтического сборника.

А насчет подтекста – то хотя дух свободы и фронда безусловно присутствовали, стоит сказать, что агитбригада была далека от диссидентства. Диссиденты редко ездили на целину (разве по необходимости) и в стройотряды. А для агитбригады это было праздником. Это был дух свободы жить по своим правилам. Свободы писать свои стихи и петь свои песни. Это в полной мере можно отнести к Валере Миляеву. Профессиональная карьера конечно была для него главным приоритетом. И он достиг многого. Но никогда не оставлял и ту, другую жизнь. Когда появился «Экспромт», он стал постоянным местом поэтических священнодействий, которые обрели там профессиональное «прикрытие». Мы все должны быть очень благодарны ему и Людмиле Ивановне за продление «той» жизни.

В. Шарапов:

У А. Ахматовой в цикле стихов «Шиповник цветет. Из сожженной тетради» есть строчки «И встретить я была готова *моей судьбы девятый вал*». Девятый вал судьбы...Мне кажется эти слова очень точно выражают состояние Милы после смерти Валеры. Валера умер, когда Мила лежала в больнице. Его смерть была неожиданной. Он умер в пятницу, 16 декабря 2011г. За несколько дней до этого, кажется это было вечером во вторник, я позвонил ему. Он рассказал, что Мила в больнице, а сам он приболел. Я спросил, не надо ли ему чего-нибудь принести из магазина. "Ничего не надо. У меня всё есть. Давай заезжай в пятницу, я думаю, что поправлюсь". Несколько раз я звонил ему во второй половине дня в пятницу. Никто не отвечал. Я решил, что он у Милы в больнице. А в субботу утром мне позвонили и сказали, что он умер вчера. Ваня вечером нашел его уже мертвым. О том, что Валера умер, Миле сказали Иван и В. Байчер, когда она лежала в реанимации.

Я увидел её уже дома, в начале января. Галя, её помощница по дому, предупредила, что ей тяжело и чтобы больше 15 минут не задерживался. Мила действительно была очень слаба, говорить ей было трудно, и она даже не отрывала голову от подушки. Говорила, что не знает как дальше жить, да и вообще жить не хочется. Я в ответ говорил какие-то слова утешения, хотя и понимал, что толку от этих слов немного.

Валера был не просто самый близкий ей человек. В последнее время она уже с трудом передвигалась на костылях по квартире, и он был для неё настоящей опорой и в домашних, и в театральных делах, да и во всех остальных жизненных ситуациях. И она понимала, что теперь ей надо будет учиться жить без него. Всё усугублялось ещё и тем,

что всего полтора года прошло после смерти их младшего сына Саши, и боль от его ухода была ещё очень сильной.

К лету 2012г. она несколько окрепла и могла с помощью Гали пересаживаться в коляску. Но ходить самой, даже на костылях, ей уже больше не доведётся, хотя они с Галей долго пытались научиться этому. Болезнь не позволила это сделать. Она уже до смерти была привязана к коляске.

Тогда же она сказала, что хочет сделать книгу о Валере и попросила написать что-нибудь о нём. Работа была большая и, слава богу, у неё хватило сил на неё. Это дело её увлекло и поддерживало в тот первый, самый тяжёлый год после его ухода.

Книга, названием которой стала строчка из его стихотворения, "Когда я буду снова молодым", вышла в 2013г. Мне кажется, что создание этой книги - это лучшее, что можно было сделать для сохранения памяти о нём.

Последний раз я видел Милу 23 сентября (2016г.). Я позвонил ей днем, и после обмена приветствиями она спросила: "Ты можешь сегодня заехать?" Я ответил, что да, именно поэтому и звоню. "Ну тогда приезжай. Жду". Я приехал часов в шесть. Кроме неё и Гали никого не было. Они угостили меня Мартини, а сами выпили сок. Галя вскоре ушла в другую комнату, а мы проговорили, наверное, часа два или два с половиной. Мила выглядела заметно хуже, чем полтора месяца назад, когда я заезжал к ней 5 августа, в день рождения Валеры. Тогда она не выглядела больной или усталой. С гордостью и с удовольствием рассказывала о том, что снимается в сериале для НТВ. В таком приподнятом и оживлённом состоянии я давно её не видел, и подумал, что со здоровьем произошел какой-то поворот к лучшему. Но сегодня она была заметно похудевшей, движения рук были неуверенными, и ей трудно было держать даже стакан с соком. Но, удивительное дело, голова была ясной, без всяких скидок на болезнь и возраст, а память совершенно не угасшей. Мы говорили о многом – о делах в "Экспрессе", в "Современнике", вспоминали Валеру, говорили о Ване, его семье, о внуках. При этом она вспоминала какие-то детали событий давно прошедших лет. С гордостью рассказала, как недавно на встрече со зрителями (кажется в Тарусе) зал приветствовал её стоя. Это её очень тронуло.

С. Щеголькова: Последняя встреча.

16 декабря, четверг. Почти в полночь раздаётся телефонный звонок. Голос Ивана Миляева: «Света ты стоишь? Сядь!», в голове сразу мелькнула мысль: «Мила в реанимации — что-то случилось». И вдруг как удар грома: умер Валера. Сознание

отказывалось это принимать. Почему? Почему? Уходят лучшие надёжные друзья, полные энергии и планов, как налету подстреленные птицы.

Только вчера разговаривала с Валерой по телефону (он приболел, видимо простудился). Чувствовал себя уже хорошо, собирался на следующий день в пятницу встретиться с Валерием Шараповым, а в субботу ехать в Крым, решать какие-то текущие дела. Ещё в воскресенье мы были у Валеры на даче. Он позвонил мне в пятницу : «Поехали в субботу на дачу, возьмём Лену Фиштик, она нас будет смешить!». Мне не хотелось ехать, но в воскресенье он позвонил снова и твёрдо сказал: «Едем!». Я сказала, что у меня встреча в 14 30. «Я заезжаю за тобой в 15 30 с Леной» - последовал твёрдый ответ. По дороге заехали на рынок. Валера купил для дома полный багажник продуктов. На даче застали сына Ивана с женой и внуком Тихоном, собиравшихся уже уезжать. Валера показал лежащие на подоконнике какие-то деревянные поделки, сделанные внуком: «Вот Тихон - единственный мой последователь, любитель работать с деревом». Камин, бутылка сухого красного вина, бутерброды и беседа.

Какая-то печаль проскальзывала у Валеры. Обычно много шутил... Пошёл, затопил баню. Дача без парилки - это невозможно. Пошёл париться. Я и Лена отказались и остались у камина. В девятом часу вечера отправились в Москву. По дороге Валера позвонил Миле, сказал, что он уже возвращается, только завезёт меня домой, где-то высадит Лену и скоро прибудет.

Эта встреча оказалась последней. Мне казалось, что я не смогу больше прийти в эту квартиру: войти и не услышать шаркающих (из-за больших тапочек) шагов, выплывающего из своей комнаты улыбающегося Валеры. Мила была в реанимации. Когда к ней пришёл Иван, Мила спросила: «Где Валера?» и тут же сказала: «Если Валера не пришёл - значит умер».

После возвращения Милы из больницы я позвонила сиделке Гале узнать о состоянии Милы и предложить свою помощь. Через два дня Галя передала мне просьбу Милы приехать. Войдя в комнату увидела лежащую в специальной медицинской кровати Милу, очень слабую и бледную. Рядом сидел мужчина, которому Мила едва слышным голосом что-то диктовала. «Я пишу книгу о Валере. Помогите мне,» - тихо произнесла она. Я подняла свой «архив», нашла студенческие стихи Валеры, фотографии разных лет. Вдруг увидела стихи «Я сегодня такой хороший, ведь сегодня меня хоронят...» и остолбенела. Было впечатление, что они написаны только что, а это было на втором или третьем курсе.

Передала все Миле. Книга о Валерии «пока я буду снова молодым» вышла. Мила подарила мне экземпляр с едва видимой надписью, поскольку руки ещё были очень слабы: «Спасибо, спасибо».

Мои родители и братья покоятся на Пятницком кладбище, и когда я навещаю их, то обязательно подхожу к памятнику Валере с надписью:

«Я, как старый матрос, арестованный сушей,
Но во сне по весне продолжаю летать».

Итак, мы возвращаемся к началу:

МНЕ ВЕСНА НАВОРОЖИЛА...

Участники проекта:

Байчер Владимир

Родился 05.01.1964 г., Выпускник ГИТИС. Преподаватель в ГИТИС, режиссер

Болотовский Борис.

Ванин Анатолий.

Родился 04.05.1961г. Выпускник физического факультета МГУ 1961г. Работает в НИИ химической физики АН РАН. Зав. лаборатории, доктор биологических наук. Научная работа в области исследования механизма действия оксида азота.

Замятнин Александр

профессор, доктор биологических наук, кандидат физико-математических наук. Родился 23 октября 1940 г. в городе Ленинграде, блокадник. С 1947 житель Москвы. Учился скрипке в музыкальной школе Гнесиных. В 1958 году поступил на механико-математический факультет. Позднее в обход медицинской комиссии по договоренности академиков И.К.Кикоина и А.Н.Колмогорова был переведен на физический факультет, который закончил в 1964 г. по кафедре биофизики. Затем полтора года работал в институте атомной энергии им. И.В. Курчатова, после чего учился в аспирантуре

Московского физико-технического института на базе Института биологической физики АН СССР в Пущино под руководством проф. Д.А. Франк-Каменецкого. С 1993 – сотрудник Института биохимии им. А.Н. Баха РАН, с 2004 г. – ассоциированный исследователь Университета Санта Марии в г. Вальпараисо (Чили). Автор более 200 научных и более 30 научно-популярных публикаций. Был аккомпаниатором первой постановки оперы “Архимед” и второй постановки “Дубинушки”.

Гальцов Дмитрий.

Геллер Борис.

Грачев Владимир

Гусев Гера.

Зубова Ирина.

Родилась 24 сентября 1952 года в г.Куйбышеве (ныне Самара). В школу пошла в Челябинске. Осенью 1961 года переехала в Ленинабад (ныне Худжант), а годом позже в Душанбе. Здесь закончила школу и энергофак Политехнического института. В 1974 году приехала в Москву вслед за родителями, которые переехали сюда годом раньше. С марта 1975 года по декабрь 1982 года работала в НИИ Автоматической Аппаратуры, с января 1983 года по март 2001 года - в ВЦ РУДН, затем в МГУ на кафедре акустики. В ДУЭТе с 1986 года, с первого спектакля и по сей день. В 1995 году В. Канер ввел меня в оперу «Архимед», и по сей день я выступаю и с этим коллективом.

Егорова Ирина.

Кандидов Валерий.

Родился в 1937 году, выпускник физического факультета 1959 года. Будучи секретарем бюро ВЛКСМ факультета в 1959-60 гг., “крышевал” первый праздник “День рождения Архимеда” и первую постановку оперы “Архимед”. Один из организаторов Союза выпускников физического факультета (www.urmsu.ru). Доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Ломоносовской премии МГУ. В науке занимался динамической аэроупругостью, электронным моделированием, вибродемпфированием, методом конечных элементов, атмосферной оптикой, адаптивной оптикой, эффектом Тальбо, нелинейной статистической оптикой, фемтосекундной филаментацией. Сейчас вместе с С.Чекалиным “отливаю” световые пули.

Лейбович Дмитрий

Родился 07.07.1946 г., Выпускник МАИ 1970 г., Работаю в Центральном институте авиационного машиностроения. Увлечение – автоспорт.

Недорезов Володя

Родился 13 сентября 1946 г. В Москве, выпускник физфака МГУ 71 года, доктор физ.-мат наук, профессор МГУ на кафедре атомного ядра и квантовой теории столкновений, зав. ЛФЯР ИЯИ РАН. Ветеран ССО, ветеран ДУЭТа, ветеран изостудии Центрального Дома Ученых. Соавтор книг о Валере Канере, Грише Похиле, Юре Гапонове. Автор книги «Шаги по времени», М.2008.

Некрасова Мила.

Приходько Лидия.

Прохоров Анатолий.

Родился в 1948 году в Осло (Норвегия) по месту прохождения службы отца: электрохимика, военного дипломата, доктора военных наук, генерал – лейтенанта и заместителя начальника Генштаба ВС СССР. В 1971 году окончил физический факультет МГУ по кафедре квантовой статистики. Кандидат физико-математических наук с 1978. В 1971–1989 был научным сотрудником в Институте физической химии АН СССР. Параллельно занимался семиотикой, культурологией, историей, теорией и практикой театра и кино. В 1979 организовал Клуб пластического искусства ЦДРИ СССР и был его президентом до 1985 года. Один из основателей и вице-президент Московской

анимационной студии «Пилот» (1988–2006), продюсер (совместно с Александром Татарским) более 30 анимационных фильмов, получивших около 45 международных наград, включая «Золотую пальмовую ветвь» в Канне и номинацию на «Оскар». С 1990 – член Союза кинематографистов СССР. Художественный руководитель проекта «Смешарики». Награжден орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени (2008), лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства (2009).

Рыжкина Татьяна.

Окончила физический факультет МГУ в 1961г. Основное место работы - Институт радиотехники и электроники АН СССР (РАН), младший, позже старший научный сотрудник. В 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию. Занималась проблемами взаимодействия радиоволн с плазмой и распространения радиоволн различных диапазонов в ионосфере Земли. С 2007 года на пенсии.

Рукавишников Валерий.

Рылов Станислав.

Селезнева Наталья

После окончания факультета журналистики МГУ работала редактором в издательстве «Искусство», затем научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусствознания Академии наук СССР, исполняла должность ведущего инспектора Министерства культуры СССР, была заместителем директора музея Н. Рериха. Инициатором и один из создателей эстрадного театра «ДУЭТ», художественным руководителем которого я числилась лишь формально, так как основную нагрузку взяли на себя Валерий Канер и Валерий Миляев. Детский поэт, автор книг «Солнышко смеется», «В цирке», «Борщ», представленных на международных выставках в Москве и Франкфурте на Майне (2014 г.). Автор многочисленных стихов, песен и романсов. Издатель сборника «Песни для друзей». Многократно печаталась в известных литературных журналах и сборниках. Член союза писателей России.

Смирнов Сергей.

Родился 30 мая 1944 года в семье офицера, прошедшего всю войну и окончившего ее в Праге. Окончил физфак МГУ в 1968 году. Композитор, лауреат всесоюзных и российских конкурсов и фестивалей авторской песни. После войны мой отец, Смирнов Александр Яковлевич, был направлен с частями НКВД во Львов на борьбу с бендеровцами, а после мы оказались на Кольском полуострове в поселке Гремиха, по ненецки Йоканьга, на границе с Норвегией, где прожили три года. В 1951 году мы оказались на Сахалине, в г. Холмске, где я пошел в 1-й класс. В 1953 году мы переехали в Электросталь, где я когда-то родился, и мне купили настоящий аккордеон, и я с упоением начал его осваивать. Дальше песенная дорожка привела меня в Московский городской Дворец детского (юношеского) творчества на Воробьевых горах, где Марина Владимировна Щигарева ввела меня в Клуб бардовской песни «Воробьевы горы», где моя песня «Кто счастливый» стала гимном Клуба. Я бесконечно благодарен Марине Владимировне, сыгравшей в моей личной жизни фантастическую роль – она познакомила меня со своей подругой, с которой мы теперь всегда неразлучны. Единственно, о чем мы жалеем с Танечкой – что мы так поздно встретились. Я очень рад, что по жизни мне всегда встречались добрые, чудесные, творческие, замечательные люди, которые помогали мне своим, порою незримым, присутствием преодолевать любые трудности и создавать песни, которые тепло воспринимаются моими друзьями. Моя мечта – добавить к уже созданным полутора сотням еще много-много песен, чтобы их пела планета.

Сокольская Ирина

Выпускница физфака МГУ 1971 г., кандидат физ.-мат. наук, в.н.с. лаборатории ядерного магнитного резонанса ГНЦ РФ «ГНИИХТЭОС». Активный участник ССО (9 отрядов), агитбригад физфака, член ДУЭТа, Венера «Архимеда».

Тиме Наталия.

Родилась 7 октября 1942 г. в Пензенской области. Выпускница физфака МГУ 1965 года. Кандидат физ.-мат. наук. Специалист по дистанционным методам исследования турбулентности в атмосфере. На пенсии с 1995 г. Во 2-ом браке жена Канера В.В. (1979 - 1999 г.г.), в 3-ем браке жена Кандидова В.П. (2003 - 2017 г.г.). В прошлом автолюбитель (с 1956 г.), повариха в ССО, шахматист и картежник, горнолыжник и яхтсмен, путешественник, строитель и садовод, костюмер в ДУЭТе. Составитель и издатель книг и дисков Валеры Канера. Организатор вечеров памяти В. Канера и соавтор всех публикаций о нем.

Трунковский Евгений

Родился 1 октября 1952 года в городе Кандалакша Мурманской области (Кольский полуостров). С 1970 по 1976 гг. учился на Астрономическом отделении физфака МГУ. С 1972 г. - участник "Архимеда". В 1976-1979 гг. работал в Институте физики атмосферы АН СССР. В 1983 г. успешно окончил аспирантуру физического факультета МГУ по кафедре астрофизики. В октябре 1988 г. защитил кандидатскую (физ.-мат.) диссертацию в ГАИШ МГУ. С 1987 г. работаю в Отделе звездной астрофизики ГАИШ МГУ. Занимаюсь астрофизическими исследованиями различных звезд и других астрономических объектов на основе высокоскоростных фотометрических наблюдений. В опере "Архимед" - участник хора, а также исполнитель некоторых эпизодических ролей.

Рылов Станислав

1950 года рождения, в 1967-1973 годах учился на физфаке МГУ, окончил кафедру космических лучей и ускорителей. С 1975 по 1985 год работал в ФИАНе, в лаборатории фотомезонных процессов в Академгородке г. Троицка под руководством Черенкова П.А. С 1985 года сотрудник ИАЭ-ОНИИ, Москва, с 1988 по 2009 год - ФИАЭ - ТРИНИТИ, г. Троицк.

Семенов Сергей.

Родился 07. 09. 1948 г. Окончил физфак МГУ. Кандидат физико - математических наук. Работает в Национальном исследовательском центре "Курчатовский Институт".

Фиштик Елена

Композитор, лауреат международных композиторских фестивалей. Автор трех симфоний, трех опер по А. П. Чехову (были поставлены в оперном театре в Москве в 1989 году), пятичастной оратории для большого симфонического оркестра. автор большого количества эстрадной музыки и песен, а также мюзиклов для детей и взрослых. Автор музыки для кинофильма «Сальвадор Дали», к спектаклю "Волшебный чай", автором которого является Людмила Ивановна Иванова. Симфонические сочинения удостоены чести храниться во всемирной библиотеке (Канада). Обладательница статуэтки «Под знаком фортуны» Московского книжного фестиваля. Награждена медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015).

Фридман Виктор, композитор, пианист, джазмен...

Харламов Андрей.

поступил на Физфак МГУ в 1968 году и сразу же пришел в оперную студию «Архимед». С 1969 по 1973 годы был начальником штаба оперной студии «Архимед». В 1974 году после окончания кафедры физики моря распределился на Сахалин в СахКНИИ (Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт), позднее переименованный в ИМГиГ (Институт морской геологии и геофизики). Вернулся в Москву в 1995 году. Ведущий инженер лаборатории цунами Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН.

Чекалин Сергей.

Родился 24 сентября 1943 г в Москве. Заслуженный артист Большого физического театра оперы и балета, исполнял роль Кола в опере "Серый камень", старосты курса, божьего отпрыска, Марса и более 40 лет - отставного бога Бахуса в опере "Архимед". Другие мои хобби: прогулки на лыжах под луной, байдарочные походы, шабашки (включая участие в ССО, коего являюсь задокументированным ветераном, гулянье с внуками и, наконец, работа в Институте спектроскопии РАН (впрочем, это уже не хобби, т.к. здесь я получаю зарплату). В этой конторе (я имею ввиду РАН) я состою уже более 50 лет, сейчас в виде

главного научного сотрудника и зав. лабораторией ультрабыстрых процессов. Последние увлечения здесь – 4D-спектроскопия, световые пули, сверхбыстрые фазовые переходы.

Шарапов Валерий.

Щеголькова Светлана

Родилась 8 декабря 1937 года в г. Москве. Закончила физфак МГУ. Работала в ОКБ и НИИ Министерства электронной промышленности. Занималась разработкой мощных свч - приборов, исследованием воздействия ускоренных электронов на различные материалы и процессы, выращиванием и исследованием радиационноустойчивых пьезокристаллов. Во все времена бессменный редактор и оформитель стенгазет. В первых постановках "Архимеда" танцовщица в кардобалете, в последних – участие в массовках и работе орг.отдела.

В сборнике использованы отрывки из выступлений и публикаций авторов (из архивов А.Харламова и С.Щегольковой):

Захаров Владимир .

Гапонов Юрий,

Ковалева Светлана,

Канер Валерий,

Кессених Александр,

Миляев Иван.

Тонеев Слава.

Никитин Сергей.

Крылов Сергей.

Комберг Борис.

schekalin@yandex.ru, irina-sokol@list.ru, ryzhkinatan@mail.ru, ntime42@mail.ru,
irina.egorova.2014@list.ru, sveta0812@gmail.com, l.nekrasova@mail.ru, aaz@inbi.ras.ru,
elenafishtik@gmail.com, slavalinkin1@yandex.ru, sasbard@bk.ru, har151@mail.ru,
zip2627@yandex.ru, gdmv04@mail.ru, valery.rukavishnikov@gmail.com, tem@sai.msu.ru,
kandidov@physics.msu.ru, vanin.dnic@gmail.com, l.prikhodko@mail.ru,
proanat@yandex.ru, sharapov_v_sh@mail.ru, Semenov_SV@nrcki.ru

Библиография:

1. Сборник «Вернуть былое» Валерий Канер глазами друзей. М., 2015.
2. В.Миляев. «Ласкающийся еж», М., Добросвет, 2007.
3. Л.Иванова «Когда я буду снова молодым», М., Время, 2013.
4. Л.Иванова. «Приходит время. Поэты физфака МГУ 60-х». Изд.Центр «Витязь». М. 1994.

5. В.Канер. «Листья лета», М. Вертикальный мир, 2000.
6. В.Канер. Шизики футят. М., фонд «Байтик»,интерпринт , 1994.
7. С.Ковалева «Ты помнишь, физфак», М.2003.
8. В.Канер, В.Миляев, В.Шарапов. «Всполохи былого. Фото и поэзия». М. 2008.
9. О.Г.Герасимова ««Оттепель», «Заморозки» и студенты московского университета», М, АИРО-XXI, 2015.